

Райчел Мид

Сны суккуба

Джорджина Кинкейд — 3

Посвящается Кристине, у которой моих книг больше, как я подозреваю, чем у меня самой.

Мне очень дороги твои дружба и поддержка.

БЛАГОДАРНОСТИ

Для того чтобы написать книгу, требуется население небольшого городка, а то и нескольких. Я благодарна всем друзьям и родственникам, которые мне помогли. Особенно команде первых читателей — Дэвиду, Джею и Марси. Спасибо вам, ребята, за то, что читали быстро и подбадривали меня, когда все получалось так, как задумано. Спасибо и за то, что давали знать, когда не получалось — будь то неудачный выбор слова или «чрезмерная эмоциональность и сентиментальность» Джорджины.

Огромное спасибо моему агенту Джиму Маккарти, который никогда не задерживается с ответом по электронной почте, ценными советами и заверениями в том, что я и в самом деле талантлива и умна. И моему издателю Джону Скокьямилло, который тоже всегда отвечает вовремя и весьма великодушен насчет крайних сроков.

Напоследок я должна горячо поблагодарить читателей за отклики, присылаемые постоянно по электронной почте и на блог. Увлеченность, с которой вы читаете мои книги, вдохновляет меня на продолжение.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хотелось, чтобы парень поторопился. Я заскучала.

Увы, похоже, к финишу он придет не скоро. Брэд — или Брайан, или как там его звали — трудился, самозабвенно закрыв глаза, с таким усердием, словно секс требовал сосредоточенности не меньшей, чем операция на мозге или подъем штанги.

— Бретт, — простонала я.

Настало время пустить в ход тяжелую артиллерию.

Он открыл один глаз.

— Брайс.

— Брайс... — Я сделала вид, что приближаюсь к пику. — Пожалуйста... пожалуйста... не останавливайся.

Открылся второй глаз. Оба широко распахнулись.

Минутой позже все кончилось.

— Прости, — выдохнул он, скатившись с меня.

Вид у него был расстроенный.

— Я как-то... не подумал...

— Порядок, детка.

Я немного раскаивалась, что пришлось применить трюк «не останавливайся». Он срабатывал не всегда, но на некоторых парней это действовало.

— Все было изумительно.

И на самом деле я почти не лгала. Сам секс — так себе, но последовавшая волна... ощущение его жизни, его энергии, вливающих в меня... это да. Это и впрямь было изумительно. Чем суккубы вроде меня, собственно говоря, и живут.

Он устало улыбнулся. Силы его струились сейчас в моем теле. Опустошенный, выжженный, вскоре он должен был заснуть и проспять чуть ли не сутки. Душа у него была хорошая, взяла я ее много... как и самой жизни. Теперь он проживет на несколько лет меньше — из-за меня.

Торопливо одеваясь, я старалась об этом не думать. Напомнила себе, как обычно, что должна заниматься этим ради выживания. К тому же таково требование моих inferнальных хозяев — регулярно совращать хороших людей. Из-за плохих я испытывала меньше угрызений совести, но они не соответствовали квотам ада.

Брайса мой поспешный уход удивил, но сил задержать меня у него не оставалось. Я пообещала позвонить — не собираясь этого делать — и, не успев он задремать, выскользнула из квартиры.

Перевоплотилась, едва ступив за дверь. С ним я была высокой черноволосой женщиной, теперь же снова приняла излюбленный вид — маленький рост, зелено-карие глаза, светло-каштановые волосы, отливающие золотом. Внешность я меняла всю жизнь, не останавливаясь на какой-то одной надолго.

Выбросив Брайса из головы, как и большинство мужчин, с которыми спала, я поехала к дому, почти уже ставшему для меня родным. То было желто-коричневое здание, в окружении других таких же, с безуспешной претензией на стильность архитектуры. Припарковав перед ним свой «пассат», я выудила из сумки ключ и вошла.

В доме царили тишина, покой, темнота. Часы показывали три пополуночи. Подойдя к спальне, я превратила свой наряд в красную ночную рубашку. И застыла в дверях, оттого что дыхание перехватило. Удивительно... столько времени прошло, я, казалось бы, уже привыкла к нему, и вид его не должен так меня волновать. Но волновал. Всякий раз.

Сет спал, разметавшись на постели, закинув руку за голову. Дышал глубоко, неровно, простыни сбились клубком вокруг длинного, худого тела. При луне цвета его светло-русых волос было не разглядеть, на солнце же они казались рыжеватыми. И, пока я любовалась им, тепло разливалось в груди. Не думала, что снова испытаю когда-нибудь подобные чувства, после веков... пустоты. Брайс ничего для меня не значил, а этот мужчина значил все.

Я легла рядом, и вокруг меня тут же обвилились его руки. Повинуясь, видимо, инстинкту. Связь между нами была так глубока, что даже во сне мы не могли держаться друг от друга на расстоянии. Прижавшись щекой к груди Сета, согретая его теплом, я начала засыпать. Угрызения совести из-за Брайса отступили, остались лишь Сет и моя к нему любовь.

В сон я провалилась почти мгновенно. Хотя на самом деле оказалась словно бы и не во сне, во всяком случае, я там не действовала. А наблюдала за событиями со стороны, как в кино. Только, в

отличие от кино, ощущала происходящее очень явственно. Звуки, запахи... все было даже живее, чем в реальности.

Сновиденная Джорджина находилась в какой-то незнакомой кухне. Светлой, полной самой современной техники — я готовлю редко, и мне столько никогда не требовалось. Джорджина стояла у раковины, погрузив руки по локоть в пенную воду, пахнущую апельсинами. Она мыла посуду, что удивило меня настоящую... но мыла весьма небрежно, что не удивило. Лежавшие на полу детали разобранной посудомоечной машины объясняли, почему понадобилось делать это руками.

Из соседней комнаты доносилась песня «Sweet Home Alabama». Сновиденная я подпевала, моя посуда, и каким-то сюрреалистическим образом я настоящая ощущала ее счастье. В ее душе царили такой покой, такая радость, каких мне испытывать еще не приходилось. Настолько счастливой я не чувствовала себя даже с Сетом... а с ним я была счастлива чертовски. В тот миг я и представить себе не могла, что именно вызвало такие чувства у сновиденной Джорджины, занятой столь прозаическим делом, как мытье посуды.

Я проснулась.

К удивлению, за окном было утро, светлое, солнечное. Как пролетело время, я не заметила. Сон длился, казалось, всего минуту, но, судя по будильнику, прошло целых шесть часов. И, лишившись счастья, которое испытывала во сне, я почувствовала себя больной.

Странно... что-то не так. Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, в чем дело, — я пуста. Энергия, необходимая для выживания, энергия, которую я украла у Брайса, пропала. Ее оставалось даже меньше, чем до того, как я с ним переспала. Немыслимо. Подобного притока жизненной силы должно было хватить недели на две по меньшей мере. И все же я чувствовала себя почти такой же высушенной, как он. Не настолько слабой, чтобы потерять способность к перевоплощению, однако новую дозу требовалось получить в ближайшие два дня.

— Что случилось? — послышался рядом сонный голос Сета.

Я повернула голову. Он, приподнявшись на локте, смотрел на меня с нежной улыбкой. Объяснять не хотелось. Пришлось бы упомянуть Брайса. И хотя Сет знал — теоретически, — что именно делала я для выживания, неведение было счастьем.

— Ничего, — сказала я.

Что-что, а лгать я умела. Он коснулся моей щеки.

— Я скучал по тебе вечером.

— Неправда. Ты развлекался с Кейди и О'Нейлом.

Он улыбнулся шире, глаза сделались мечтательными, взгляд обратился внутрь, как всегда, когда он думал о своих персонажах. За долгую жизнь меня не раз молили о любви короли и полководцы, однако даже мои чары не выдерживали порой конкуренции с людьми, жившими в воображении Сета.

К счастью, сегодня такого не случилось. Он вновь сосредоточился на мне.

— Нет. Куда им до тебя в ночной рубашке. Между прочим, это в духе Энн Секстон, помнишь ее «коричные сердечки из кондитерской»¹?

Только Сет мог цитировать в качестве комплимента поэтессу, страдавшую психическим расстройством. Я опустила взгляд, провела рукой по красному шелку.

— Да, — согласилась я, — смотрится неплохо. Пожалуй, в ней я выгляжу даже лучше, чем без нее.

Он усмехнулся.

— Нет, Фетида. Не лучше.

Я улыбнулась, как всегда, услышав ласковое имя, которое он придумал для меня. Фетида, мать Ахилла, меняющая обличья богиня, побежденная настойчивым смертным. И тут — что для сдержанного Сета было редкой пылкостью — он обнял меня и принялся целовать в шею.

— Эй, — сказала я, неохотно вырываясь. — На это времени нету. У меня дела. И еще я есть хочу.

— Понял, — пробормотал он, приближая губы к моим.

Я перестала сопротивляться. Целовался Сет потрясающе. Его поцелуи таяли на губах, словно сладкая вата, переполняя меня нежностью. Но растаять по-настоящему нам, увы, не дано. В выверенный с точностью до секунды — хоть по часам проверяй — момент он прервал поцелуй. Убрал руки. И посмотрел, улыбаясь, на меня, замершую в неуклюжей позе. Я тоже улыбнулась, подавив разочарование, которым обычно сопровождались эти отступления.

¹ Речь идет о стихотворении «Песнь о красной ночной рубашке» известной американской поэтессы XX в. Энн Секстон. (Прим. ред.).

Но только так мы и могли, и, честно говоря, способ был неплох, учитывая сложность наших отношений. Мой друг Хью пошутил однажды, что, мол, все женщины воруют у мужчин душу, пробыв с ними достаточно долгое время. Со мной на это не требовались годы совместной жизни. Хватило бы и одного затяжного поцелуя. Такова сущность суккубов. Не я устанавливала эти правила, и не в моих силах прекратить ненамеренное воровство энергии при тесном физическом контакте. Правда, определить, случился ли контакт, я могла и старалась его не допускать. Я жаждала быть с Сетом, но жизнь у него, как у Брайса, воровать не желала.

Я села, собираясь встать, но Сет в то утро, видно, расхрабрился. Он обхватил меня за талию, посадил к себе на колени, прижал к груди и уткнулся небритым лицом в шею и волосы. Глубоко вздохнул, весь дрожа. Потом медленно выдохнул, словно пытаясь взять себя в руки, и обнял меня еще крепче.

— Джорджина, — шепнул в затылок.

Я закрыла глаза. Шутливое настроение пропало. Обоих накрыло темным облаком разгоравшегося желания и боязни того, что могло произойти.

— Джорджина, — повторил он голосом низким и хриплым.

Я почувствовала, как снова таю.

— Знаешь, почему говорят, что суккубы являются мужчинам во сне?

— Почему? — Голос у меня дрогнул.

— Потому что ты снишься мне каждую ночь.

Услышанные от кого другого, слова эти показались бы банальностью, но у него обрели вдруг глубину и значимость. Пытаясь совладать со взрывом эмоций, я зажмурилась еще крепче. Мне хотелось плакать. Хотелось заняться с ним любовью. Хотелось кричать. Иногда всего этого казалось слишком много. И чувств. И опасности. Слишком, слишком много.

Я открыла глаза и повернулась так, чтобы видеть его лицо. Некоторое время мы смотрели друг на друга, оба при этом желая большего, не в силах ни дать его, ни принять. И, первой отведя взгляд, я с сожалением высвободилась из объятий.

— Вставай. Завтракать пора.

Сет жил в университетском округе Сиэтла — «У-округе», как называли его местные, и поблизости было полно магазинов и ресторанов, обслуживавших студенческий городок. Мы устроились в маленьком кафе, и вскоре, под омлет и разговоры, этот смущающий момент был забыт. Потом, держась за руки, мы двинулись неторопливо по улице. И меня ждали дела, и Сету нужно было садиться за работу, но не хотелось расставаться.

Сет вдруг остановился.

— Джорджина.

— Что?

Он, вскинув брови, уставился куда-то на другую сторону улицы.

— Там стоит Джон Кьюсак.

Я проследила за его недоверчивым взглядом. Там и вправду, прислонясь к стене и покуривая сигарету, стоял мужчина, очень похожий на Джона Кьюсака. Я вздохнула.

— Это не Джон Кьюсак. Это Джером.

— Серьезно?

— Ну. Я же говорила тебе, что он похож на Джона Кьюсака.

— Ключевое слово — «похож». Этот тип на него вовсе не похож. Это он и есть.

— Нет. Уж поверь. — Заметив нетерпение на лице Джерома, я выпустила руку Сета. — Подожди, сейчас вернусь.

Перешла улицу и, приблизившись к своему начальнику, почувствовала, как меня окутала его аура.

Каждый бессмертный наделен уникальным излучением, а у Джерома, как у демона, оно было особенно сильным. Расходилось от него волнами жара — словно стоишь возле включенной духовки.

— Говори скорей, — сказала я. — Портишь мне романтическую интерлюдия. Как обычно.

Джером бросил сигарету, оттолкнул ее носком черного ботинка от Кеннета Коула. Презрительно глянул по сторонам.

— Романтика, здесь? Брось, Джорджина. Ее тут нет. Это местечко — даже не заправочный пункт на пути к романтике.

Я сердито уперла руку в бок. Когда бы Джером ни врвался в мою личную жизнь, это вечно

предвещало множество бедствий, с которыми не хотелось иметь ничего общего. И что-то подсказывало мне, что нынешний раз исключением не станет.

— Чего ты хочешь?

— Тебя.

Я заморгала.

— В смысле?

— Сегодня вечером у нас собрание. Всего штата.

— Говоря «всего штата», ты и впрямь имеешь в виду весь штат?

В последний раз архидемон Сизтла собирал всех своих подопечных для того, чтобы сообщить, что местный черт «не отвечает ожиданиям». Джером позволил нам попрощаться с ним, после чего низверг беднягу в огненные пучины ада. Грустно было, но место его занял мой друг Хью, и потерю я пережила. Оставалось надеяться, что у нынешнего собрания цель иная.

Джером бросил на меня раздраженный взгляд, говоривший, что я зря трачу его время.

— По-моему, я выразился вполне определенно.

— Во сколько?

— В семь. У Питера и Коди. Не опаздывай. Твое присутствие обязательно.

Гадство. Не меня ли собрались изгнать на сей раз? Вроде бы в последнее время я вела себя хорошо.

— А по какому поводу?

— Придешь — узнаешь. Не опаздывай, — повторил он.

Шагнув в сторону, в тень дома, демон растворился.

Мне сделалось не по себе. Демонам никогда не стоит доверять, а уж если они носят обличье капризных кинозвезд и являются с загадочными приглашениями — тем более.

— Все в порядке? — спросил Сет, когда я вернулась.

Я немного подумала.

— Да, в общем, как всегда.

Он благоразумно не стал уточнять, и мы, наконец, расстались. Мне ужасно хотелось знать, чему посвящено предстоящее собрание, но еще больше — что лишило меня ночью энергии. И, разъезжая по делам — бакалея, замена масла, универмаг «Мэйси», — я обнаружила, что снова и снова вспоминаю странный сон. Короткий, но такой яркий и живой. Почему-то я никак не могла перестать о нем думать.

Занятая этой загадкой, я не заметила, что уже семь часов. И, спохватившись, с тяжелым сердцем помчалась к Питеру, то и дело превышая скорость. Чудесно. Я таки опаздывала. Гнев начальства грозил обрушиться на мою голову, даже если собрание касалось вовсе не меня и моей будущей безработицы.

Излучения бессмертных я почувствовала футах в шести от двери в квартиру. Их было много. Ауры друзей, знакомые и любимые, различила сразу. С некоторой заминкой вспомнила, кому принадлежат остальные, — в районе Пагет-Саунда обитала целая толпа служителей ада, с которыми я встречалась довольно редко. Одно излучение вовсе не узнала. И еще одно... в нем было что-то знакомое, но понять, чье оно, я так и не смогла.

Прежде чем постучать, я решила, что собрание всего штата заслуживает большего, чем джинсы и тенниска, поэтому превратила свой наряд в коричневое платье с глубоким вырезом. Волосы сложились в аккуратный узел.

Открыла мне раздраженная вампирша, которую я едва помнила. Она дернула подбородком вместо приветствия и тут же вернулась к разговору с другой вампиршей — ту я тоже видела лишь однажды. Я подумала, что они, наверное, перевелись к нам из Такомы, которая, на мой взгляд, вполне могла быть частью самого ада.

Мой друг Хью, высокий, черноволосый, расхаживал по комнате, оживленно болтая с кем-то по сотовому. Джером с бокалом мартини развалился в кресле. В сторонке стояли, держась, как всегда, в тени, его заместительницы-демоницы, редко появлявшиеся на людях. Питер и Коди — вампиры и мои лучшие друзья — хохотали на кухне в компании еще каких-то служителей ада, которых я тоже знала плохо. Все вместе походило на обычную коктейльную вечеринку. И это внушало надежду, что никого нынче карать не собираются, иначе атмосфера не была бы такой непринужденной. Даже прихода моего никто не заметил, кроме Джерома.

— Опоздала на десять минут, — проворчал он.

— Эй, в свете принято...

Договорить не дала высоченная блондинка, чуть не сбившая меня с ног.

— О! Ты, наверно, Джорджина! Умираю, хочу познакомиться!

Я подняла взгляд на обтянутые спандексом груди пятого размера, а еще выше увидела огромные голубые глаза с невозможно длинными ресницами. Сверкнули в улыбке великолепные зубы.

Впадаю в ступор я редко, однако такое случается. Эта ходячая кукла Барби была суккубом. Новичком. Таким свеженьким и необтертым, что впору ожидать младенческого писка. Возраст я определила и по излучению, и по внешнему виду. Подобного обличья не принял бы ни один суккуб хоть с каким-то вкусом. Она перестаралась, сводя воедино все якобы привлекательные в мужских глазах части тела. И выглядела детищем Франкенштейна, поражающим воображение и в то же время анатомически невозможным.

Не замечая моего изумления и презрения, она затрясла мою руку с силой мамонта, чуть не сломала.

— Жду не дождусь начать с тобой работать! — заявила она. — Готова причинять страдания всем мужчинам до единого!

Наконец я обрела голос.

— Ты... ты кто?

— Твоя новая лучшая подруга, — сказал кто-то. — Ну-ка, ну-ка, дай на тебя взглянуть. Тауни нужен достойный образец для подражания.

Говоривший подошел к нам, и любопытство, которое вызвала у меня новенькая, развеялось, как пепел на ветру. Я забыла о ней. Узнала излучение, и мне стало дурно. Шея вспотела так, что промок воротничок платья.

То был мужчина ростом примерно с меня — а я невысокая, — оливково-смуглый. На голове больше помады, чем волос. Прекрасный костюм, определенно не из магазина готовой одежды. При виде моего ошеломенения на его тонких губах появилась улыбочка.

— Малышка Лета подросла, играет теперь со взрослыми? — заговорил он тихо, так что слышала я одна.

Бессмертным вроде меня в этом мире почти нечего бояться. Тем не менее, есть трое существ, которых я боюсь безмерно. Это Лилит, королева суккубов, создание столь могущественное и прекрасное, что за один ее поцелуй я бы продала душу — еще раз. Это нефилим по имени Роман, сын Джерома, наполовину человек, имевший веские причины, чтобы выследить меня однажды и убить. Третий же, кто вызывал у меня страх, стоял сейчас передо мной.

Его звали Нифон, он черт — как и мой друг Хью. И занимался он, как прочие черты, всего двумя делами. Он исполнял административные поручения демонов, а главное, он заключал договоры со смертными, оценивал и покупал души.

Он тот самый черт, который купил мою.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На несколько мгновений все вокруг исчезло. Я снова оказалась среди скал, окружавших городок, в котором я родилась, снова стала юной — по сегодняшним меркам меня еще нельзя было назвать взрослой. И Нифон улыбался мне, обещая ответить на все вопросы, решить все проблемы...

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания, и вернулась на вечеринку.

Улыбочка его стала шире — злая, предвещавшая нечто совсем уж недоброе. Словно передо мной стоял сам змей Эдема.

— Я знал, что это в тебе есть. — Он шагнул ближе.

Голос звучал все так же тихо.

— Понял, как только тебя увидел. Жду не дождусь проверить на деле, насколько... опытной ты стала.

Опомнившись, я попятилась.

— Только прикоснись, гад, и я сломаю тебе шею.

— Какая неблагодарность... ведь это я сделал тебя той, кто ты есть.

— Держись от меня подальше.

Он снова шагнул ко мне, и сердце мое заколотилось с бешеной частотой, которая убила бы любого смертного. В комнате воцарилась тишина — я поняла это, только услышав вдруг голос Джерома:

— Оставь ее в покое, Нифон. Она сказала «нет».

Черт остановился, скорчил просительную мину.

— Да ладно, Джером. Отчего бы демону не поделиться своим добром?

— Ты здесь не для того, чтобы трахаться с моим суккубом. Заняться больше нечем?

В голосе Джерома звучало предупреждение, расслышать которое сумел даже такой тупица, как Нифон. Кое-кто мог-таки отправиться этим вечером в ад. Разочарованный черт поклонился в знак повиновения и отступил. Но бросил на меня взгляд, обещавший, что к разговору мы еще вернемся.

Я подошла к Джерому.

— Надо было, наверное, меня предупредить.

— И нарушить твою любовную идиллию? Такой закоренелый романтик, как я, на это не способен. И потом, я просил тебя не опаздывать. Пришла бы пораньше...

Тут Хью захлопнул мобильник, остановился рядом и поцеловал меня в щеку.

— Привет! Большие дела у нас творятся.

И без того напуганная, я всполошилась еще сильнее.

— Какие?

— Реорганизационные. Наши ряды пополняются. Присылают еще одного суккуба. Верней, уже прислали.

Челюсть у меня отвисла. Вспомнилось сказанное Нифоном.

— Шутишь.

— Увы, нет. Это Тауни.

Устрашающая блондинка тут же подскочила на своих шпильках и попыталась пожать мне руку еще раз. Но, опасаясь перелома, руки я не подала. Вымучила улыбку.

— Ну, привет, Тауни.

Я отвернулась к Джерому и мотнула головой в сторону Нифона.

— А он-то здесь зачем?

— Потому что ее я приобрел, — объяснил черт.

«Приобрел» было новым словом, означавшим, что он купил ее душу, как когда-то мою.

— Работа у меня такая — присмотреть за ней, пока не обустроится и не поимеет первую жертву.

— За мной ты не присматривал, — сказала я. — Бросил на съедение волкам.

Мне пришлось несколько лет побыть сексуальной игрушкой хозяина постоянного двора в Константинополе, пока я не освоила наконец суккубовские уловки.

Нифон пожал плечами.

— Новая кадровая политика. Представь, сколько времени это позволяет сэкономить.

Искоса глянув на Тауни, я подумала, что, возможно, желание погубить всех мужчин до единого поможет ей быстрее усвоить необходимые навыки. Хотя ее леопардовая юбчонка внушала некоторые сомнения.

— Ну что ж, прекрасно. Вообще-то я спешу, и делать мне, как я понимаю, здесь нечего...

Хью покачал головой и превратился вдруг из «черта крайне делового» в «черта — моего лучшего друга». По выражению его лица я сразу поняла, что ничего приятного не услышу.

— Ты еще кое-чего не знаешь. Тебе придется с годик быть ее... э-э-э... наставницей.

— Наставницей, — тупо повторила я.

Он сочувственно кивнул. Джером смотрел на нас, откровенно забавляясь.

— И что... э-э-э... я должна делать?

Хью водрузил на журнальный столик портфель и вытащил из него нечто, весьма похожее на распечатанный и переплетенный вручную справочник. Бросил мне. Я поймала и чуть не упала. Страниц там было, наверное, восемьсот.

— «Служебное наставническое методическое руководство для начинающего суккуба в испытательный период (сокращенное)», — прочла я и повернулась к Джерому. — Сокращенное? Скажи мне, что это месье... за то, что я уличила тебя в пользовании «Олд спайсом».

— То еще впереди, — сказал демон. — А это — не шутка.

— Я не могу, Джером. Времени нет! У меня знаешь сколько дел? Я обучаю нового помощника управляющего...

Он стремительно вскочил и навис надо мной без тени улыбки на лице.

— Да, да, Джорджи. Как же я не подумал, что тебя нельзя отрывать от твоего дружка-человека и работы в книжном магазине, без которой мир рухнет, и от прочей долбаной фигни, которой ты

занимаешься? Придется, видно, сказать начальству, что у тебя имеются дела поважнее, чем служение силам, ведающим твоей бессмертной душой и способным уничтожить тебя в любой момент.

Щеки у меня запылали. К чему я была вовсе не готова, так это к выволочке в присутствии Нифона и всей сизтловской адской братии.

— Я не это имела в виду. Я только...

— Вопрос закрыт.

От его тона у меня мурашки побежали. Я сглотнула комок в горле.

— Да, Джером.

Я тоже знала, когда следует отступить. На губах Нифона заиграла ухмылка.

— Дружок-человек. Жуть, как оригинально. Кому бы об этом рассказать?..

— А по-моему, прелестно — сказала Тауни. — Ты, конечно, заставляешь его страдать.

— Их роман — великий подвиг самообслуживания, — вставил Хью как ни в чем не бывало.

Я полоснула его свирепым взглядом. Мы с Сетом отчасти нашли выход из положения, поняв, что можем делать сами с собой то, чего не можем друг с другом. Другьям я об этом, конечно, не говорила, но они, как видно, догадывались.

Едва представление закончилось, зрители потеряли ко мне интерес. Все, кроме Тауни. Она тут же взялась рассуждать, какая это радость — разбивать мужчинам сердца и доводить их до слез. Я кое-как от нее отделалась и обошла гостиную, здороваясь с теми, кого еще не видела. Шутила и смеялась сама и заставляла смеяться других, лихорадочно обдумывая в то же время, как мне быть с этим неожиданным осложнением. Наткнувшись наконец на Коди, Питера и Хью, притулившихся в уголке, я вздохнула с облегчением. Судя по их лицам, ничего забавнее они давно не слыхали.

Коди, юнец для вампира, но глубокий старик в сравнении с Тауни, обнял меня за плечи. Лохматые светлые волосы его были собраны в короткий хвостик. Неизменно веселый и жизнерадостный, своим юным видом он вечно вызывал у нас желание его баловать.

— Черт. Похоже, это будет нечто. Прижали тебя.

— Как же, — сказала я, вырвавшись, — думаете, я ее боюсь?

— Думаю, да. — Питер содрогнулся.

У него были темные редкие волосы, наряд состоял, как обычно, из вроде бы случайно подобранных, но безупречно сочетавшихся вещей, вплоть до вязаных носков с узором. Вампир примерно моего возраста, он был наставником Коди. Об их отношениях наставника и ученика я раньше как-то не задумывалась. Никаких усилий это, казалось, не требовало. Но ведь и Коди — не Тауни...

Вслед за Питером я посмотрела туда, где новенькая оживленно вещала что-то демонице по имени Грейс. Та слушала с каменным выражением лица. Грудь Тауни так раскачивались, что непонятно было, как они еще не прорвали блузку.

— А я думаю, что не боишься, — сказал лукаво Хью, — а завидуешь.

— Чему? Дурному вкусу? Патологическому бюсту? Нечему тут завидовать.

— И все-таки. Я видел твое лицо, когда ты услышала, что нам прислали еще одного суккуба. Похоже, в нашей маленькой компашке кое-кто перестает быть единственной девушкой.

— И что?

— А то. Появилась еще одна сестричка, с которой мы будем нянчиться. Придется тебе делиться нашим вниманием.

— Я ничем не делюсь, — раздраженно буркнула я.

Питер засмеялся.

— А, так тебе это все-таки не нравится. Ждешь не дожدهшься замутить ссору.

— Ее судьба в твоих руках, — сказал Коди.

— Потребуй, чтобы она называла тебя «мисс Джорджина», — насмешливо добавил Хью, растягивая гласные на южный манер. — Или хотя бы «мэм».

Из-за Нифона и выговора от Джерома я была сильно не в духе.

— Не собираюсь я ее наставлять. С ее-то жаждой идти в атаку на мировую мужскую популяцию я ей вовсе не нужна.

Все трое обменялись ухмылками. Коди, скрючив пальцы, зашипел и мяукнул.

— Не смешно, — сказала я.

— Уж конечно, — сказал Коди. — Ты что, не хочешь помогать людям? Где твои доброта и милосердие?

— Вообще-то, как тебе известно, я на них нажилась, когда продала душу аду.

Питер махнул рукой.

— Это все мелочи. Пора забыть о мелких распрях и вражде. Начинай радоваться празднику. Ты, поди, еще и елку не поставила?

— У меня нет елки в этом году.

Он перестал улыбаться.

— Как?

— Вот дерьмо, — сказал Хью. — Ну, сейчас получишь. Меня так уже изругали за то, что не поставил.

— Потому что ты — Скрудж. — Питер адресовал это ему, но смотрел на меня. — От тебя никто и не ждет рождественского веселья. Но Джорджина... а в прошлом году у тебя была елка?

— Да. Ее сожгли. На вечеринке с мартини, которую я устроила в честь Рождества.

— Я же там был, — сказал Питер. — Не помню этого.

— Ты напился. И отключился.

— И какой же подонок сжег елку?

Мы с Хью переглянулись.

— Хороший вопрос, — сухо сказала я.

Питер посмотрел на Хью с удивлением.

— Неужели ты?

— Нет, — ответил черт. — Картер.

— Рождественскую елку сжег ангел? — спросил Коди.

На той вечеринке он не присутствовал, поэтому услышанное оказалось для него новостью. Как, судя по всему, и для Питера.

— Представь себе, — сказала я. — Мне тоже понравилось. Он поставил пепельницу прямо под нижней веткой.

— Ну, он, пожалуй, оказал тебе услугу, — вмешался Хью. — Можешь теперь купить искусственную. Они легче. Воды не требуют. Не осыпаются. К тому же их можно подбирать под интерьер. Видала, какая у Питера? «Бешеная зелень океана».

Питер вздохнул.

— «Насыщенная морская зелень».

Вслед за ними я тоже посмотрела на эту громадину. Девять футов иголок совершенной формы были обмотаны золоченой мишурой и увешаны красными шариками. Что — поняла я вдруг — безупречно сочеталось с нарядом самого Питера. Выглядела елка как демонстрационная модель с витрины. Верхушку украшала разноцветная, сверкающая звезда, и ее зеленые краски, казалось, придавали голубой оттенок «насыщенной морской зелени».

— Ну хоть ангела наверху у тебя нету, — заметила я. — Это точно было бы лишним. А то и пожаром бы грозило.

— Шути сколько хочешь, — сказал вампир, — но елка у тебя должна быть. Да, кстати, Тайный Сайта... тщи-ка имя.

Я застонала.

— Как, опять?

— Схожу за чашкой. — Он помчался в кухню.

Я посмотрела на оставшихся друзей.

— Вампир, одержимый Рождеством. Ничего страннее не видела.

— Ангел, сжигающий рождественскую елку, — подсказал Коди.

Питер вернулся с кружкой, в которой лежали несколько свернутых клочков бумаги.

— Осталось немного. Тщи.

Я вытянула одну, развернула. «Картер».

— Сукин сын, — не сдержалась я. — Ненавижу Рождество.

— Неправда, — сказал Питер. — Просто надо поставить елку. И сразу почувствуешь себя лучше.

Я снова посмотрела на звезду, потом — на Тауни и Нифона.

— Что мне точно надо, так это убраться отсюда, — сказала я, отставляя бокал.

Прощаясь с друзьями, я вытерпела еще пару шуточек по поводу своего наставничества. И по дороге к двери услышала, как Джером говорит Грейс:

— ...но меня несколько дней не будет в городе.

Тут я сообразила, что не мешало бы его кое о чем спросить.

— Джером...

Он отвернулся от демоницы, смерил меня раздраженным взглядом. И я торопливо поведала, как проснулась этим утром без энергии, которую украла ночью. Джером выслушал со скучающим видом.

— Чем ты ночью занималась? Многократным превращением? Ракетными испытаниями? Тяжелой атлетикой?

Какие занятия могли сжечь энергию, я знала и без него.

— Ничем. Просто спала. Но видела сон.

— Из нас сны жизнь не вытягивают, только из людей, — сухо заметил он. — На чем ад и держится.

Увидев выражение моего лица, он вздохнул.

— Скорее всего, это ничего не значит, Джорджина. Нервное переутомление. Возможно, ты всю ночь бессознательно боролась с сексуальным искушением.

Это легкомысленное объяснение меня не устроило, но делать нечего. Я отправилась домой, держась на этот раз в рамках разрешенной скорости. И, едва войдя в квартиру, шваркнула об пол дурацкое «Руководство». Упало оно с таким грохотом, что Обри, моя кошка, выгнула горбом спину.

— Извини. — В утешение я почесала ее за ухом.

Прошла в спальню и набрала на мобильнике номер Сета.

— Привет, — сказал он.

— Привет. Приезжай ко мне сегодня.

Пауза.

— Ну, я могу, конечно, но...

— Приезжай, пожалуйста! Не поверишь, что мне пришлось пережить. Нам прислали еще одного суккуба.

Он снова выдержал паузу.

— Не знаю даже, что и сказать.

— И не говори, просто тащи свою задницу сюда. Ты мне нужен.

— Фетида... у меня близится финал. Четыре главы осталось. Мысль пришла, когда мы завтракали...

Я испустила тяжкий вздох. Кейди и О'Нейл снова меня победили. До встречи с Сетом я обожала его издавна как гениального писателя, читала и перечитывала его романы. Теперь, увы, я знала, каково это на деле — быть возлюбленной автора бестселлеров.

Послушав мое молчание, он неохотно начал:

— Но если я тебе вправду нужен...

— Нет-нет. Не беспокойся. Все нормально.

— Не похоже. Знаю я вас, женщин. Говорите, что все нормально, а потом... обида навеки.

— Нет, правда. Все хорошо. В любом случае завтра увидимся. К тому же, как только я вылезу из этого платья, так сразу отключусь.

Что-что, а читать методичку я точно не собиралась.

— Ты в платье?

— Да.

— Давно тебя не видел в платье. Какое оно?

Я рассмеялась.

— О... ты запрашиваешь на секс по телефону?

— Секс по телефону? Ты что, у нас ведь не было даже первого телефонного свидания.

— Это нетрудно. Смотри, я говорю, что у платья глубокий вырез, а под ним — ничего. А ты говоришь, что снимаешь его с меня и начинаешь ласкать...

— Боже. Прекрати.

В этом был весь Сет. Он писал такие эротические сцены, что страницы пылали, и такие откровенные диалоги, что даже я диву давалась. Но попроси его сказать вслух что-нибудь этакое — и он немел. Он был застенчив, на людях замыкался, в больших компаниях чувствовал себя скованно и тихо радовался, когда на него не обращали внимания. Я ему сочувствовала, но порой это доставляло неудобство и мне — учитывая, как часто я сама становилась центром внимания. Казалось, с тех пор, как мы вместе, он все-таки слегка раскрепостился, но до совершенства еще далеко.

— Нужно просто немного попрактиковаться. Я помогу. Представь себе — я встаю на колени, медленно расстегиваю тебе брюки...

— Ладно, погоди. Если ты всерьез намерена продолжать, я с радостью сяду за компьютер, и по почте...

— О, горе мне. Иди садись за свою книгу.

Я отсоединилась и рухнула на кровать. Господи боже. Ну и выходные выдались. Я вообще-то предполагала, что рано или поздно у нас появится еще один суккуб. Сизтл с годами разрастался, меня одной было маловато. Но новенькая? Которую мне придется обучать? Не знаю я, что подобные административные решения принимает не Джером, я заподозрила бы его в издевательствах. Шуточка как раз в его духе. И почему нам не могли прислать какую-нибудь необщительную профессионалку, которая делала бы свое дело, никак со мной не соприкасаясь?

И Нифон... еще один гром с ясного неба. Мне не нравились напоминания о прошлом, как не нравился и он сам. Казалось почему-то, что я ему тоже не нравлюсь, хотя причин я понять не могла. Он купил мою душу, заручился моими вечными услугами. Что еще надо?

«Жди и смотри», — шепнул мне некий предостерегающий голос.

Я вздрогнула. Чем скорее Тауни откроет счет, тем лучше.

Я вдруг поняла, что совершенно не хочу спать. А хочу выйти из дому. Не в поисках жертвы... просто так. Пропустить рюмочку. С кем-нибудь пококетничать. Хоть немного себя утешить за перенесенные испытания.

И я отправилась в «Подвальчик», излюбленное водопойное местечко здешних бессмертных. Поскольку этим вечером выводили в свет Тауни, можно было надеяться, что никого из знакомых я там не встречу. Мне же как раз хотелось побыть в одиночестве. Но, войдя в битком набитый бар и пробираясь меж хмельных завсегдатаев к стойке, я ощутила вдруг особыми чувствами бессмертного щекочущий холодок. Навевший мысли о хрустале и озоне.

Оглядевшись, я увидела Картера, который сидел за столиком в дальнем углу. Сильнейший ангел Сизтла — тот самый, что спалил мою елку, — меня почувствовал тоже и улыбнулся, приветствуя.

На собрание адского штата он, конечно, прийти не мог. Но охотно тусовался обычно с нашей маленькой компашкой. Поначалу это меня удивляло, но потом я привыкла воспринимать его как естественную и неотъемлемую часть жизни — странноватую и плохо одетую часть, надо заметить.

Куда больше удивили меня в тот вечер его спутники. Трое ангелов, причем двое в женском облике, и человек... раньше я никого из них не видела. Все уставились на меня с любопытством, а один — еще и с презрением. И пожалуйста. Презирать он мог кого угодно и сколько влезет, а меня, после пережитого сегодня, кучкой ангелов было не напугать. Просто видеть Картера с компанией казалось необычным. Насколько я знала, он всегда работал в одиночку. И против собственной воли заинтересовалась: что же свело их вместе... да еще и с человеком в придачу?

Тут Картер подмигнул мне и махнул рукой, приглашая к столу. Чем изрядно удивил ангелов. Я кивнула в ответ, но сперва остановилась у стойки и заказала «гимлет» с водкой.

Подойдя минутой позже, приняла самый нахальный вид и уселась, придвинув стул, рядом с Картером.

— Ну и ну, — сказала я. — Такое впечатление, что в эти выходные все съехались сюда на пикник. Презабавные гости собрались, правда?

— Так я слышал, — ответил он и рассеянно провел рукой по светлым, длинной до подбородка, волосам.

Если я не ошибалась, они были вымыты — впервые за полгода. Видать, к нему явились непростые гости.

— А еще слышал, что кое-кто из ваших собирается тут и остаться.

Я скорчила гримасу.

— Не хочу об этом говорить, если ты, конечно, имеешь в виду то же, что и я.

— Кошки скоро передерутся?

— Эта шутка устарела час назад. Не желаешь представить меня обществу?

Одна из женщин засмеялась. У нее была бронзовая кожа и черные, блестящие, как шелк, волосы. В глазах, когда она протянула мне руку, затаивались озорные огоньки.

— Ясмин. А ты — Джорджина.

Я кивнула, не сумев удержаться от улыбки. Она тоже улыбнулась, и на душе у меня стало тепло и радостно. Может, некоторые ангелы не так уж и плохи? Это было приятно, даже очень, потому что остальные как будто не горели желанием со мной знакомиться.

— Я — Уитни, — медленно проговорила другая, чернокожая женщина, волосы у которой были

заплетены во множество тонких косичек.

Одета она была стильно, по моим меркам, и носила очки «кошачий глаз», что придавало ей вид одновременно кокетливый и умный. С рукопожатием она чуть замешкалась.

Я выжидающе уставилась на третьего ангела — с темно-русыми волосами, голубыми глазами и длинным узким лицом. Лицо это, надменное и холодное, выражало неодобрение. Именно такими мне ангелы обычно и представлялись. Я уж думала, что он вовсе не заговорит. Но он все же буркнул:

— Я — Джоэль.

Руки, однако, не протянул.

Я повернулась к человеку. Тот улыбнулся так же дружелюбно, как Ясмин, откинул с глаз прядь черных волос.

— Винсент Дамиани. Рад познакомиться.

— Взаимно. — Я бросила лукавый взгляд на Картера. — Я и не подозревала, что у тебя есть друзья.

— Не торопись с выводами, дочь Лилит. — Он глотнул какого-то напитка, похожего на неразбавленное виски. — Они тут по делу.

— О! По сверхсекретному ангельскому, конечно? Что же это за дело? Танцы на булавочной головке? Лоббирование национального Дня невинности?

Взгляд Джоэля похолодел еще градусов на десять.

— Можно подумать, мы станем обсуждать это со служительницей зла.

Ясмин закатила глаза и толкнула его локтем.

— Она шутит.

— Она хочет, чтобы ты так думала, — сказал он мрачно. — Что до меня, я бдительности не ослаблю, пока она испытывает на нас свое коварство и силу обольщения.

Не сводя с него глаз, я медленно, томно улыбнулась и откинулась на стуле так, что юбка заскользила вверх по бедрам.

— Детка, если я захочу испытать свое коварство и силу обольщения, ты узнаешь об этом первым. На лице его проступил темный румянец. Джоэль взглянул на Картера.

— Не знаю, в какие игры ты играешь... по твоему мнению... но от нее тебе следует избавиться.

Картер и глазом не моргнул.

— Она безобидна — если только ты не бог-наркоторговец или нефилим. Или писатель-интроверт.

Ясмин вздрогнула, и улыбочное лицо ее сделалось серьезным.

— Не шути насчет нефилимов.

— И на самом деле, — Картер как будто не услышал, — она может помочь нам с жильем. Джорджина, ты ведь не откажешься поиграть в хозяйку гостиницы? Винсенту, пока он в городе, нужно где-то остановиться.

Я удивленно подняла бровь. Винсент, неправильно истолковав мое молчание, поспешно добавил:

— Если нет, то это ничего. Я понимаю, ты меня совсем не знаешь. Просьба неожиданная...

— Да нет, — сказала я.

Мне становилось все интереснее, что же за дела такие у этой странной компании.

— За тебя ангелы ручаются... какая рекомендация может быть лучше? Если ты согласен спать на диване, то и ладно.

— Ты — жемчужина среди суккубов, — провозгласил Картер.

Джоэль чуть не подавился своим напитком. Это вряд ли было что-то алкогольное — ангел выглядел так, словно кол проглотил. Наверняка пепси или кока-кола. А то и диетическая.

— Ты в своем уме? — воскликнул он. — Она же суккуб. Нельзя ему к ней. Подумай о его душе.

— Она хороших парней не трогает, — сказал Картер. — Как правило. Так что проблем не будет.

Ясмин игриво покосилась на Винсента.

— Не такой уж он и хороший.

— Картер... — начал Джоэль.

— Я тебе говорил, что она прелесть. Ручаюсь. Лишних вопросов не задаст, а ему будет где пожить, пока вы занимаетесь поисками.

Услышав слово «поиски», я насторожилась. Так, это уже кое-что...

— И что же вы, ребята, ищете?

Ответом было гробовое молчание. Уитни скрестила на груди руки. Винсент схватился за бокал.

— А, ясно. — Я прикончила свой коктейль одним глотком. — Так бы сразу и сказали. Ни гу-гу, мол, держи язык за зубами.

Ясмин снова разулыбалась.

— Она мне нравится, Картер. Теперь я тебя понимаю.

И тут же заговорила о другом суккубе, которого знавала в Бостоне, сменив тему с той же ловкостью, с какой умел это делать Картер. Встретившись со мной взглядом, Картер усмехнулся — понял, о чем я думаю. Я сердито отвернулась. Впрочем, к концу наших посиделок я поняла, что Ясмин мне нравится тоже. Разговор поддерживали в основном она, Винсент и Картер, и общество ангелов показалось мне на свой лад приятным, хотя они и вполонину не были так остроумны, как мои друзья. Пили и ругались тоже меньше, но что поделаешь — никто не совершенен.

Когда бар закрылся, мы с Винсентом поехали ко мне. Правда, сначала ему пришлось выслушать наставления Джоэля по поводу святости человеческой души. В ключевых местах Винсент с терпеливым выражением лица кивал.

— Он всегда такой? — спросила я в машине.

Винсент засмеялся.

— Не может удержаться. Добра желает. И тревожится за меня.

— А ты за себя не тревожишься?

— Нет. Ты очень красивая, но я спокоен. Потому что люблю другую.

Я хотела было пошутить насчет того, что это не защита и что я успела соблазнить кучу парней, которые любили других. Но что-то в его голосе остановило меня на полуслове. Он сказал это так, будто любовь и впрямь была защитой от меня и всего мирового зла. Как человек, который неуязвим. И мне вдруг стало грустно.

— Удачи тебе, — сказала я тихо.

Он покосился на меня.

— Для суккуба ты молодец.

— Настолько молодец, что можно сказать мне, какие дела привели тебя и твоих сверхъестественных друзей в город?

Он снова улыбнулся.

— Нет.

Дома я постелила ему на диване и выдала кучу одеял, чтобы не замерз. В квартире было тепло, но на дворе стоял декабрь, и какая-то часть меня еще помнила давно прошедшие дни, когда согреться приходилось скудным огнем очага и казалось, что одеял никогда не бывает много.

Вскоре я тоже легла и сама закуталась потеплее. И на этот раз снов не видела.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хорошенько выспавшись, утром я отправилась на работу в настроении несколько более оптимистичном. Тауни наверняка открыла ночью счет, и Нифон уехал в аэропорт. А еще меня ждала встреча с Сетом, который сделал место моей службы, книжный магазин-кафе «Изумрудный город», своим рабочим кабинетом. Да, денек предстоял неплохой.

Управляющая наша из-за сложной беременности ушла недавно в отпуск, и я унаследовала ее должность. Мое место помощника освободилось, и на него взяли Мэдди Сато — так уж случилось, что она была сестрой Дата Сато, второго помощника управляющего. Даг счел это женским заговором и закатил истерику, жалуясь, что мы будто бы понизили его устойчивый рейтинг на десять пунктов. Мэдди в то время уже жила у него. Приехала навестить, когда он лежал в больнице, да и осталась. Местечко в «Изумрудном городе» пришлось ей очень кстати, потому что ее вторая работа — внештатным журналистом в феминистском журнале — постоянного дохода не приносила.

Мэдди мне нравилась. Умная, с характерным чувством юмора — под стать моему. Она хорошо работала с клиентами, была неизменно вежлива. Замечательно могла поддержать разговор с Сетом на писательские темы. Но навыков дружеского общения ей, увы, недоставало. Например, Сет однажды сгоряча сделал бесцеремонное замечание насчет ее детства, и она снова надолго замкнулась. Забавно было, конечно, видеть, что кто-то еще более неловок в общении, чем Сет, но происшедшее меня разочаровало. Я очень старалась помочь ей вылезти из скорлупы, зная, какой интересной собеседницей она может быть. Хотелось, чтобы это узнали и все остальные.

В тот день я нашла ее в кафе наверху, за столиком, который оккупировал Сет со своим ноутбуком. Там же сидел и Даг, и разговор шел не на писательские темы. Они с Мэдди о чем-то горячо спорили. Сет слушал с таким видом, словно мечтал оказаться где-нибудь в другом месте, подальше от них. Он послал мне умоляющий взгляд. И я поставила стул с ним рядом, заставив Дага отодвинуться. О том, что на самом деле это наше с Сетом свидание, брат с сестрой не знали и, занятые спором, перестановки стульев не заметили.

— Что происходит? — спросила я. — Все мои помощники тут... никак, решается судьба магазина?

Близились рождественские праздники, торговля шла вовсю. Мэдди, вспомнив о своих обязанностях, вроде как даже смутилась. Открыла рот, но Даг перебил:

— Моя прекрасная сестрица — бесчувственная гадина.

Мэдди закатила глаза.

— Вообразил себе какую-то чушь насчет Бет.

Я вздохнула.

— Вы о тех временах, когда она таскала сюда ножные грелки?..

— Не напоминай, — проворчал Даг.

— Мой прекрасный братец вообразил, будто ее кто-то бросил, — объяснила Мэдди.

И оба уставились на меня, словно я могла тут же ответить, так это или нет. Я озадаченно поглядела на одного, на другую.

— А почему это чушь?

— Потому что у нее насморк. Она сама сказала. Вот носом и шмыгает.

— Она притворяется! — воскликнул Даг. — Мир сошел с ума, господи. Даже такой болван, как я, и то вижу, что человек страдает! У нее глаза красные!

— Насморк, — твердо сказала Мэдди.

Потом немного подумала.

— А может, аллергия.

— В декабре?

И они снова заспорили. Сет изо всех сил старался удержаться от улыбки, но не смог. Я полюбовалась его губами, вспоминая, как сладки они на вкус. Потом перевела взгляд на брата с сестрой. И наслаждалась зрелищем еще минут пять, пока не вспомнила, что я начальство, а они — бездельники.

— Почему это так важно? — спросила я.

— Потому что она не права, — ответил Даг. — Я всего лишь пытаюсь это объяснить.

Мэдди вздохнула.

— Ты как маленький.

— Сама такая. — Он пихнул ее локтем.

— Все, хватит.

Я ткнула пальцем в Дага.

— Ты — на кассу. Потом в Мэдди.

— Ты — ко мне в кабинет.

— Ага, попалась, — сказал Даг сестре.

— Покажу ей, как заказы оформлять, — буркнула я.

Глаза у Мэдди заблестели, на круглых щеках появились ямочки. Ей нравилось учиться.

— Женский заговор, — заявил Даг. — Ты любишь ее больше, чем меня. Но это ничего. Можешь признаться. Я пойму.

— Марш отсюда. Оба. Я спущусь через минуту. Когда они ушли, я посмотрела на Сета. И сказала:

— Вот почему у меня нет детей.

Что было, разумеется, неправдой. Вернее, не совсем правдой. Суккубы просто не могут иметь детей.

— Хотя... — я немного поразмыслила, — думаю, Даг прав. Как ни странно. Я видела Бет по пути сюда.

Сет улыбнулся.

— Мэдди — хороший писатель. Умница. Но не слишком внимательна к окружающим.

Я скривилась.

— По-моему, это можно сказать про всех писателей.

— Кто-то лучше, кто-то хуже.

— Потрясающе. Ты вез ее тогда, к Дагу, часа четыре, кажется? И о чем вы, ребята, говорили?

— О творчестве.

Я вздохнула.

— Мне хочется, чтобы ей было легко не только со мной и с братом. Она веселая. Предложила опрыскать машину Дага «Силли стрингом²» после того, как он заявил, что у Бетти Фридан был климакс, когда она писала «Тайны женственности».

— Подобную затею я назвал бы скорее жуткой, чем веселой. К тому же предложила это ты, — напомнил он. — Вдвоем вы опасны. По сравнению с тем, что вы придумываете с ней на пару, твоё воровство энергии — детские шалости.

Я усмехнулась. Он был прав. Я около века, наверное, почти не общалась с женщинами и понимала теперь, как много упустила.

— Не поверишь. Знакомство с Мэдди — какой бы она ни была — лучшее событие в моей жизни за очень долгое время.

— Вот как?

— Ну, не считая присутствующих, конечно.

— Вот именно. Думай, что говоришь.

— Эй... — Я хотела было взять его за руку, но вспомнила, что мы здесь не одни. — Никакого сравнения нет. Ты готовишь лучше всех. И лучше всех целуешься.

— Так ты и в этом деле ее проверила?

— Ну ты же знаешь, как я люблю писателей.

Тут я вспомнила кое-что, и улыбка моя увяла.

Все утро я думала о пропавшей энергии, поскольку требовалось вечером или на следующий день пополнить запас. Джером от меня отмахнулся, но не могла же я оставить вопрос без ответа. Решила, что надо навестить Эрика Ланкастера, ходячий кладёзь оккультных знаний среди смертных Сиэтла. И среди бессмертных тоже — он знал, казалось, побольше моих друзей.

Я предложила Сету съездить вместе, и он согласился. Что меня порадовало. Я давно думала, что неплохо было бы ему поговорить с человеком, который то и дело соприкасается со сверхъестественным. Так почему бы не сейчас?

Сет ждал у меня дома, и перед тем, как выйти, мы наскоро приготовили в микроволновке обед. Когда спускались по лестнице, он снова начал приставать ко мне с вопросами про Мэдди.

— Столько времени уже работаете вместе. И ничего между вами не было?

— Так, немножко, — заверила я.

Он засмеялся, взял меня за руку. Я рывком притянула его к себе. Губы наши встретились в поцелуе, и никаких сомнений насчет того, что именно было в моей жизни лучшим, не осталось. Через несколько сладких мгновений мы заученно оторвались друг от друга, немного неуклюже, потому что обоим этого не хотелось.

— Да, — сказала я. — Целуется она точно хуже...

И умолкла, скорчив гримасу, — к нам приближался Нифон. Я почуяла его вязкую мускусную ауру. Отошла от Сета, огляделась и увидела черта неподалеку. Он помахал рукой.

— Извини, отойду на секундочку, — пробормотала я и поспешила навстречу, чтобы Сет не услышал нашего разговора. — Что тебе нужно?

— Мягче, мягче, Лета, — осадил он меня. — Обязанность суккуба — всегда быть милой и приветливой.

Он заглянул мне за спину.

— Это и есть твой дружок-человек? Можно с ним поздороваться?

— Лучше вали отсюда. Ты же должен присматривать за Тауни.

— Уже, — сказал он насмешливо, — поэтому и пришел с тобой повидаться. Всю ночь присматривал. Держалась она уверенно, но о свидании договориться не сумела. Бедняжка. Похоже, освоится не так быстро, как я думал. Но к ее счастью, я буду с ней до победного.

От его притворной заботливости мне стало тошно, чего он и добивался.

— Это все? Больше тебе нечего сказать? Если так, я пошла. У меня дела.

² Детская игрушка, аэрозоль, застывающий после распыления в виде нитей. (Прим. перев.).

— Конечно, конечно. — Он приторно улыбнулся.

Повел рукой в сторону Сета.

— Мешать порывам страсти не собираюсь, хотя они и кажутся почти угасшими. — Лицо его внезапно озарилось пониманием. — Ты с ним не спишь, верно? Благородно не желаешь высасывать из него жизнь. Жаль беднягу.

Нифон засмеялся.

— О, Лета... Ты одно из прелестнейших созданий, каких я только встречал.

Я отвернулась от него и бросилась к Сету.

— Идем скорее.

— Кто это был? — спросил он, когда мы отошли.

— Черт. И скотина.

Мы миновали целый квартал, а в ушах у меня все стоял язвительный смех Нифона. И друзья-то раздражали, когда поддразнивали насчет Сета. А уж от Нифона это слышать было вовсе невыносимо. К счастью, к тому времени, как мы сели в машину, я сумела успокоиться. Сосредоточилась на встрече с Эриком и надежде разгадать загадку.

У Эрика был свой магазин в Лейк-Сити, называвшийся «Аркана лимитед». Очень уютный, хотя и не слишком удачно размещенный среди прочих в торговом центре. Приглушенный свет, журчание маленьких фонтанчиков, тихие звуки арфы из проигрывателя — все действовало умиротворяюще. Кругом книги, свечи, скульптуры, витрины с украшениями. В воздухе витал аромат благовоний.

— Мило, — сказал, оглядевшись, Сет.

Эрик выглянул из-за книжного стеллажа, перед которым стоял на коленях. С тех пор как мы виделись в последний раз, он отрастил усы, и мне понравилось сочетание седины с темно-коричневой кожей. На лице его расцвела кроткая улыбка.

— Мисс Кинкейд, какая приятная неожиданность. Да не одна, а с другом.

Он поднялся с колен, подошел и протянул Сету руку.

Я представила их друг другу.

— Очень приятно, мистер Мортенсен, — сказал Эрик. — Вы водитесь с хорошими людьми.

— Да. — Сет улыбнулся в ответ. — Это так.

— Если нам повезет, — сказала я вкрадчиво, — у Эрика найдется время угостить нас чаем. Чай здесь без кофеина, так что радуйся.

— Конечно, у меня найдется время, — кивнул Эрик. — Думаю, нет на свете человека, который не нашел бы его для мисс Кинкейд.

Он отправился готовить чай, а я стрельнула в Сета дразнящим взглядом.

— Вот где меня ценят. Не увильнули бы от встречи из-за книги.

— Если память мне не изменяет, ты эти книги обожаешь. Да и как еще обеспечивать тебе образ жизни, к которому ты привыкла?

— Если память мне не изменяет, в ресторане последний раз платила я.

— Ну... да. Я великодушно позволил тебе заплатить, чтобы вы с Мэдди не изуродовали мне машину.

Когда мы расположились за угловым столиком и приступили к чаепитию, Сет, к моему удивлению, завел вдруг с Эриком разговор о том, каково приходится смертному среди бессмертных. Обычно он эту тему не затрагивал, и оставалось только гадать, интересуется ли она его вообще.

— Это искажает мое ощущение времени, — поведал Эрик. — Я вижу людей, которые, как мисс Кинкейд, остаются вечно молодыми и прекрасными. И мне кажется, будто время стоит на месте. Но потом смотрю на себя в зеркало, замечаю новые морщины. Чувствую ломоту в костях. И понимаю, что однажды останусь позади... они же пойдут дальше и будут перекраивать мир без меня.

Он вздохнул, скорее обескураженно, чем печально.

— А хотелось бы увидеть, что будет дальше.

— Да, — сказал Сет, снова меня удивив.

Глаза у него потемнели, взгляд стал серьезным.

— Я понимаю, что вы имеете в виду.

В нем было в тот момент что-то такое, чего я никогда не замечала раньше. Я предполагала, конечно, что, подобно всем смертным, он должен задумываться о будущем и собственной смерти, но только сейчас поняла, как много он на самом деле об этом размышлял. И, глядя на обоих мужчин, вспомнив, что рано или поздно они умрут, я похолодела. На миг Сет вдруг представился мне таким же

седым и морщинистым, как Эрик.

— Не слишком ли мрачный разговор, ребята? — спросила я, пытаюсь разрядить обстановку. — Я сюда не на похороны пришла. А покопаться в Эриковых знаниях.

— Копайтесь, — ответил он.

— Ну... вы знаете, что мне нужна для выживания энергия, правда?

Идиотский вопрос. Разумеется, он знал.

— Когда я проснулась вчера утром, весь мой запас иссяк.

Эрик призадумался.

— Но это ведь естественно? Со временем запасы тают.

— Не так быстро. Особенно, если... — Тут я запнулась, сообразив вдруг, что брать с собой Сета было, пожалуй, лишним. — Я... э-э-э... пополнила его накануне.

Лица обоих мужчин остались бесстрастными.

— И вы ничем необычным не занимались?

— Нет. Джером решил, что это нервное переутомление. — Я пожала плечами. — Не припомню такого. Я видела сон... странный... но никакого напряжения не испытывала.

— Сны наделены силой, — сказал Эрик. — Мы просто не понимаем порой, как они нас изматывают. К сожалению, я в них разбираюсь плохо, но...

Он нахмурился и отвел глаза.

— Что — но?

— Знаю кое-кого, кто мог бы помочь. Специалиста по толкованию снов.

— И кто это? — Во мне зародилась надежда. Эрик долго молчал, прежде чем ответить.

И когда заговорил, казалось, слова не шли у него с языка.

— Человек, который, возможно, уже отмечен вашей стороной. Его зовут Данте Мориарти.

Я хихикнула.

— Не может быть, чтобы это было настоящее имя.

— Конечно, хотя, думается мне, некоторые ваши друзья, черти и демоны, узнали бы его под любым именем. Он жулик... помимо всего прочего. Называет себя еще и магом.

— Я постоянно имею дело с испорченными людьми, — заметила я. — Так что мне все равно.

— Да, — согласился Эрик.

Но вид у него по-прежнему был хмурый, и это меня озадачило. Он общался пусть и не с самим злом, но со мной и мне подобными, глазом не моргнув. Чем же ему мог так не нравиться этот человек?

— Я дам вам его телефон.

Он принялся рыться в бумагах, Сет отправился в туалет, а я тем временем прошлась по магазину. Наконец старик вручил мне визитку Данте.

— Мне очень нравится мистер Мортенсен, — сказал он.

— Да. Мне тоже.

— Я знаю. Вижу.

Ожидая продолжения, я перевела взгляд с браслетов в витрине на него.

— То, как вы разговариваете... касаетесь друг друга,, вероятно, вы сами этого не замечаете. Так бывает с любовниками... но здесь что-то большее. Вы постоянно чувствуете друг друга, даже когда не вместе. Сам воздух между вами пылает.

Что на это ответить, я не знала. Звучало приятно... но и несколько пугающе.

— Я не встречал еще никого, похожего на вас, мисс Кинкейд.

Обычно мудрое и понимающее выражение его лица сменилось неуверенным. Редкий случай.

— Не знаю, чем это обернется.

Тут вернулся Сет и сразу понял, что помешал какому-то разговору. Посмотрел вопросительно на меня, на Эрика, и я, успокаивая, взяла его за руку.

— Можем идти?

— Конечно.

Я наскоро, вполглаза просмотрела оставшиеся в витрине украшения. Как вдруг заметила кое-что и наклонилась к стеклу.

— Эрик, где вы это раздобыли?

Они с Сетом заглянули мне через плечо.

— А, — сказал Эрик. — Византийские кольца. Работа того же мастера, который сделал ваше ожерелье с анком.

— Этот мастер весьма сведущ в исторических деталях. Они выглядят точь-в-точь как подлинные. Он обошел прилавок, вынул лоточек с кольцами. Я подняла одно. Гладкий золотой ободок. Вместо камня — плоский диск размером с десятицентовую монетку. С вырезанными на нем греческими буквами.

— Что это за кольца? — спросил Сет.

Я попыталась объяснить давно утраченный обычай:

— Благословение. Просьба о соединении. Вроде обручальных.

На другом были изображены Христос и Дева Мария — крохотные мужчина и женщина лицом друг к другу.

— Когда-то у меня было почти такое же, — тихо сказала я, вертя его в руках.

Мужчины промолчали, и я положила кольцо на место.

По пути домой Сет спросил:

— И что случилось с твоим кольцом?

Я посмотрела в окно.

— Неважно.

— Расскажи.

Но я не ответила, а он не настаивал.

Когда приехали ко мне, Винсента там не оказалось. Занимался, должно быть, поисками со своими «Ангелами Чарли». На кухонном столе валялся ворох газет — похоже, его интересовали текущие события. К тому же еще и криминальные. Один заголовок напомнил мне историю, слышанную накануне, — о сумасшедшем, который убил жену, застав ее с другим мужчиной. Смертные порой творят такое, что в дрожь бросает. И довольно часто.

Сет уселся на диван, свесил руки между колен. Настроение у него, когда я не ответила на вопрос в машине, определенно ухудшилось.

— Фетида...

— Тебе не дает покоя кольцо?

— Да нет, не в нем дело. Просто... я и раньше видел тебя такой. Ты вспоминаешь что-то, что тебе неприятно. Но мне не рассказываешь. И кажется в такие моменты, что ты вообще мне ничего не рассказываешь.

Я села рядом, чтобы не встречаться с ним взглядом, как часто делал он сам.

— Я многое тебе рассказываю.

— Но не о своем прошлом.

— Да я все время говорю о своем прошлом... его у меня хватает.

— Догадываюсь. — Он рассеянно погладил меня по руке. — Ты молчишь о тех временах, когда была смертной. Еще не стала суккубом.

— Да. Ну и что? Мы вместе — сейчас. Ты знаешь меня такой, какая я сейчас.

— Знаю. И люблю тебя такой. И хочу знать, что для тебя важно. Что сделало тебя той, кто ты есть. Что причиняет тебе боль... чтобы суметь помочь.

— Этого тебе знать не надо, чтобы меня понимать, — сказала я твердо. — Мое человеческое прошлое — уже не часть меня.

— Не верю.

Я промолчала.

— О той твоей жизни я не знаю ничего, — не унимался он. — Ни твоего настоящего имени. Ни внешности. Ни места рождения. Не знаю даже, сколько тебе на самом деле лет.

— Постой... но ты тоже о многом не рассказываешь, — возразила я, надеясь отвлечь его от этой темы.

— А что ты хочешь знать?

— Ну... — Я пошарила в памяти. — О твоём отце, например. Как он умер?

Сет ответил, не задумываясь:

— Нечего рассказывать. Рак. Мне было тринадцать. По словам врача, к которому водила нас мама, я, чтобы справиться с этим, и удалился в мир фантазии.

Я прислонилась к его плечу, не сомневаясь, что он ответит на любой вопрос, какой мне вздумается задать. Это противоречило его обычной замкнутости, но таковы были его принципы. Сет считал, что близкие люди должны открывать друг другу душу и быть честными. Я, в общем-то, тоже так считала, но слишком уж много было у меня темных сторон, которые показывать не хотелось. Я

боялась, что они могут его отпугнуть.

Он понял бы, если бы я не захотела продолжить разговор, но все же был бы обижен и разочарован, я это чувствовала. Ведь вопросы он задавал не для того, чтобы меня расстроить; он искренне хотел помочь. Правда, от этого было не легче. Мне пришлось бороться со своими страхами и давно похороненной болью, чтобы открыть ему хоть что-то. Может быть, даже все. Лишь бы он увидел, что я тоже стараюсь идти навстречу. Все, кроме своего истинного лица и имени — они были мертвы для меня, оставались лишь смутными напоминаниями о давно исчезнувшей женщине, сколько бы Нифон ни упорствовал, называя меня Летой. Их я Сету никогда не открыла бы.

Я долго решала, что именно сказать. Потом с усилием выговорила:

— Родилась я на Кипре. — И ощутила, как он напрягся, ожидая продолжения. — В начале пятого века. Точного года не знаю — за этим тогда никто не следил.

Он выдохнул — а я и не заметила, что он сидел, задержав дыхание. Потом медленно, осторожно обнял меня и прижался губами к волосам.

— Спасибо.

Я уткнулась лицом ему в плечо, сама не зная, от чего прячусь. Какое там все — открыла лишь крохи. Но и это казалось огромным. Я чувствовала себя так, словно меня выставили напоказ.

— Кольцо из того времени? — спросил Сет.

Я кивнула, не отрываясь от его плеча.

— Сейчас оно, наверное, дорогого стоило бы.

— Я его потеряла.

Он услышал боль в моем голосе. Обнял меня крепче.

— Прости.

Мы посидели еще немного. Потом, зная, что его ждет работа, я Сета выпроводила, хотя и желала, чтобы он остался, и понимала, что останется, если попрошу.

Когда он ушел, отправилась в спальню, закрыла за собой дверь. Встала на колени перед шкафом и принялась вытаскивать коробки и отставлять в сторону. На разборку накопившегося хлама ушло немало времени, но все мое существо — назовем его так — чего-то требовало. И наконец я отыскала пыльную обувную коробку. Подняла крышку, и у меня перехватило дыхание. Там лежали старые, пожелтевшие письма, несколько фотографий. Тяжелый золотой крест на ветхом шнурке, еще кое-какие драгоценности. Осторожно порывшись среди бумаг, я нашла, что искала, — бронзовое, зеленое от времени кольцо.

На венчавшем его диске еще можно было разглядеть две вырезанные фигурки. Грубой работы, оно тем не менее почти не отличалось от тех, что я видела у Эрика. Я потерла его пальцем. Примерила было, но тут же и сняла. Делали его для пальцев побольше, чем у меня сейчас. А изменить руку до нужного размера я не захотела. Я разглядывала его еще несколько минут, думая о Сете, о Кипре, обо всем сразу. Потом, не в силах справиться с болью, вернула кольцо в коробку и снова погребла в шкафу под остальным барахлом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На следующий день я отправилась на Рэйнер-вэли, по адресу, указанному на визитке Данте. Местечко оказалось не то чтобы захудалым, но и не сказать, что бойким. Заведение теснилось между парикмахерской и продуктовой лавкой. В окне светилась красная неоновая надпись «МЕДИУМ». Буква «И» перегорела. Ниже висело написанное от руки объявление: «Гадание по руке и картам Таро».

Я открыла дверь, зазвенел колокольчик. Внутри оказалось ничуть не лучше, чем снаружи. Узкая стойка у стены и больше ничего, не считая круглого стола, покрытого красной бархатной скатертью, местами прожженной. На столе стоял хрустальный шар. Унылая пустошь — в сравнении с уютным магазинчиком Эрика.

— Минутку, — донесся голос из открытой задней двери. — Иду...

В комнату шагнул хозяин и, увидев меня, остановился. Рост около шести футов, черные волосы собраны в хвост. Джинсы и черная тенниска, двухдневная щетина на лице. Лет сорока на вид. Очень симпатичный.

Окинув меня взглядом с ног до головы, он лукаво, понимающе усмехнулся.

— Ну, привет. — Продолжая меня рассматривать, он склонил голову набок. — И что мы здесь

делаем?

Не человек, это точно. Демоница? Нет, силы маловато. Вампирша? Тоже нет... среди бела-то дня.

— Я... — Удивленная, что он меня почувствовал, я не договорила.

Он-то точно был человек. Излучением не обладал. Как Эрик — сообщила я наконец. Смертный, который способен воспринимать мир бессмертных, хоть и не может угадать, кто я. Решив, что не стоит тратить время зря, я сказала:

— Суккуб.

Он покачал головой.

— Нет.

— Нет.

Этакий разговор меня несколько удивил.

— Да суккуб я.

— Нет. У суккубов — огненные глаза и крылья как у летучей мыши. Все знают. И джинсы со свитерами они не носят. Уж грудь-то всяко должна быть побольше. Какой там у тебя размерчик, второй?

— Третий, — возмутилась я.

— Допустим.

— Послушай. Я — суккуб. И могу это доказать. — Я приняла по очереди несколько разных обликов, потом вернулась в обычное. — Видел?

— Да, чтоб мне провалиться.

Я заподозрила, что меня просто дразнят.

— Ты — Данте?

— В настоящее время — да.

Он подошел, поздоровался со мной за руку и удержал ее. Шлепнул по ладошке.

— Пришла погадать? Могу научить, как изменить линии, чтобы подправить будущее.

Я отняла руку.

— Спасибо, не надо. Я пришла с вопросами... на которые, как считает Эрик Ланкастер, ты можешь ответить.

Данте перестал улыбаться. Закатил глаза и отошел к стойке.

— А. Он.

— Что это значит? Эрик — мой друг.

Данте, опершись на стойку, скрестил руки на груди.

— Конечно, друг. И твой, и всех остальных. Бойскаут гребаный. Избавься он от этой своей позы «святее самого Господа Бога» и работай со мной, мы давно уже разбогатели бы.

Мне вспомнилось, как Эрик сказал, что Данте — жулик, уже отмеченный адом. Вибраций зла я от него не улавливала, но Эрику начинала верить.

— У него свои принципы, — заявила я.

Данте засмеялся.

— Прелестно! Суккуб «святее самого Господа Бога». Чем дальше, тем забавнее.

— Слушай, ты можешь просто ответить на мои вопросы? Много времени это не займет.

— Конечно, — сказал он. — Время у меня есть... аж до следующего наплыва клиентов.

Горечь в голосе и жест, которым он обвел пустую комнату, говорили, что наплыва тут не было давным-давно.

— Прошлой ночью я видела сон, — начала я. — И проснулась без энергии.

— Ты — суккуб. Вроде бы. Такое бывает.

— Да что вы все заладили! Не бывает такого. К тому же перед этим я была с мужчиной. Зарядилась, так сказать.

— И ничем таким не занималась, чтобы ее растратить?

И этот вопрос я уже слышала неоднократно.

— Нет. Просто легла спать. Но сон... был на самом деле странный. Не знаю, как объяснить. Очень-очень живой. Раньше я таких никогда не видела.

— И что тебе приснилось?

— Э-э-э... что я мою посуду.

Данте вздохнул.

— Тебе заплатили за то, чтобы ты пришла и морочила мне голову?

Скрежеща зубами, я рассказала сон в подробностях.

— Все? — спросил он, когда я умолкла.

— Да.

— Дурацкий сон.

— И что он означает?

— Скорей всего, что тебе нужно починить посудомоечную машину.

— Она не сломана!

Он выпрямился.

— Извини. В таком случае ничем помочь не могу.

— Эрик сказал, ты толкователь.

— Так и есть. Но сны иногда — всего лишь сны. По руке точно не хочешь погадать? Это, конечно, дерьмо собачье, но ты хоть будешь чувствовать, что съездила не напрасно.

— Я хочу знать, что за ерунда мне приснилась! Если это всего лишь сон, почему я проснулась без энергии?

Данте снова подошел ко мне, отбросил со лба волосы.

— Не знаю. Мне тут не от чего оттолкнуться. Сколько раз такое происходило?

— Всего один.

— Тогда это может быть простой случайностью, детка.

Я повернулась к двери.

— Что ж, спасибо за «помощь».

Данте метнулся ко мне и поймал за руку.

— Эй... погоди. Не хочешь выпить?

— Что?

— Пожалуй, я рискну опечалить народ и закрыть на денек лавочку. За углом — славный бар. В «счастливый час» «Будвайзер» — всего доллар стаканчик. Угощаю.

Я усмехнулась. Уж не знаю, какая мысль была глупее — что я пойду с ним, или что я пью «Будвайзер». Симпатичной физиономии маловато, чтобы скрасить впечатление от такой странной личности.

— Извини. Но у меня есть друг.

— На звание друга я и не претендую. Перепихнемся — и прекрасно.

Я посмотрела ему в глаза. Серые, как у Картера, только без серебристого оттенка. Думала, шутит, но, невзирая на неизменную ухмылку, глаза у него оставались серьезными.

— С чего ты взял, что мы перепихнемся? Я что, выгляжу доступной?

— Сама сказала, что ты суккуб. Значит, доступна по определению. И чертовски хороша — даже без крыльев и огненных глаз.

— А твоя душа тебя не волнует?

Будь он даже так плох, как намекал Эрик, — а я этого все еще не видела, — переспав со мной, все равно пострадал бы. Как все смертные. Хотя я, правда, встречала немало мужчин — и хороших, и не очень, — которые ради секса готовы были рискнуть душой.

— Нет. Она уже так далеко зашла, что для нее это — детские забавы. Кстати, если не хочешь пива, можем сразу приступить к делу. Всегда мечтал заняться этим прямо тут, на столе.

— Ушам своим не верю. — Я распахнула дверь.

— Ну пожалуйста, — взмолился он. — Я прекрасный любовник. И только что подумал — а не дружок ли твой бессильный выжимает из тебя всю энергию?

— Невозможно, — сказала я. — Мы сексом не занимаемся.

На миг Данте онемел, а потом буйно расхохотался.

— Тебе не приходило в голову, что именно это тебя и выжимает? Посудомоечная машина — явно метафора, символ «сломанной» сексуальной жизни, что и вынуждает мыть посуду руками...

Я вышла и поехала на работу, где меня хоть немного, но уважали. Замечательным толкователем снов оказался Данте. Я начала понимать, почему он так не нравился Эрику. А еще призадумалась — вдруг они правы? Вдруг это нервное переутомление? И сон был всего лишь сном?..

Я подъезжала к магазину, когда зазвонил мобильник.

— Мисс Кинкейд? — спросил приятный женский голос — это Карен из «Союза детей» Сиэтла, я звоню, чтобы получить подтверждение вашего участия в аукционе свиданий.

— В чем?

Последовала пауза.

— В благотворительном аукционе свиданий, с целью собрать для «Союза» деньги.

Понятней не стало.

— Хм, цель достойная, но я не знаю, о чем вы говорите.

Послышался шелест бумаг.

— Вы у нас в списке волонтеров.

— Тех, кого продадут с аукциона для свидания?

— Да. Это как... а, вот, нашла. Вашу кандидатуру предложил доктор Митчелл.

Я вздохнула.

— Извините, я вам перезвоню. Отключилась и тут же набрала номер Хью.

— Привет, доктор Митчелл. Ты решил продать меня с аукциона?

— Это не слишком отличается от того, чем ты занимаешься обычно, — заявил он. — К тому же с благотворительной целью.

— От Питера и Коди я бы еще послушала про «мир на земле и добрую волю»... но от тебя? Какое тебе дело до детей?

— Мне дело до руководителя группы, — сказал Хью. — Лиса сволочная. Если мои кандидатки принесут ей деньги, мне, может, удастся затащить ее в постель.

— То есть детская благотворительность поможет тебе в сексуальной жизни. Кошмар. А почему ты Тауни не предложил? Уж ей-то точно свидание не помешает.

— Ее? Боже упаси. Это катастрофа. Нам ведь деньги нужны. Ты что, ненавидишь деток?

— Просто нет времени. Лучше выпишу чек.

Он что-то завопил, но я, не дослушав, отключилась и свернула в Куин-Энн. До работы я успею захватить из дому яблоко и шоколадный батончик. В прошлую смену было столько покупателей, что пришлось пропустить обеденный перерыв. Поэтому на сей раз я решила подстраховаться. Как бессмертная, с голоду умереть я не могла, но головокружение и слабость тоже малоприятны.

Волной хрустального излучения меня окатило за полкоридора до моей двери. То была ангельская аура. И, войдя, я обнаружила полный сбор — Картера, Ясмин, Уитни, Джоэля и Винсента. Все молчали и смотрели на меня выжидающе. Конечно, ведь мое излучение они почувствовали раньше, чем я — их. Хотя гости мои ничуть не походили на сонм небесных воинов, столь небрежно развалились они в креслах и на диване в гостиной. Не все, правда. Джоэль сидел с таким деревянным и официальным видом, словно видел меня впервые.

— Черт, — сказала я, прикрыв за собой дверь. — Прямо как в песне группы «They Might Be Giants».

Винсент усмехнулся.

— «Она — ангел»?

Я кивнула.

— «Когда бы ни встретились на булавочной головке...»

— «...назовут тебя ангелом и другими ласковыми именами», — закончил он.

— Что ты тут делаешь? — спросил Джоэль, прервав наш джем-сейшн.

— А иногда и не ласковыми, — пробормотала я.

Отвернувшись от Винсента, посмотрела на ангела в упор.

— Живу я тут, забыл?

— У нас деловая встреча, — заявил он.

— Эй... речь вроде бы шла о том, можно ли Винсенту у меня остановиться, а не о том, чтобы превратить мою квартиру в явочную. Вы тут хоть репетиции церковного хора устраивайте... мне все равно. Но выставлять меня из дому?..

— Извини, — сказала Ясмин.

Я вздрогнула. Слышать извинения от ангелов было такой же редкостью, как от демонов. Судя по лицу Джоэля, он тоже удивился.

— Конечно, мы должны были спросить разрешения. Уходим.

Она принялась собирать с журнального столика газеты. Любопытно. Стало быть, чтение газет — не личное хобби Винсента. Сделав вид, что ничего не заметила, я перевела взгляд на Ясмин.

— Да нет, не надо. Я уже ухожу. Зашла только еды кое-какой прихватить.

Она откинула с лица выбившиеся из хвостика прядки черных волос.

— Хочешь, Винс тебе что-нибудь приготовит?
Тот повернулся к ней с притворным изумлением.
— Я что, твой личный ассистент?
— Если бы, — проворчала она.
Я спрятала улыбку.
— Спасибо, не стоит. У меня времени нет.
— Так поторопись, — сказал Джоэль.

Уитни слегка опешила, но промолчала. Ясмин же оказалась не столь малодушной и двинула его локтем.

— За что? — вскрикнул он.
— Вести себя не умеешь, — объяснила она.

Я с широкой ухмылкой вышла в кухню, взяла яблоко. Полезла в буфет за батончиками, но коробка оказалась пустой.

— Эй, — сказала я, вернувшись с ней в гостиную, — кто съел? У меня целых два оставалось.
Тут наконец заговорил Картер.

— Это я проголодался.

— И съел оба? — недоверчиво спросила я.

— Есть хотелось, — ответил он без всякого раскаяния.

— Слушай, это когда-нибудь кончится? — воскликнула я. — То елка, то батончики! Хоть бы пустую коробку выбросил.

— Ты все помнишь про елку? Я не нарочно, ты же знаешь.

Я тяжело вздохнула, сунула в сумку яблоко.

— Попозже я выйду в магазин, — сказал Винсент. — Куплю тебе еще, если хочешь.

Тут на диван вспрыгнула Обри и устроилась между ним и Ясмин. Оба тут же начали ее гладить. Кошка бросила на меня самодовольный взгляд.

— Картеру купи, чтобы он не съел все, что в доме осталось. Ладно, ребята, увидимся. Ведите себя хорошо.

Картер, Ясмин и Винсент засмеялись. Уитни и Джоэль — нет.

Закрыв за собой дверь, я остановилась в коридоре. Эх, была бы хоть какая-то возможность подслушать ангелов... но увы. От них не спрятаться. Я не могла, как они, скрыть свое излучение. Поэтому они знали даже, что я еще не ушла. Раздосадованная и сгорающая от любопытства, я двинулась вниз по лестнице. Зачем они собрались? Для чего им человек? И газеты?

Непонятно, чем они вообще занимаются в этом мире. Наша сторона не скрывала ничего. Искала души, готовые предаться аду, и все дела наши были на виду. Но небесные силы действовали скрытно. Мы с друзьями постоянно ломали голову над тем, что делает в Сиэтле Картер, поскольку никто и никогда не видел, чтобы он совершал какие-то благородные поступки — разве что сигаретами делился. А еще очень интересовался моей личной жизнью и охотно давал загадочные советы. Но я подозревала, что в нем говорит скорее любопытство, чем альтруизм.

От «Изумрудного города» мой дом отделяло всего несколько кварталов. Я прогулялась пешком, благо не было дождя. И только переступила порог, ко мне подошла Мэдди.

— Привет, — сказала она смущенно. — Э-э-э... нужен совет. Я завтра иду на свадьбу. И не знаю, что надеть. Подобрала кое-что... может, посмотришь?

Оглядевшись, я решила, что магазин продержится без нас минут десять. Мэдди пришлось набраться мужества, чтобы обратиться ко мне с такой просьбой. Раньше она интереса к нарядам не выказывала вовсе.

— Ладно. Посмотрю.

Мы удалились в кабинет, и Мэдди примерила три платья. Узнай Сет, что она переодевалась при мне, наверняка задразнил бы...

Потом я честно высказалась:

— Они скрывают твои достоинства.

— Другими словами, выглядят на мне ужасно. — Мэдди скомкала последнее платье и швырнула на пол. — Кошмар какой-то. Как можно писать о женских проблемах, совершенно в них не разбираясь?

— Ну... ты о других проблемах пишешь. Твоя же — в том, что ты носишь вещи, которые тебе велики.

Она удивленно распахнула глаза.

— Я толстая. Вот и приходится скрывать.

Толстой она вовсе не была. Размер, прикинула я, от силы сорок шестой. Просто из-за маленького роста кажется пухловатой. Хотя хорошо сложена, и личико у нее миленькое. Но среди людей сейчас популярны тощие модели, и ее можно понять...

— Ты не толстая. Выглядишь такой в этих платьях. Надень что-нибудь поуже, и будет хорошо.

— Не могу носить тесную одежду.

— Она должна быть впору, а не тесной.

Мэдди со вздохом провела руками по бедрам.

— Ты не знаешь, что это такое, — сказала она не без обвиняющей нотки в голосе. — Красивая, стройная... Не каждому дано всегда выглядеть совершенством.

— Всегда совершенством никто не выглядит, — возразила я. — Обо мне этого точно не скажешь.

Тут я несколько покривила душой.

— Нужно просто выбрать подходящую одежду. К тому же половина красоты на самом деле — это внутреннее состояние. Чувствуешь себя сексуальной — такая ты и есть.

Мэдди, похоже, в этом сомневалась.

— Легко сказать... Парни что-то на меня не бросаются. Знаешь, когда я в последний раз была на свидании?

— Опять же внутреннее состояние, — сказала я. — Не подумай, что хочу обидеть, но... от тебя не всегда исходят дружелюбные вибрации. По отношению ко мне — да. И к Дагу. Отчасти. Но с другими людьми это не так.

— Знаю. — Она скрестила руки на груди. — Терпеть не могу бессмысленные светские разговоры.

— Конечно, но хоть что-то говорить ты все-таки должна. Такова жизнь.

— Ну, если бы какой-то парень подошел и заговорил со мной, я бы еще могла постараться. Только в очередь они почему-то не становятся. — Она показала на свое тело. — Из-за этого. Возвращаемся к тому, с чего начали.

— А что, если я устрою тебе свидание? — Меня вдруг осенило.

Мэдди улыбнулась. И лицо ее сразу похорошело.

— С тобой?

— Нет, но найдется с кем, я уверена. Только одежду для тебя подберу я.

— Ничего вызывающего не надену.

— Его и не будет, — пообещала я, вставая. — Слушай, мне пора бежать. На свадьбу надень желтое платье. С поясом. А о свидании потом поговорим.

Мэдди с недоверчивым видом вышла, и я взялась за работу.

Став управляющей, почти все время я проводила в кабинете, что при моей общительности было нелегко. Но все же порой удавалось вырваться — то подменить кого-нибудь на перерыв, то витрину оформить. Заглянув в этот день в кафе, Сета я не увидела. Решил, должно быть, поработать дома. Но вечером мы в любом случае должны были встретиться.

Когда я проходила мимо секции самообслуживания, вышедший оттуда парень вдруг оступился и уронил книги, которые держал в руках. Я бросилась на помощь, надеясь, что споткнулся он не о складку ковра и не решит подать на нас в суд.

— Нет, нет, — сказал он, покраснев.

На вид ему было лет двадцать, может, чуть больше.

— Не надо...

Но я, встав на колени, уже начала собирать книги и поняла, отчего он смутился. Все они были о разных видах фетишизма. Эксгибиционизм, вуайеризм...

— О боже, — сказал он, когда я вручила ему стопку. — Мне так неловко. Чувствую себя извращенцем.

— Ничего страшного, — заверила я. — Это ваше личное дело. У каждого свои пристрастия.

Он вроде бы немного успокоился, но больше всего по-прежнему хотел спастись бегством. На руке я заметила обручальное кольцо и подумала, что жена, наверное, его пристрастий не разделяет. Меня удивило, зачем ему понадобились книги, если в Интернете можно найти информации в сто раз больше. Скорее всего, компьютер у них один на двоих, и жена все узнала бы.

Следующий вопрос задала Джорджина-суккуб, а не Джорджина-управляющая. Попадись на этом

управляющий, его бы уволили.

— Вам нравится смотреть или делать? — Я понизила голос.

Он сглотнул, уставился на меня, пытаюсь понять, не смеюсь ли я. Решил, что нет.

— Э-э-э... делать.

На полсекунды я задумалась. Мне очень нужна была энергия. Он, снедаемый порочными желаниями, которые негде удовлетворить, стал бы легкой добычей. Но займись я им сейчас, пришлось бы остаться в этом теле, чего делать не хотелось. То было мое любимое, постоянное обличье. Не стоило его марать. Поэтому я улыбнулась и отпустила парнишку с миром, про себя пожелав ему удачи в исполнении тайных желаний.

Возвращаясь домой, я позвонила Сету, узнать, не передумал ли. Встретиться мы собирались на «Щелкунчике». Балет он любил, но выманить его из дому, когда впереди маячил конец книги, было воистину подвигом Геркулеса, и мне не верилось, что он согласится пойти. Уступил лишь после того, как я сказала, что разрешаю ему появиться в последнюю минуту.

Но, как выяснилось, «последнюю минуту» мы представляли себе по-разному. В зале погас свет, а он так и не появился. Начался спектакль, и всякий раз, слыша скрип двери, я оборачивалась. Увы, место рядом со мной оставалось пустым. В результате я пропустила половину представления и не смогла оценить по достоинству сон Маши — такой же живой для нее, каким был для меня мой. А балет я очень любила. За долгую жизнь я несколько раз выступала в роли профессиональной танцовщицы и никогда не уставала любоваться грациозными движениями и красивыми костюмами.

Включив в антракте мобильник, я обнаружила, что Сет мне звонил. И набрала его номер, не прослушав голосовое сообщение. Едва он ответил, спросила:

— Тебя похитил сумасшедший фанат и перебил кувалдой ноги?

— Хм. Нет. Ты не получила мое сообщение?

— Если верить телефону, оно пришло полчаса назад. Я его не получила, потому что смотрела спектакль. «Щелкунчик» — слышал о таком?

Он вздохнул.

— Прости. Не смог оторваться. Хотел предупредить...

— Предупредить? Ты и к дню рождения так открытки посылаешь? Спустя полгода?

Наступило молчание. Судя по всему, он осознал свою вину, и мне стало немного легче.

— Прости, Фетида. Я... не должен был так поступать, как бы ни был занят. Пожалуйста, прости. Ты же понимаешь.

Теперь вздохнула я. Такой милый, такой искренний... долго сердиться на него было трудно. Хотя он и подводил меня не в первый раз и вообще всячески увиливал от выходов в свет. Порой я думала, не слишком ли многое ему прощаю. Не превратилась ли, вечно помня о том, насколько больше у меня грехов в сравнении с ним, в человека, через которого перешагивают, не замечая.

— Может, встретимся после спектакля? — спросила я, кое-как подавив обиду. — Коди звал меня в бар. Посидим немного?

— Э... нет.

— Нет? — Обида вспыхнула с новой силой. — Только я тебя простила — за то, что подвел, за деньги, потраченные на билет, — а ты, выходит, не хочешь помириться?

— Послушай... и прости еще раз, но мне не очень-то приятно смотреть, как вы напиваетесь.

Я так и села, ошарашенная. Он сказал это мягко, как всегда, но мне послышалась в его голосе насмешка. Сет не пил. Терпеливо сносил обычно мои излишества, и только сейчас мне вдруг пришло в голову, что они его, возможно, раздражали. Может быть, он даже презирал меня за это?

— Ты прости — за то, что мы не соответствуем твоим меркам. Видит бог, причинять тебе неудобства никто не хочет.

— Перестань, пожалуйста, — сказал он, повысив голос. — Я не собираюсь с тобой ругаться. Мне вправду... вправду очень жаль, что я тебя подвел. Я не хотел этого. Ты знаешь.

Мигнул свет, возвещая конец антракта.

— Все, мне пора.

— Приезжай потом ко мне... пожалуйста. Посиди с друзьями, дай мне закончить, и все будет хорошо, обещаю. У меня уже есть для тебя... подарок к Рождеству.

В голосе его звучала такая растерянность, что я смягчилась. Слегка.

— Ладно. Приду. Но очень поздно, наверное.

— Я дождусь.

Мы распрощались. Спектакль я досматривала без всякого интереса. Что мне нужно было на самом деле — так это выпить с друзьями и поплакаться им в жилетку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда я вошла в «Подвальчик», Питер, Коди и Хью уже сидели там. И с ними — о ужас! — была Тауни. Я и забыла про свою ученицу. Хорошо, хоть Нифона при ней не оказалось. Это могло означать, что она подцепила наконец парня. Но надежда быстро угасла — Тауни не светилась, как светятся суккубы после секса.

Джером и Картер прийти не соизволили. Демон, вспомнила я, куда-то уехал. Ангел же, наверное, был со своими коллегами. И сидел до сих пор у меня в квартире.

— Привет, — сказал Коди, освобождая для меня местечко рядом. — Ты же вроде говорила, что занята сегодня.

— Да... но планы изменились, — буркнула я.

И протянула руку Хью.

— Дай сигаретку.

Он отмахнулся.

— В общественных местах уже не курят.

Застонав, я помахала официантке. Вредную привычку курить я приобрела из-за смертных, с которыми общалась. И, прокурив целый век, выяснила, что в трудную минуту просто не могу обойтись без сигареты. Для Сиэтла этот запрет был благом, но для меня в плохом настроении — кошмарным неудобством.

Коди мой туманный ответ не удовлетворил.

— Что значит «изменились»? Вы с Сетом никуда не пошли?

Я промолчала, и Хью рассмеялся.

— Ай-ай-ай, неурядицы в раю.

— Он занят книгой, — холодно сказала я.

— Книгой или какой-нибудь гостьей? — спросил Питер. — Ты разрешаешь ему спать с другими женщинами?

— Ему этого не надо.

— Ну, ты можешь, конечно, так думать, если тебя это успокаивает, — поддразнил Хью. — Но никто не в состоянии писать столько, сколько он, по его словам.

Собственной жизни у них, видимо, не имелось, поэтому пришлось снести еще кучу дурацких шуточек. Обижать меня они, разумеется, не хотели, но все равно было неприятно. Хватало и той обиды, которую нанес Сет. И, чтобы не выплеснуть все усиливавшееся раздражение на друзей, я принялась усердно заливать его «гимлетами».

Несчастней меня за нашим столом казалась, пожалуй, только Тауни. Сегодня на ней было красное облегающее платье, почти такого же фасона, как мое, надетое для выхода в театр. Только из спандекса — что за пристрастие к этой ткани? — и дюймов на шесть короче.

— Ты почему такая мрачная? — спросила я, надеясь, что друзья переключатся наконец с меня на кого-нибудь другого.

Нижняя губа ее задрожала — не то от горя, не то от тяжести коллагена.

— Я еще не нашла... ну, ты понимаешь.

Я тут же позабыла о своих страданиях. Это означало, что Нифон, как я и подозревала, еще в городе.

— Что? Не может быть!

Она пожала плечами и сгорбилась, упершись локтями в широко, по-мужски, расставленные колени. С таким изяществом и впрямь поди сними парня, подумала я. И повела рукой, показывая на зал.

— Нечего сидеть здесь в таком случае, суккуб. Твое место — у стойки. Оглядись и выбирай.

— Да уж, можно подумать, это легко.

— Это — легко. Священника, конечно, тут вряд ли встретишь, но без какой-то дозы точно не останешься.

— Ты-то, может, и не останешься. А я... я не знаю на самом деле, о чем с ними говорить.

Я опешила. Разговор казался еще страннее, чем мои попытки убедить Данте в том, что я суккуб. Ладно, Мэдди не умела общаться с парнями. Но высоченная, невероятного сложения блондинка, бросающаяся на мужчин, уж никак не может остаться без партнера на ночь. Таков закон вселенной.

— Ну... если ты и правда не знаешь, что сказать, спроси прямо, не хочет ли он секса. Грубовато, но с кем-нибудь да сработает.

Она недоверчиво хмыкнула:

— Как же. И больше ничего не надо?

— Больше ничего не надо, — сказала я.

Тут вернулся из туалета Хью, и я посмотрела на него.

— Хочешь заняться сексом?

Он и глазом не моргнул.

— А то. Дай только за выпивку расплачусь.

Я повернулась к Тауни.

— Слышала?

— Погоди, — сказал Хью, уже взявшийся за пальто. — Это была шутка?

— Ты послужил примером, — пояснил Питер.

— Гадство.

Тауни затрясла белокурыми кудряшками.

— Я так не смогу.

— О господи, — хотелось протереть глаза, но я боялась размазать макияж. — Тауни, это не ядерная физика.

— Не ты ли рассказывала, как туго тебе пришлось, когда рядом был твой приятель инкуб? — спросил Питер.

Он имел в виду недавний визит моего друга Бастьена. Инкуб тут же обзавелся толпой поклонников и подкинул мне работенку, которую мои друзья мужского пола сочли «тяжелейшей в мире».

— Заткнись, — огрызнулась я. — Мешаешь наставлять.

— Я не хочу плохого парня, — капризно сказала Тауни. — Хочу хорошего соблазнить. Чтобы получить много энергии.

— Начни с малого. Хороших надо еще научиться отличать.

— А как ты их находишь?

— Это особое умение. Со временем ты им овладеешь. Но пока, повторяю, начни с малого.

И раз уж я была наставницей, пришлось дать кое-какие указания. Мы обсудили с ней нескольких мужчин с обручальными кольцами, сидевших в баре, и компанию, справлявшую мальчишник. Парнишка, собиравшийся жениться, был воистину лакомым кусочком. Еще я посоветовала ей выбирать сдержанных, скромных мужчин — они чаще оказывались хорошими, чем шумные и назойливые. Хотя и не всегда, конечно. Серийные убийцы обычно тоже стараются не выделяться. Но разумеется, умение разбираться в людях не принадлежит к числу тех, которыми можно овладеть за один вечер. И, помня об этом, я все пыталась убедить ее начать с небольших доз.

— Ловко ты раскладываешь по полочкам мужскую популяцию, — сказал Питер, когда я завершила лекцию. — Мне нравится, что ты не веришь в стереотипы.

Я пожала плечами.

— Когда-то верила.

— Ладно, покажи теперь свое умение, — сказал Хью.

К этому времени мы с ним были пьяны одинаково.

— Найди тут три порядочные души.

Я усмехнулась — чертям дано с одного взгляда оценивать силу и доброту человеческих душ. Но вызов приняла и стала выбирать. Указала через некоторое время на троих, и он покачал головой.

— Двоих угадала. Те, что справа, по-настоящему хорошие. А третий — очень плохой. Ну ладно, хоть крайности определяешь.

— Видишь? — жалобно сказала Тауни. — Это все-таки трудно.

— Господи боже! — воскликнула я и опрокинула еще бокальчик. — Нисколько. Для шулеров, в чей союз ты вступила... Слушай, хочешь совет? Устройся на работу, где это легко.

— На панели я стоять не собираюсь, — сказала она оскорбленно.

— Тогда иди... ну, не знаю куда. На аукцион свиданий. — Хью сердито взглянул на меня. — Или

в стриптиз-клуб. Для суккуба нет ничего проще. Сядешь в баре после своего номера, и все сами к тебе придут. Стриптизерши — ходовой товар, их считают проститутками по определению.

— Ну... Это тоже как-то унижительно.

— Тебе вечность предстоит трахаться, чтобы поддерживать свое существование! Хватит важничать. Еще немного, и дармовой запас энергии у тебя кончится. А стриптиз — легкая работа. Забавная. Костюмы красивые. То, что надо, уж поверь.

— Наверное, — сказала она и глубоко вздохнула, отчего груди выпятились еще больше.

— Джорджина — профи.

Хью успокаивающе похлопал ее по руке. С целью, скорее всего, до этих грудей дотронуться, поскольку к парням сердечным, «белым и пушистым», отнюдь не относился.

— Как я слышал. Боюсь, на деле так и не узнаю. — И посмотрел на меня с горечью.

— Почему же тогда, — спросила Тауни, — ее кидает собственный парень?

Мои друзья охнули и уставились на нас, предвкушая давно предсказанную драчку. И раздражение, подогретое алкоголем и глупостью Тауни, вспыхнуло во мне с новой силой. Я схватила бокал и отправилась к стойке за очередной порцией. Посиделки с друзьями потеряли всякую прелесть. Какое право имела насмеяться надо мной эта дурочка, которая и одного-то парня снять не могла? Я при желании сняла бы дюжину. За вечер. Не сходя с места. И, оглядевшись, я поняла, что могу немедленно это доказать.

У стойки разговаривал с барменом молодой человек — тот самый, из книжного магазина, который интересовался фетишизмом. Похоже, он был здесь один. Я быстро отвернулась, пока он меня не увидел и не узнал. Получила свой заказ, поставила бокал на стол и, не сказав друзьям ни слова, вышла в туалет. Единственное место, где можно укрыться и изменить обличье. Зайдя в кабинку, перевоплотилась в высокую изящную девушку с длинными золотистыми волосами — похожую на балерину, увиденную этим вечером. Давно пора показать Тауни, что такое настоящая блондинка...

Возвращаясь к стойке, я встретилась глазами с Коди. Друзья, конечно, узнавали меня в любом обличье, и он посмотрел мне вслед озадаченно. А я остановилась возле парня из книжного магазина и заказала себе еще порцию. На этот раз он повернулся и увидел меня. Я улыбнулась.

— И как? — спросила, кивнув на бокал у него в руках с напитком красного цвета.

— Да ничего. — Он заглянул в него. — Гранатовый «космо». Вроде бы. Дамский коктейль... не обижайтесь.

— Не буду.

Бармен придвинул мне виски со льдом. Парень засмеялся и сказал:

— Вот так и чувствуешь себя вдруг не вполне мужчиной.

Я усмехнулась, протянула руку и назвала первое пришедшее на ум имя:

— Клара.

— Джуд.

— «Эй, Джуд», — процитировала я известную, песню.

Он вздохнул.

— Извини. Не удержалась.

— Как все...

— Ты одинок? — спросила я.

Он вроде бы смутился и потер палец, на котором в магазине я видела обручальное кольцо. Теперь его не было.

— Да.

— Я тоже.

Он окинул меня взглядом.

— Верится с трудом.

— Ну... — Я провела пальцем по краю своего бокала. — Это довольно долгая история...

И не торопясь, умело начала сплетать рассказ о том, как меня подвел парень, с которым я должна была встретиться. Мы собирались якобы заглянуть в секс-клуб... правда, об этом я сказала не сразу. Такого человека, как Джуд, интересовавшегося экзотическим сексом, но не готового еще принять саму идею, можно было и отпугнуть. Поэтому я подготовила его сперва неопределенными намеками, упомянула о собственном интересе к эксгибиционизму. Будто бы мне всего лишь хотелось посмотреть, что это вообще такое.

Под конец я избрала ту же линию, что и он в магазине:

— Чувствую себя какой-то извращенкой. Честно... и зачем я это говорю? Я ведь тебя совсем не знаю. Просто... — я посмотрела на него большими голубыми глазами, — тебе легко рассказывать.

Он долго молчал, не отводя от меня взгляда. Потом сказал:

— По-моему... ничего такого особенного нет в том, что ты говоришь... и чего хочешь...

Ключнул! Я тут же натянула леску.

— Правда?

— Да... я иногда... ну, понимаешь... и сам хотел...

— Правда?

Он кивнул.

В течение пяти секунд я делала вид, будто набираюсь решимости.

— А со мной не хочешь пойти? Просто посмотреть?

Он немного поразмыслил и согласился.

Где в городе имеются секс-клубы, он, разумеется, не знал. Я, разумеется, знала.

И, выходя с Джудом из бара, на друзей даже не оглянулась. Была вполне уверена, хоть на часы и не смотрела, что управилась за рекордное время. Может, перестанут теперь сомневаться в моем профессионализме.

Выбрала я клуб, в котором была уже не однажды. Не скажу, что ничего лучшего в жизни не видала, но мне нравилось его название — «Вызов».

В заведениях такого рода правила обычно разные. В клубы свингеров, где практикуется групповой секс и участвовать может каждый, доступ строго регламентирован. Одиноким женщин туда пускают всегда, парочкам предъявляют кое-какие условия. Одиноким мужчинам приходится потруднее. А в клубах вроде «Вызова», где большинство только смотрит, правила не так строги. Мы просто заплатили за вход и вошли. Правда, мне это обошлось, как всегда, дешевле.

Клуб набит был битком и слегка смахивал на танцевальный. В темном зале гремела музыка «техно», единственный свет исходил от заглубленных ламп, голубых и фиолетовых. Фокусировался он в основном на приподнятых площадках, обнесенных канатами, предназначенных для тех, кто желал «представлять». Посетители могли наблюдать за происходящим со всех сторон. Некоторые маленькие эстрады были оборудованы тематически — в виде, например, больничной операционной; на других стояли обыкновенные кровати и кушетки. Правила пользования сложностью не отличались — кто захотел, тот и поднялся, и желающих, похоже, было не слишком много. Пустовала почти половина эстрад. Но вокруг тех, что были заняты, толпились зрители, вытягивая шеи, чтобы лучше видеть.

— Да тут полно мужчин, — сказал Джуд, пока мы пробирались сквозь толпу.

— Так устроен мир, — ответила я.

— По-твоему, это интересует их больше, чем женщин?

— Да, в определенной степени. Мужчины склонны скорее любить глазами, и это нравится им само по себе. Женщинам тоже нравится... но им труднее признаться в этом.

Тут я спохватилась, что выказываю слишком большую осведомленность для неопытной девушки, и умолкла.

Наконец нам удалось подобраться к огороженной площадке. Мужчина на ней пылко входил в женщину, нагнувшуюся над изысканно сервированным обеденным столом. Мы некоторое время молча наблюдали за ними. Потом подошли к следующей паре, на обычной кровати. Женщина была в мини-юбочке и кожаном бюстгальтере.

После созерцания третьей пары, занимавшейся любовью, стоя у стены, Джуд наконец заговорил:

— Это не совсем то, чего я ожидал.

— Почему? — спросила я.

— Как-то все... обыкновенно.

Я засмеялась.

— Так ведь и люди обыкновенные. Ты думал увидеть тут порнозвезд?

— Да нет.

В темноте не разглядеть, но мне показалось, что он покраснел.

— Каждый вправе делать то, что сексуально для него. И на самом деле, видя, как они это делают... — Я снова посмотрела на парочку у стены.

Они глядели друг другу в глаза с таким напряжением и страстью... невозможно было не заметить, насколько сильно это возбуждало обоих. Я вздрогнула.

— Да, это сексуально, даже если не подретушировано. Это настоящее. То, что придает остроту.

Джуд промолчал, но огляделся по сторонам, словно переоценивая увиденное. Я в это время смотрела на него. Ростом меньше шести футов, но хорошо сложен. Песочного цвета волосы, модная стрижка. Почувствовав мой изучающий взгляд, он повернулся ко мне. И я сказала:

— Знаешь... раз уж тебе так хочется поднять планку... мы с тобой очень недурны.

Он понял не сразу.

— Да, мы с тобой... ох. — Карие глаза его широко распахнулись.

Я снова посмотрела на парочку у стены.

— Мы уже здесь. И, думаю, нам есть что показать этим людям.

Глаза его сделались и вовсе как блюдца.

— Я... не могу. Боже. Перед всеми... А вдруг здесь знакомые...

— Вряд ли. Да и что они сделают? Сказать кому-то, что видели тебя, значит признаться, что тоже здесь были. — Я взяла его за руку. — Давай. Тебе же хочется.

— Да, — сознался он. — Но... нет, я не смогу.

Я потянула его к свободной эстраде.

— Надо же когда-нибудь начать. Ничего сложного.

Джуд смотрел на меня испуганно, однако не сопротивлялся.

— Ты как будто уже делала это. Я думал, ты в первый раз...

— Так и есть.

— Да? А может, ты только разыгрываешь невинность и вовлекаешь мужчин в сексуальные безумства?

Я улыбнулась.

— Смешно.

Не успели мы нырнуть под ограждение, как вокруг сразу же собралась толпа. Привлеченная, скорее всего, не столько нами, решила я, сколько тем, что мы — новая пара. Ох уж это разнообразие. Острота жизни.

Джуд по-прежнему глядел испуганно, но мое терпение иссякло. Во мне проснулась актриса. Зрители ждали, пора было начинать.

Одной из лежанок у нас оказался шезлонг, накрытый белым бархатом, в свете ламп отливавший голубым. Белый цвет, подумала я, выбран, наверное, потому, что лучше других скрывает некоторые пятна.

— Давай, — сказала я, подталкивая Джуда к шезлонгу. — Ложись.

Он лег и снова посмотрел с испугом.

— Клара...

— Ты уже здесь, — сказала я жестко. — И что, собираешься сбежать? Когда я встретила тебя, трусом ты не казался.

Перед ним точно была сейчас другая женщина — властная, напористая. Он лишь покачал головой.

Я тоже забралась на шезлонг, обхватила ногами его бедра. Нехватка энергии сделалась вдруг болезненно острой, и мне стало не до нежностей. Наклонившись, я жадно поцеловала его в губы, почти укусила, просунула язык ему в рот. Он удивленно охнул, но звук этот потерялся в поцелуе. А я уже растягивала на нем рубашку. И кажется, оторвала в спешке пуговицу.

Растерянный Джуд лежал как неживой. Но меня это не волновало, лишь бы не сопротивлялся. И, судя по ощущению между бедрами, не таким уж он был и неживым.

Я провела руками по его груди, вонзая ногти. Гуманная часть меня задумалась, как он объяснит жене, откуда царапины. Остальным частям было наплевать. «Клару» я одела в черный топ и серую юбку — просто, но сексуально. Я стянула топ, тряхнула волосами, и они свесились вперед, как золотая вуаль. Хотела было снять и черный кружевной лифчик, но передумала.

Прошлась поцелуями по шее и груди Джуда, чуть задержалась, чтобы приласкать губами сосок. Затем спустилась ниже, к брюкам. Растегнула их одним быстрым движением. Спустила до колен вместе с нижним бельем и добралась до восставшего копья. Взяла его в рот, позволив скользнуть чуть ли не до горла. Джуд охнул, и благодарные зрители отозвались эхом.

Тут я ощутила поток его жизненной силы. Вливаясь в меня, она мерцала, как звездный свет. И я начала понимать его мысли и чувства, саму его личность. Когда же энергии набралось достаточно, чуть не рассмеялась. Он не в первый раз занимался этим, изменяя жене. А в третий на самом деле. Стеснялся еще немного, но застенчивость его была отчасти притворной, приманкой для таких, как я, властных,

увлекающих за собой женщин. Да, прав был Хью — душу оценить получалось у меня не всегда. Тем не менее Джуд пока стыдился измен, и у него хватало доброты и силы, чтобы заполнить пустоту во мне.

Я принялась посасывать и дразнить его настойчивее. Он застонал, чувствуя, как скользят вверх и вниз мои губы. Напрягся, и я, опасаясь, что на том все может и кончиться, отодвинулась. Встала, стянула юбку, небрежно бросила ее на пол. Джуд, все еще не решаясь проявить активность, но желая большего, уставился на меня умоляющими глазами.

Рядом с шезлонгом стоял резной деревянный стул. Подойдя к нему, я встала коленями на мягкое сиденье и прижалась грудью к перекладинам спинки. Оглянулась через плечо на Джуда.

— Время начинать шоу, — сказала я.

Думала, он будет еще мешкать и колебаться, но Джуд преодолел-таки свою скованность. И слава богу — не хотелось, чтобы это выглядело принуждением с моей стороны. Он выбрался из шезлонга, подошел. Сбросил уже спущенные до колен брюки. Встал сзади и провел руками по моим бедрам, подбираясь к черным трусикам, которые я не сняла. Я подалась к нему задом. Он вздохнул.

— Ты очень сексуальная.

— Знаю, — сказала я нетерпеливо.

Он стянул с меня трусики. Я придвинулась еще ближе и ощутила, как он вошел, мощно и глубоко. Обхватив мои бедра, начал двигаться взад и вперед, с каждым толчком прижимая меня к спинке стула. И я застонала... сама не зная, кому хочу доставить больше удовольствия — ему или зрителям.

Я стояла в такой позиции, что могла их видеть — лица, взгляды, устремленные на меня. Застенчивостью я давно не страдала и не впервые занималась сексом на людях. Вообще-то предпочитала уединение, но этим вечером мне хотелось быть в центре внимания. Может, оттого, что я отчаянно жаждала жизненной энергии. И взяла бы ее при любых обстоятельствах. Как бы там ни было, куда Джуд меня накачивал, я смотрела в глаза то одному мужчине, то другому.

Зрительный контакт дает очень много, это я и раньше замечала. Из сферы внешнего соприкосновения уносит во что-то глубокое, сокровенное. Я каждому отвечала пристальным, пылким взглядом — взглядом женщины, которая получает наслаждение и ничего более не хочет, кроме как получить его потом и от них. И это тоже меня будоражило — думать о мужчинах, которых я возбуждаю, жаждущих секса... жаждущих меня.

Я почти забыла, что со мной сейчас Джуд. То мог быть любой, и, судя по выражению лиц, все они были бы счастливы поменяться с ним местами. Переводя взгляд с одного на другого, я пыталась представить, как любил бы меня каждый из них и что я при этом чувствовала бы. И дошла вскоре до того, что начала грезить о двоих сразу. Один — сзади, другой — спереди...

Джуд, держа меня одной рукой за бедро, другой вцепился в волосы, с силой дернул. Вспугнул мои грезы, но и грубость его доставила мне удовольствие, на таком я была взводе. Потом нажал сильнее, вдавив меня в спинку стула. Я надеялась, что это не конец — сладость его жизненной энергии, переходившей ко мне, все усиливалась. И мысль у него оставалась одна: «Ах, хорошо... хорошо... хорошо...»

Я думала о том же. Наслаждение достигло головокружительных высот. Все вместе — и он, охаживающий меня, стоящую на коленях, и вуайеристы вокруг — было действием низменным и одновременно необыкновенно возбуждающим.

— Хорошо... хорошо, — простонала я, эхом его мыслей. — Не останавливайся... не останавливайся... о-о-о.

Ирония судьбы.

Прием, который помог мне с Брайсом или Брюсом... или как там его звали, сработал и сейчас. Но завершения я вовсе не хотела. Возможно, Джуд действовал так всегда — сладко, но коротко, — и слова мои были ни при чем. И все же это случилось, и я кончить не успела.

Дозу свою я тем не менее получила. Его оргазм отозвался во мне восхитительным взрывом жизненной силы. В последнюю секунду он, невзирая на экстаз, ощутил еще и укол вины, угрызения совести за то, что снова обманул жену. И это стало для меня дополнительным призом. Грех — понятие субъективное, многое зависит от того, как оценивает его сам согрешивший. Толкнув Джуда на дурной поступок — чего и требовал от меня ад и за что платил — и пошатнув его нравственность, энергии я получила больше, чем если бы просто его соблазнила. Теперь, подпитав свое бессмертие и укрепив способность к превращению, я вновь чувствовала себя прекрасно.

Он выскользнул из меня. Я встала и, увидев, что он пошатывается, подхватила его под руку.

Зрители засвистели и захлопали.

Вид у Джуда был удивленный. И измученный. Я подала ему брюки.

— Ох, — выдохнул он. — Это было... потрясающе.

— Да, — сказала я с усмешкой. — Знаю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Только ввалившись к Сету, я сообразила, как уже поздно — почти два ночи.

Он не работал, сидел на диване перед телевизором, рассеянно переключая каналы.

— Привет, — сказала я, бросая у двери пальто и сумку.

Сет повернул голову. На лице его играли призрачные отсветы.

— Извини, задержалась. Подвернулось кое-что.

— Да, — ответил он ровным голосом. — Вижу.

Что именно он видит, я поняла сразу. Сет уже научился различать малейшие оттенки моего состояния. Меня окружало свечение жизненной энергии Джуда. Для бессмертных я и впрямь светилась. Смертные же в таких случаях просто ощущали во мне нечто неодолимо притягательное. Они приписывали это моей красоте. Но Сет знал. И понимал, чем я занималась.

Лучше бы он не видел меня такой... но деваться было некуда.

— Прости. Такова моя работа.

— Да, — сказал он устало и выпрямился. — Только... тебе обязательно надо было делать это сегодня? Чтобы наказать меня за то, что подвел?

Я села в кресло напротив. Энергия Джуда напитала меня жизнью и бодростью. Настроение поднялось, и не хотелось портить его, ругаясь с Сетом, особенно после такого безрадостного вечера.

— Нет, чтобы выжить. Мстить тебе я не собиралась.

Он вздохнул.

— Порой это так тяжело.

Я перебралась на диван, поближе к нему.

— Знаю.

Он обнял меня за плечи и посмотрел одновременно нежно и с укором. Коротко поцеловал в шею. Кровь во мне сразу запылала.

— Господи, ты так красива. Хотелось бы, чтобы это было из-за меня, а не из-за кого-то другого.

— Да, — сказала я. — Мне тоже.

— Извини, что вспылел.

— И это ты называешь «вспылить»?

— И за то, что подвел, извини. Я был не прав. Он легонько укусил меня за ухо. Я закрыла глаза, запрокинула голову.

— Я не сержусь, — сказала я. — Правда.

— Какая ты добрая.

— Так ведь Рождество на носу. Положено быть добрыми и все прощать.

Сет засмеялся, погладил меня по голове.

— Тебе положено быть злой. А ты хорошая.

— Да ладно. — Я прижалась к нему теснее. — Не такая уж я и хорошая. И мысли у меня сейчас очень даже плохие.

— У меня тоже. Коль судить по ним, мне одна дорога — в ад.

— Никогда. Хью говорит, твоя душа похожа на сверхновую звезду. И дорога тебе — к жемчужным вратам рая.

Натянutosть была забыта. Нас вновь охватили нежность и желание. И все же, пока мы обнимались и болтали ни о чем, я никак не могла отделаться от тоскливой мысли, что подобные сцены стали уже для нас привычными. Ссора. Тяжесть на душе. Извинения. Объятия. Сколько я ни мечтала за последнюю тысячу лет о постоянных отношениях с кем-то, эта схема в мои мечты не входила.

Через некоторое время от невинных ласк мы перешли к кое-чему посерьезнее. Вернее, я перешла. Сета редко удавалось уговорить самому удовлетворить свое желание, и смущался он при этом страшно. Мне же нравилось на него смотреть. Видя, как он, такой невероятно сдержанный, теряет во время оргазма самообладание, я получала удовольствия чуть ли не больше, чем от собственной

кульминации.

Похоже, по отношению ко мне он чувствовал то же самое. И в ту ночь довольствовался тем, что просто смотрел на меня. А я только рада была завершить не доведенное до конца Джудом. И когда растянулась потом на диване, томная и довольная, он прилег рядом и переплел свои пальцы с моими.

— Никогда от этого не устану, — сказал он со вздохом.

— Надо было тебе тоже...

— Не надо.

— Точно?

Он улыбнулся.

— Самообладание, Фетида. Самообладание. К тому же у меня богатое воображение. Которого хватает порой, чтобы представить, что это с тобой делаю я.

Я вздрогнула, представив тоже, что Сет в пик наслаждения — во мне и я выкрикиваю его имя и впиваюсь ногтями ему в спину...

— Иисусе, — сказала я тихо, закрыв глаза.

— Вот именно.

Наконец мы сообразили, что уже и вправду очень поздно, и стали готовиться ко сну. Почистив зубы и выйдя из ванной, я прошла в спальню, и там Сет вручил мне маленький пакетик.

— Обещанный подарок.

Я повертела его в руках. Золоченая обертка, красная ленточка. Упаковано кое-как, бантик кривой — смело можно спорить, что заворачивал сам. Я усмехнулась.

— Рановато. Подарок до Рождества? Это слишком... не такое уж я зло.

Он сел с самодовольным видом на кровать, прислонился к изголовью.

— А я — такое. Думаю, моя душа точно несколько потускнела. Открывай.

Я тоже села и нерешительно развернула пакетик, уже догадываясь, что внутри — ювелирная коробочка. Но с чем? На безумца, способного сделать предложение, Сет вроде бы не походил, хотя и выказывал порой романтический дух. Так мне, во всяком случае, казалось. Надеюсь на браслет, в коробочке я обнаружила кольцо. Но не обручальное — в общепринятом смысле. А современную копию византийского кольца. Похожую на те, что мы видели в магазине Эрика, однако не совсем такую. Платиновое кольцо, тускло отливающее серебром в приглушенном свете спальни, с изображением дельфина на венчающем диске, украшенном несколькими крохотными сапфирами.

Не зная, что сказать, я смотрела на него молча.

— Нравится? — взволнованно спросил Сет.

— Э... да. Нравится. Очень, — с запинкой ответила я.

— Ты выглядела такой печальной, когда сказала, что потеряла то, другое кольцо, и я подумал — может быть, это заменит тебе его?

Видя, как он радуется своему подарку сам, я не решилась признаться, что ничего не теряла. А своими руками запрятала подальше, чтобы никогда больше не видеть. И что это кольцо, похожее и не похожее одновременно, воскресило во мне все темные чувства, которые я пыталась похоронить. Память о давно прошедшем солнечном дне, когда муж, обманутый впоследствии, надел то, другое кольцо мне на палец на нашей свадьбе.

— Оно прекрасно, — помолчав еще немного, сказала я, чтобы Сет ничего не заподозрил.

С его стороны это было очень мило на самом деле — он ведь не знал моей истории, моей боли.

— А почему дельфин?

— А... не подумай, что я решил соригинальничать, просто... греческие буквы для меня ничего не значат. А о дельфинах я как-то читал — они играли важную роль в верованиях древнего Кипра, вот и...

Я сумела наконец улыбнуться.

— Да. Посланцы морских богов. Вестники счастья. — Тут я кое-что сообразила. — Погоди-ка. Мы видели похожие кольца в магазине Эрика, но такого там не было. Где же ты его нашел? Все-таки у Эрика или в другом месте?

В глазах его мелькнули веселые искорки.

— Учусь у тебя умению договариваться с людьми. Нашел мастера и заказал.

Боже милосердный. Он заказал кольцо — платиновое. Перед Рождеством. И заказ выполнили за несколько дней. О цене страшно было и думать. Мне даже дурно сделалось. Сет перестал улыбаться.

— Оно тебе вправду нравится?

— Да, да... конечно. Просто... не знаю, что сказать, извини. Чудесный подарок.

Я надела кольцо на безымянный палец правой руки. Как раз впору. Потом подняла на Сета неуверенный взгляд.

— Э-э-э... дружеский, надеюсь?

— Да, не пугайся. Когда решусь на что-то другое, ты сразу поймешь. По моему трепету. — Губы его тронула лукавая — очень сексуальная — улыбка. — И это будут рубины.

— Рубины? А почему не бриллианты? Писательские гонорары не выдержат?

Он пренебрежительно хмыкнул.

— Нет, просто бриллианты — это слишком обычно, на мой взгляд. А чтобы я женился, должно случиться что-то необычное. К тому же ты часто носишь красное, я заметил. И для тебя важны соответствующие аксессуары.

В ответ я фыркнула, и мы забрались в постель.

Он уснул быстро, как всегда. А я еще долго лежала, трогая нагретое на руке кольцо, обводя пальцем очертания дельфина. Неприятные воспоминания, которые оно во мне всколыхнуло, не уходили. Но в объятиях Сета казались почему-то не такими болезненными.

Наконец и я заснула. И в ту же секунду мне начал сниться сон.

Я снова была в кухне, и все вокруг казалось таким же живым и реалистичным, как и в прошлый раз. Теплая вода в раковине. Запах апельсинового мыла. Звуки «Sweet Home Alabama». Я сновиденная точно так же мыла посуду и подпевала. Потом заглянула в комнату. Предыдущий сон на этом закончился. Но сейчас он продолжался.

В гостиной, на одеяле, разостланном на полу, сидела маленькая девочка, лет двух. Вокруг валялись игрушки. Сжимая в руках плюшевого жирафа, малышка потрясла им, и он тихонько загремел. Потом, словно почувствовав мой взгляд, она подняла голову.

Я увидела круглые, еще не утратившие младенческую пухлость щечки. Светло-русые кудряшки, большие ореховые глазки, обрамленные длинными ресницами. Девчушка была само очарование.

На диване позади нее дремала, свернувшись клубочком, Обри. Рядом лежала другая кошка, с рыжими и коричневыми пятнами, совершенно незнакомая.

Малышка радостно улыбнулась, на щеках появились ямочки. Сердце моего сновиденного «я» облилось горячей волной любви и счастья, и эти чувства передались мне настоящей. И я вдруг поняла... каким образом, объяснить невозможно, но пришла непоколебимая уверенность, что эта девочка — моя дочь.

И тут я проснулась.

Точно как в прошлый раз, ночь пролетела незаметно. В окна заглядывало утреннее солнце, рядом тихо спал Сет. Точно как в прошлый раз, вся энергия исчезла. Я была пуста. Но это казалось ерундой по сравнению с болью, что меня охватила, — меня вырвали из сна, лишили безграничной любви, которую питало мое сновиденное «я» к девочке. Своей дочери. Моей дочери.

Невозможно, одернула я себя. У суккубов не бывает детей. Я навеки лишила себя этого счастья, продав душу. И все же... пережитые во сне чувства были такими реальными, такими сильными... Я не могла иметь детей, но это был мой ребенок. Никаких сомнений. Сердце мое еще помнило горячую волну счастья и разрывалось, потому что дочери не было со мной здесь и сейчас.

Глупо, сказала я себе. Сны — не реальность. Сны — это... сны. И у меня на самом деле имеются проблемы посерьезней. Пропажа энергии, например.

Тут Сет заворочался сонно и стащил с меня одеяло. Я потянула его обратно, Сет повернулся на бок и открыл глаза.

— Привет, — сказал он, — кто уступит?

— Может, ты?

— А может, ты?

— Я — зло, забыл, что ли?

Мы еще немного поиграли в перетягивание одеяла. Я изображала веселье, поскольку не собиралась посвящать Сета в свои проблемы. И вскоре встала, преодолев желание остаться в постели. Смотреть сны... Но Сету пора было садиться за книгу, да и меня ждала дневная смена в магазине.

Заскочив домой, я обнаружила там Винсента, который готовил завтрак, и Ясмин. До моего прихода они говорили, видно, о чем-то веселом, потому что здоровались со мной, еще продолжая посмеиваться.

— Яичницу будешь? — спросил Винсент, ловя пачку масла, брошенную Ясмин.

Накануне в доме у меня масла не было. Как, впрочем, и других продуктов. Значит, сходил-таки в

магазин.

— Нет, спасибо, — ответила я, присаживаясь к кухонному столу. — Завтракала уже.

— Много потеряешь, — сказала Ясмин. — За такую извращенную яичницу, как он готовит, ему прямая дорога в ад.

Винсент поставил на плиту сковороду, зажег газ.

— А, так это за яичницу я туда отправлюсь? Помнится, в последний раз ты говорила, что за парковку.

Глаза ангела озорно сверкнули. Гладкие черные волосы Ясмин сегодня были собраны в хвост, отчего она выглядела совсем юной. Забавно... учитывая, что истинного возраста ее не представить ни человеку, ни суккубу.

— Ах, да. Я и забыла. Ну, теперь уж и не знаю, что перетянет. Пачка масла на яичницу из двух яиц или параллельная парковка в трех футах от тротуара.

Он шлепнул ее по руке деревянной лопаточкой.

— В трех футах? Ты машину хоть раз в жизни водила? Единственное, что водить умеешь, — так это меня... за нос.

— Да, конечно. За него тебя обвели задолго до меня...

Переводя взгляд с одного на другую, я поняла, что обо мне тут уже забыли. И, чувствуя себя лишней, потихоньку отступила в коридор, а оттуда — в спальню. Прикрыла дверь и недоуменно воззрилась на Обри, которая нежилась на кровати в пятне солнечного света.

— Обри, они что, все утро так?

Кошка зевнула, поморгала зелеными глазами, свернулась белым шариком — точь-в-точь как во сне. И прикрыла мордочку лапкой.

Ну и ну, подумала я. Экая неожиданность. Я сошла с ума? Или эти двое, Ясмин и Винсент, и впрямь... флиртуют? Ангелу, конечно, положено быть милым и дружелюбным, но чтобы настолько... Тем не менее, поразмыслив, я пришла к выводу, что не ошиблась. Более того... эти их шуточки не похожи были на заигрывания первых дней. Скорее на хорошо знакомое мне поддразнивание, на которое способны лишь те, кто давно уже вместе и чувствуют себя друг с другом так спокойно и уверенно, что могут заканчивать начатые другим фразы. Как мы с Сетом... о чем недавно говорил Эрик.

— У них любовь, — сказала я Обри, сама себе не веря.

Кошка не откликнулась.

Но как?.. Спать друг с другом они точно не могли. Я знала, что для ангелов это означает падение. Ясмин же определенно оставалась до сих пор на стороне правды и справедливости. Может, ангелу разрешается любить человека, если между ними нет физической близости? В это после знакомства с ханжой Джоэлем не верилось. Такие, как он, не допустили бы даже целомудренной связи. И значит, о парочке никто не знал, в том числе и Картер. Честно говоря, мне знать тоже не хотелось. Ничем хорошим отношения великих трагических любовников никогда не заканчивались.

Прихватив одежду и отправившись под душ, я поняла вдруг, что у них дела обстоят, пожалуй, еще хуже, чем у нас с Сетом. И как это могло произойти? Правда, я всегда считала, что с ангелами возможны любые чудеса. Душ я приняла и волосы высушила, не переставая ломать голову над этой любовной загадкой. И, входя в гостиную, опасалась, не наткнушь ли на что-нибудь еще более откровенное.

Но наткнулась на знакомое неприятное излучение. Обволакивающее и мускусное.

На диване сидел Нифон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Пошел вон, — сказала я с порога.

Ясмин и Винсент, доедавшие яичницу, с удивлением взглянули на меня. Нифон кивнул в их сторону:

— Мне разрешили войти. Не думал, что возникнет проблема.

Ангел и человек заметно растерялись. Все стало ясно. Нифон явился неожиданно, они, не зная о моих с ним отношениях, его впустили. Приняли, видно, за компаньона по злодейским делам, каковым он, строго говоря, и являлся.

Винсент торопливо встал, понес грязную тарелку в раковину. Ясмин вскочила тоже.

— Ну, — сказал Винсент, — нам, кажется, пора.

— Да. — Ясмин схватила за пальто. — Приятно было повидаться.

Исчезли они с такой скоростью, как будто телепортировались.

Я снова сосредоточилась на Нифоне.

— Пошел вон, — повторила я.

Он откинулся на спинку дивана, раскинув руки.

— Лета, Лета...

— И хватит меня так называть.

— Как пожелаешь. Не волнуйся, сейчас уйду. Хочу только поделиться последними новостями о Тауни.

О господи. Тауни.

«Пожалуйста, — взмолилась я про себя, — дай мне услышать, что вчера она преуспела!»

Правда, состояние, в котором я оставила ее в баре, надежды не внушало. Если только она не вдохновилась моим примером с Джудом.

— Жертву она так и не поимела. Черт.

— Что ж, спасибо, — сказала я и указала ему на дверь. — Можешь идти. Буду рада, если в следующий раз ты сообщишь последние новости по телефону. Лучше всего — из такси, идущего в аэропорт. Чтобы больше я тебя, гадину, не видела.

Он посмотрел на меня обиженно, но с дивана встал.

— Хорошо, хорошо. Только я еще кое-что хотел сказать.

— Нет ничего, что я хотела бы от тебя слышать. — Я уже почти рычала.

— О, не уверен. — Он взялся за дверную ручку, но уходить, похоже, не собирался. — Думаю, тебе будет интересно. Это касается твоей личной жизни.

— Нет уж! О ней мы говорить не будем.

— Ле... Джорджина, я всего лишь хочу помочь, — проныл он. — Ведь это ужасно, что вы не можете отдаться своей любви полностью.

— У нас. Все. Прекрасно. Отодвинься от двери. Не пачкай ее своими волосами.

Нифон выпрямился, заботливо пригладил затылок.

— Послушай... я понимаю, почему ты с ним не спишь. Это прелестно. Спасая его жизнь, энергию и так далее. Но что, если проблемы не станут? Что, если я сделаю так, чтобы у секса не было побочных эффектов?

— Ага. По доброте душевной.

— Ну... — Он пожал плечами. — У всего своя цена.

— Оно того не стоит. Чтобы Сет продал душу.

— Я могу кое-что добавить. Продлить ему жизнь... и молодость...

— Нет. Клянусь Богом, если ты сейчас же не уйдешь, я позвоню Джерому. — Я блефовала, поскольку Джерома в городе не было.

— Я всего лишь хочу помочь...

— Как мне помог? — Я не потрудилась скрыть сарказм.

Насмешливое выражение вдруг исчезло с его лица. Оно стало жестким. Злым. Страшным.

— Я помог тебе, малышка Лета. Ты была никто. Вообще никто. Дочь нищего рыбака из глухого дерьмового городишки. Потаскуха из глухого дерьмового городишки. Изгадила себе жизнь, а я все уладил. Сделал тебя той, кто ты есть. Решил твои проблемы. Спас твоего мужа. Дал тебе вечную молодость и красоту. Не кажется ли тебе, что ты у меня в долгу?

— Оно того не стоило, — сказала я мрачно. — Не стоило.

— Вот как? Ты предпочла бы увидеть, как муж покончит с собой? И умереть опозоренной, всеми презираемой парией?

Я не ответила. Перед глазами вновь встало лицо мужа в тот миг, когда он узнал о моей измене. Это воспоминание преследовало меня и теперь, через века. Он был в таком отчаянии, что хотел умереть. Но я, продав душу и став суккубом, заключила с адом сделку. Муж забыл меня, как и все остальные, кого я знала. Он не умер, остался жить, забыв о том даже, что я вообще существовала на свете. Стоило ли оно того?

Лицо Нифона сделалось еще язвительней. Черт открыл дверь.

— Пока, Джорджина. Дай знать, если передумаешь.

Он ушел, а я долго еще смотрела на дверь, не в силах сдвинуться с места. О предложении купить

душу Сета я не думала. Оно меня не интересовало. А вот все остальное, что он сказал... напоминание о прошлом... Я вздохнула. Ни с этим разбираться не хотелось, ни со всем остальным, что происходило сейчас в моей жизни. Кстати, об остальном... До работы еще два часа, и я решила наступить себе на горло и еще раз попытаться узнать, что за сны мне снятся. У Данте.

Лавочка его выглядела ничуть не лучше, чем в прошлое посещение. Но на сей раз я застала там клиентку. Темноволосую девушку в сером свитере, которая по возрасту могла быть студенткой. Увидев ее с порога, я попятилась было, но Данте жестом пригласил меня зайти.

— Ничего, ничего. Можешь тут подождать. Он перевел взгляд на девушку. Оба сидели возле колченогого, покрытого бархатом стола.

— Вы ведь не против?

Девушка меня словно и не заметила.

— Нет-нет! Дальше, пожалуйста. Что там за мужчина?

Данте ослепительно улыбнулся. Улыбка казалась заученной, но на клиентку, похоже, действовала безотказно. Подойдя ближе, я поняла, что он гадает на картах Таро. На столе уже лежало несколько штук. Данте выложил еще одну.

— О, «Папа», — сказал он таинственно и многозначительно.

— И что это значит? — пискнула девушка.

— Не понимаете? Так-таки ничего и не понимаете?

Она покачала головой.

— Ничего.

— Что ж... «Папа» — это великая любовная карта. Она символизирует влюбленного мужчину, привлекательного и галантного, любящего делать подарки, красиво ухаживать. Ну знаете, о чем я...

— Честно? Нет, — сказала она с тоской. — Мне только сопляки попадают.

— Ничего, скоро все изменится, — пообещал Данте.

Я немного разбиралась в картах Таро. И знала, что «Папа» символизирует традиции, мудрость и аскетизм. А вовсе не влюбленного мужчину, тем более что на карте изображен священник.

— А почему он так странно одет? — спросила девушка. — В-мантию какую-то.

— Ничего странного, — сказал Данте. — Это говорит о богатстве. Вспомните, Таро — очень древние карты. И парень одет по последней моде тех времен.

Встретившись с ним взглядом, я закатила глаза. Он с бесстрастным лицом выложил следующую карту.

— Неплохо, — сказал он. — «Башня».

Хуже этой карты в колоде не было.

— У вас большое будущее, ребята.

— Почему она горит? — спросила девушка. — И почему из окон падают люди?

— Это символы, — быстро сказал он. — Они означают, что, хотя все будет хорошо, когда вы встретите этого парня, вам нужно быть осторожной и следить за знаками судьбы.

— Ой, — сказала она. — А я сумею?

Данте собрал карты, отложил колоду.

— Могу помочь, если хотите. Продам набор толкований со скидкой. И у вас будет проводник, чтобы подготовиться к встрече.

В том, что встреча с мифическим парнем состоится, я лично очень сомневалась.

— Сколько? — нерешительно спросила она.

— Хм, посчитаем. — Данте сделался задумчивым. — Стоят они по пятьдесят. Скидка за набор обычно пять долларов... но... черт. Мне хочется на самом деле, чтобы у вас все получилось. Сам романтик, понимаете ли... Так и быть, отдам шесть по сорок. Можете прямо сейчас купить, и когда они вам понадобятся, будут уже под рукой.

Девушка задумалась тоже. Язык чесался сказать ей, что это жульничество. Но мне нужна была помощь Данте, и восстанавливать его против себя не стоило. И без того мог отказать.

— Не хочу на вас давить, — сказал он мягко. — Думайте, пожалуйста. Прислушайтесь к своему сердцу. Близится важный период вашей жизни — так говорят карты, и ваше сердце нуждается в помощи и защите.

Это ее убедило.

— Ладно, куплю.

Не веря своим глазам, я смотрела, как она идет к кассе. Вручает Данте больше двухсот сорока

долларов — с пошლიной, и он передает ей самые обыкновенные карты Таро.

— И тебе не стыдно? — спросила я, когда она вышла.

— Суккуб. Рад тебя видеть.

— Это же был не любовный расклад.

— Ну да, — сказал он, подходя ко мне. — Он значил на самом деле, что сердце ее будет разбито и дело может дойти до суицида.

— Но ты предсказал ей любовь.

— Ей двадцать лет. В этом возрасте только о любви и хотят слышать.

— Гореть тебе в аду.

— Могу сказать то же самое о тебе. Да, кажется, и говорил в прошлый раз?.. Ладно. Ты пришла... неужели все-таки решила переспать со мной?

— Разумеется, нет.

Он изобразил обиду.

— «Разумеется, нет»? Отчего так категорично? Я вроде бы не урод.

— Не урод, — согласилась я.

Он по-прежнему выглядел так, словно два дня не брился, и синяя тенниска обтягивала торс весьма сексуально, позволяя разглядеть отменную мускулатуру. Видать, работа оставляла достаточно свободного времени, чтобы ее накачивать.

— Но я здесь по другому поводу. И, честно говоря, если то, что я вижу, — всего лишь верхушка айсберга, твоя душа не стоит ни секунды моего времени.

Он протестующе вскинул руки.

— Приходит, оскорбляет меня... а потом просит помощи. И чего ты хочешь? У тебя все-таки сломалась посудомойка?

— Нет. Я снова видела этот сон. Но с продолжением.

Я коротко пересказала его. Данте выслушал с непроницаемым видом. Потом спросил:

— Новую посудомойку ты точно не хочешь?

— Нет!

— А детей?

— Что — детей?

— Их ты хочешь?

Я немного помолчала. Данте улыбался все так же насмешливо, но смотрел на меня очень внимательно. Жулик жуликом, но умен. Настоящие жулики и должны быть умными. Чтобы зарабатывать на человеческих слабостях — таких, как желание любви у юных девушек, — необходимо хорошо разбираться в людях.

— Это не имеет значения, — сказала я наконец. — У меня детей быть не может. Ты знаешь.

— Я спросил не об этом, суккуб. Я спросил, хочешь ли ты их.

Я уставилась на хрустальный шар. Пластиковый на самом деле, судя по игре света на поверхности.

— Конечно. Хотела, еще когда была смертной. И родила бы, если бы могла.

Он кивнул, и мне впервые подумалось, что он, возможно, воспринимает меня всерьез. Почти.

— И смею предположить... ты проснулась без энергии.

— Да. А до этого поимела жертву. В точности как в прошлый раз.

Лицо у него стало задумчивым.

— Интересно. Это происходит только тогда, когда ты заряжаешься.

— И что это значит, по-твоему?

— Не знаю. Возможно, ничего.

— Не может быть! Я теряю энергию без всякой причины.

— Ты на взводе, — возразил он. — И похоже, так задергана, как никто из бессмертных, которых я встречал. Да и смертных тоже. Ты века мечтаешь забеременеть. Живешь со своим дружкой в целомудрии. И работаешь на этого демона, да? Похожего на Мэтью Бродерика?

— На Джона Кьюсака, — поправила я.

— Неважно. Все это любого достанет. Твои сны отражение твоих горестей, работа подсознания, живая, яркая, вытягивающая энергию.

— Пользы от тебя... Твои толкования — жульничество, как и все остальное.

— Нет. Я жульничаю не во всем. В снах разбираюсь. И в магии. И знаю, что тебе поможет.

— Что?

Он показал на стол.

— Мы с тобой. На нем. Голые. Горизонтально. Я застонала.

— Да, ты не соврал. Ты романтик.

— Прагматик. И оппортунист.

— Ничтожество, которое обходится со мной, как с дешевой шлюхой...

— Черт возьми, я не трахался полгода, а ко мне является суккуб и просит о помощи. Мысль о сексе тебе и в голову не приходила?

Я бросила на него косой взгляд.

— Я правильно поняла? Чтобы получить помощь, я должна с тобой переспать?

Данте сунул руки в карманы.

— Нет. Было бы куда приятней, если бы ты сама этого хотела. Да и помочь я на самом деле не могу.

Я шагнула к двери.

— Что ж, спасибо.

— Знаешь, что еще помогло бы? — спросил он вслед.

— Если ты опять о сексе...

— Отпуск. Массаж. Все, что снимает напряжение.

На сей раз он говорил дело, и это меня приятно удивило — значит, в голове у него не только помойка.

— Да, — сказала я. — Правда, я сомневаюсь, что мои проблемы можно решить массажем.

— Кто знает. Если бесплатно... да в обнаженном виде...

Я вышла.

Мысль о том, что мой роман с Сетом движется как будто по замкнутому кругу, меня уже посещала. Теперь казалось, что по кругу пошло и все остальное. Увидела тот же самый сон, приехала к Данте, помощи не получила, отправилась на работу, пережевывая по дороге случившееся... день разворачивался в точности, как в прошлый раз.

В «Изумрудном городе» я занялась оформлением документов и обслуживанием покупателей, томясь при этом сладкими мечтами о ребенке. Я думала только о приснившейся девочке. Жаждала снова ее увидеть, полюбоваться ее улыбкой. В сравнении с нею работа казалась никому не нужной бессмыслицей.

Вечером мы с Мэдди поехали ко мне, и я объяснила, каким образом собираюсь устроить ей свидание.

— Ты хочешь меня продать? — воскликнула она.

— Это благотворительный аукцион, — сказала я. — В пользу детей. Ты же любишь детей, правда?

— Ну да, только...

— Значит, все будет хорошо. На, примерь. — Я бросила ей пакет с логотипом «BCBG».

Мэдди посмотрела на него с опаской.

— Магазин для подростков?

— Для людей со вкусом, — уверила я ее.

Она вынула из пакета платье, которое я подобрала накануне. Длиной до колен, шелковое, с розовым геометрическим рисунком. Слегка присобранный верх, рукава-крылышки, треугольный вырез, под ним — бант.

— Я это не надену, — тут же сказала Мэдди.

— Почему? Слишком красивое?

Она бросила на меня сердитый взгляд.

— Все наружу.

— Что? Да оно все закрывает!

Видела бы она мои платья, где действительно «все наружу»... Для нее я выбрала элегантное, сшитое со вкусом. Пуританское по сравнению с моими.

— Примерь сначала, потом посмотрим.

Мерить она отправилась в ванную. И, когда вышла, я чуть не ахнула от восторга. Платье сидело идеально. Размер я угадала точно.

— Ни дюйма лишнего, — заворчала Мэдди, растягивая ткань на талии.

— Так и надо.

— Я в нем не толстая?

— Ты в нем красавица. Будь оно из спандекса, тогда — да, наполнило бы. Но ткань легкая, складочки...

— Вырез ужасно низкий...

— Хватит тебе, — рассердилась я. — Давай приводить в порядок остальное.

Я сделала ей макияж и распустила волосы. Вырвавшись на свободу, они засияли, как черный шелк. Стыд и позор, подумала я, что Мэдди вечно собирает их в хвост. Неужели кино не смотрит, где дурнушки становятся красавицами, стоит только распустить волосы и снять очки? Вместо очков, правда, она уже носила контактные линзы, но правило оставалось в силе. Под конец я обула ее в туфли на невысоком каблуке, которые купила к платью. Каблук повыше смотрелся бы, конечно, лучше, но я уж не стала искушать судьбу. И, удовлетворенные результатом, мы отправились на аукцион.

— Ты прямо как фея-крестная, — пробормотала Мэдди, когда мы вошли в отель, где проводилось мероприятие. — Только я — все та же Золушка.

Я пихнула ее локтем.

— Откуда столько пессимизма? Может, тебе стоит организовать слезливую группу эмо и утереть нос Дагу с его роком?

— Точно. Всем утру... ой, это Сет?

Мы пробирались по залу туда, где сидели волонтеры. Народу явилось много, заняты были почти все столики перед эстрадой. Проследив за взглядом Мэдди, я увидела за столиком, где оставались еще свободные стулья, Сета. Он нас тоже заметил и помахал рукой.

— Пришел тебя поддержать, — сказала я.

На самом деле Сет страшился за исход мероприятия, в которое я затаскивала Мэдди силком, и привело его сюда скорей предчувствие катастрофы.

Не зная этого, Мэдди была приятно удивлена. Она улыбнулась, и я чуть не упала в обморок.

— Вот! Так все время и делай.

Улыбка пропала.

— Как?..

Тут нас увидел Хью и аж подпрыгнул.

— Я знал, что ты любишь детишек. Я знал, что ты таки сдашься и придешь...

— Пришла не я, а Мэдди, — сказала я и положила руку ей на плечо.

Лицо Хью вытянулось.

— Э...

В следующую секунду к нам подошла высокая брюнетка в черном атласном платье. Та самая «сволочная лиса», по-видимому. Протянула мне руку.

— Привет, я — Динна. Координатор. А вы, должно быть, подруга Хью.

— Джорджина, — я пожала руку. — Но волонтером у вас будет Мэдди. Она работает в известном женском журнале.

Глаза у Динны загорелись.

— О, знаменитостей мы любим.

Она увела Мэдди. Хью тут же набросился на меня.

— Какого черта? Мне нужна газель, а ты приводишь корову!

— Дурак. Что ты несешь?

Он глянул им вслед и пожал плечами.

— Называю вещи своими именами. Она — корова.

Я тоже взглянула на Мэдди. В новом платье та казалась на самом деле стройной. Просто Хью нравились костлявые модели... да и то при условии, что грудь у них большая.

— Вот из-за таких, как ты, у женщин и возникают проблемы с самооценкой. Страшные. Проблемы, я имею в виду... не женщины.

— Ну, может, не так уж она и плоха, — сказал он. — Оральный секс ей должен удаваться.

Я закатила глаза.

— Польстил, называется. С чего ты взял?

— Толстухам только это и остается. Как еще им удержать мужчину?

Я ущипнула его за руку. От души.

— Черт... больно!

— Ты — ничтожество, — сказала я. — А Мэдди — красавица.

— Ну, в общем-то, она ничего. — Он принялся растирать руку. — Но сегодня вечером «ничего» мне маловато... с этим-то камнем на шее.

Он показал в сторону волонтеров. И я сразу поняла, кого он имеет в виду. Что было нетрудно, поскольку Тауни возвышалась над остальными на целый фут.

— Боже милостивый, — сказала я. — Откуда она тут взялась?

Хью с убитым видом развел руками.

— Ты в баре ляпнула, она услышала.

— Не думала, что она поймет, о чем я говорю, — сказала я виновато.

Хью отмахнулся.

— Теперь уж поздно. Иди, Брут, садись куда-нибудь, кошмар вот-вот начнется. Вечер ты испортила. Не знаю, за что ты так сильно не любишь деток.

Я подошла к Сету. За его столиком уже успели появиться вампиры.

— Вы за свиданием пришли, ребята, или за жертвой? — спросила я.

— Ничего нам не надо, — сказал Питер. — Кроме шоу Тауни.

Я вздохнула.

— Вообще-то здесь благотворительная акция. Почему ее воспринимают как шоу? Вот и Хью заявил, что я все испортила, приведя Мэдди.

Сет удивился.

— Почему? Выглядит она чудесно.

Питер и Коди вытянули шеи, посмотрели на Мэдди и согласились с Сетом.

— С ней все нормально, — сказал Коди. — А вот Тауни... это будет что-то. Как она одевается! Глаза бы не смотрели. Надеюсь, и сегодня не подкачает.

— Может, Тайный Санта подарит ей что-нибудь приличное. — Питер посмотрел на меня. — Ты-то подарок уже купила?

— А?

Точно. Картер. Я про него и забыла. В список моих неотложных дел отнюдь не входила покупка подарка для циничного ангела.

— Ну... есть кое-какие идеи. Я еще думаю.

— А елку? Купила?

— Э... тоже нет.

— Тебе нужна елка? — спросил Сет. — Помочь выбрать?

— Нет, я...

Тут начался аукцион, и я не договорила.

Аукционист по имени Ник был молод, не старше тридцати, и основной его работой наверняка было заключение мелких контрактов с моделями, что вряд ли помогло бы ему выбраться когда-нибудь из Сиэтла. Он безостановочно улыбался, кокетничал с девушками, отпускал в адрес мужчин соленые шуточки — справлялся, в общем, со своим делом неплохо. Умело заводил публику, и торги шли бойко.

— Следующая, — сказал он наконец, заглянув в список, — Тауни Джонсон.

— Джонсон? — переспросил Коди. — Экая скука.

— Имя и фамилию она придумала сама, — сказала я.

Суккубы часто так поступали.

— И видно, после имени фантазии на фамилию уже не хватило.

— Это вы о ком? — спросил Сет.

— Ты ее еще не видел, — ответила я.

Тауни выплыла на сцену на каблуках дюймов в семь длиной, в туфлях, сделанных, по виду, из нержавеющей стали. Они походили на средневековые пыточные устройства, но гармонировали с нарядом — узенькими брючками и жакетом из серебристой парчи.

— Да, не разочаровала, — сказал, разглядывая ее, Коди.

На последней ступеньке она споткнулась, что было неудивительно, и Ник метнулся ее поддержать.

— Осторожней, — сверкнул он белыми зубами. — Падать здесь должны мужчины перед вами.

Пару секунд она осмысливала услышанное, потом пронзительно захихикала. Меня от этих звуков передернуло, но Ника как будто порадовало, что шутку его оценили.

— Расскажите нам немного о себе, Тауни, — сказал он. — Вы, говорят, сейчас безработная.

Пришли сюда, возможно, с целью что-то подыскать?

— Нет, Ник, я пришла с целью подыскать кого-то... надеюсь, вы понимаете, о чем я.

— О боже, — сказала я.

— Вообще-то довольно остроумно, — заметил Питер.

— Нисколько.

Но Ник оказался солидарен с Питером. Запрокинул голову и расхохотался.

— Берегитесь, парни... вам грозит опасность. Скажите, Тауни, что вы ищете в мужчине?

Она задумчиво выпятила сверкающие красной помадой губы.

— Сердце, Ник. Сердце и душу. Это самое важное.

Публика отозвалась дружным одобрительным ропотом.

Питер сказал:

— А вот насчет души и впрямь остроумно. Только для нас, конечно, но все-таки.

Тауни подмигнула зрителям.

— Правда, временами их вполне могут заменить выносливость и толстая чековая книжка.

Ник переждал смех в зале.

— Что ж, начинаем. С пятидесяти... о боже.

В этот миг Тауни скинула жакет и осталась в топе под зебру. Правда, на топ это походило мало. Скорей на резиновую полоску, натянутую на бюст, чтобы прикрыть соски.

Предложения посыпались градом. Еще удивительней, что в торги неожиданно вступил сам Ник.

— Люди, я знаю, что обычно так не делается... но не могу удержаться. Триста долларов.

— Триста пятьдесят!

— Четыреста!

И выиграл-таки Ник, предложив ошеломляющую сумму в пятьсот пятьдесят.

— Будь я проклят, — выдал Питер.

Я не смогла даже подразнить его этим высказыванием, так была потрясена сама. С трудом обретя голос, сказала только:

— Ну... на самом деле это же хорошо, правда? Он, похоже, готов лечь с ней прямо на сцене.

— И все, — добавил Коди, — ради детей.

Постепенно изумление мое сменилось облегчением. Вечер принес неожиданную радость. Тауни нашла жертву. Всего-то и надо было, оказывается, что разрекламировать ее. С парнем она переспит, Нифон уберется... одной заботой станет меньше. Вот и славно, потому что у меня и других хватает. Мэдди, например.

Она была следующей. И вышла на сцену с таким мрачным видом, словно готовилась к бою. Испуганным и пугающим одновременно. Несмотря на это, среди зрителей я заметила несколько заинтересованных лиц.

— Улыбайся, улыбайся, — пробормотала я себе под нос.

— Мэдди Сато, — весело представил ее Ник. — Вы пишете статьи для журналов. Возможно, я что-то читал?

— Вряд ли, — ответила она с тем же выражением лица. — Если вас, конечно, не интересуют феминистские издания.

— Феминистские, — повторил он, явно этим позабавленный. — Вы ненавидите мужчин?

Она взглянула на него холодно.

— Только дураков, которые не понимают значения слова «феминистские».

Он засмеялся.

— И всегда на них нападаете?

— Всегда.

— Правда?

— Даже и сейчас, Ник.

— О нет, — сказал Питер.

Я застонала.

Нику понадобилось целых десять секунд, чтобы понять, что его оскорбили. И в первый раз за вечер он перестал улыбаться. Повернулся к залу.

— Ладно, начнем с пятидесяти.

Ответом было молчание. Заинтересованные лица перестали быть таковыми. Я проглотила очередную стон. Нет, только не это... я же обещала ей свидание. Мэдди не переживет...

Прошла вечность, и наконец в глубине зала послышался голос:

— Пятьдесят.

Облегченно вздохнув, я обернулась. Парень, вступивший в торги, на эти деньги и выглядел. И точь-в-точь походил на педофила, которого я видела однажды в криминальных новостях.

— Пятьдесят, — сказал Ник. — Кто больше?

И вновь молчание. Я повернулась к Сету.

— Сделай что-нибудь!

Он вздрогнул.

— Что?

— Пятьдесят — раз...

Я пихнула Сета локтем. Он вскинул руку.

— Семьдесят пять.

Зал дружно охнул. Видимо, борьбы за воинственную мужененавистницу не ожидал никто, в том числе и сама Мэдди. Она удивленно распахнула глаза.

— Сто, — сказал «педофил».

То ли желая закончить это побыстрее, то ли проникнувшись к Мэдди жалостью, Сет предложил триста. Зал охнул снова. Второй участник, исчерпав, должно быть, свои ресурсы, промолчал.

— Продано джентльмену в тенниске с надписью *«Добро пожаловать обратно, Коттер»*.

— Класс, — сказал Коди, когда Мэдди двинулась прочь со сцены.

Я сжала руку Сета.

— Спасибо.

Он чуть заметно улыбнулся.

— Все ради детей.

Ник заглянул в свой список.

— А сейчас мы увидим... Джорджину Кинкейд. Я дернулась. С другой стороны зала мне ухмыльнулся Хью.

— Он все-таки сделал это, — процедила я сквозь зубы.

Ник озадаченно посмотрел в сторону волонтеров.

— Джорджина Кинкейд?..

— Деваться некуда, — сказал Питер. — Давай, выходи. Иначе решат, что ты детей не любишь.

— Шутка с бородой, — прошипела я.

И неохотно встала, поклявшись про себя отлупить Хью после аукциона. Ник, увидев меня, снова нацепил улыбку.

— А, вот она. Опаздывает, как велит мода.

Слово «мода» напомнило о моем наряде. Красивое платье, как у Мэдди, сейчас не помешало бы. Уж если делать что-то, так делать по всем правилам, пусть даже тебя и втягивают в это против воли. Впрочем, я все равно выглядела неплохо — иного мне не позволило бы эстетическое чувство. Черная юбка, фиолетовый кашемировый свитер, волосы собраны в хвост. Очень медленно — чтобы никто не заметил — я увеличила вырез и сделала свитер более обтягивающим. Добавила томности движениям и распустила волосы. Что помогло Мэдди и бесчисленным киношным дурнушкам, должно помочь и мне. Потому что передо мной вдруг встал нешуточный вызов.

Никоим образом я не могла уйти за сумму меньшую, чем Тауни.

— Джорджина. — Ник помог мне подняться на сцену. — Я слышал, вы предпочитаете обращение «Джорджи».

Да, Хью точно заслужил трепку.

— И работаете в книжном магазине.

Будь у меня в тот миг ореол суккуба, мне вообще ничего не пришлось бы делать. Только стоять. Даже не улыбаясь. Но его не было, и следовало немного потрудиться. Я наскоро оценила публику. Мероприятия такого рода посещали в основном «белые воротнички», профессионалы с чистым доходом. Для некоторых это был стильный способ благотворительности, занятия модного и полезного для имиджа. Для других, интеллектуалов и интровертов, — удобный случай познакомиться с женщиной. Таким мужчинам требовались неглупые, образованные женщины... ну и хорошенькие, конечно. И остроумные — остроумие всегда в цене.

Я ослепительно улыбнулась — сперва Нику, потом всему залу.

— Это так. Я организую мероприятия, приносящие деньги, слежу за тем, чтобы все достойно

выглядело, и обучаю людей.

— Похоже на весьма насыщенный трудовой день.

— Или, — сказала я, — на замечательное первое свидание.

Зал не взорвался аплодисментами, тем не менее последняя фраза вызвала смех, на что я и рассчитывала.

— Ваши требования довольно высоки, — сказал Ник.

— Так и должно быть, по-моему. Зачем довольствоваться малым? Если мужчина отвечает моим требованиям, я отвечу его. Да и сводится все на самом деле к наличию чувства юмора... к разговору, от которого не клонит в сон.

Столь же неопределенно, подумала я, могла бы выражаться претендентка на звание «мисс Америка». Впрочем, большой разницы между нами не было. Зато по оживлению в зале стало ясно, что я произвела хорошее впечатление.

— Это самое ценное, — сказал Ник. — Начнем с пятидесяти для Джорджины.

Пятьдесят свои я получила. И началось — предложения посыпались со всех сторон. В какой-то миг я посмотрела на Сета. Мы встретились глазами, и я поняла, что он тоже готов вступить в торги. Но покачала головой. В этом зале только он и был мне нужен, но не хотелось портить праздник Мэдди. Пусть чувствует себя единственной. Да и Сету ни к чему выбрасывать столько денег. Ушла я за семьсот долларов.

— Поверить не могу, — шепнула мне Мэдди. — Ты больше всех им выручила. Да и парень попался симпатичный.

Он и впрямь был симпатичный. Под сорок. Костюм от Армани. Безобидный с виду. Желания завязать длительные отношения не вызывал, но для разового свидания вполне годился. И для дозы, возможно, если бы я решилась переспать с ним в этом обличье.

— Ты им тоже немало заработала, — поддразнила я.

Она нашла взглядом Сета, посмотрела на него задумчиво.

— Он меня, наверное, пожалел.

— Что ты... нет, конечно, — сказала я быстро.

Но ее, кажется, не убедила.

— Ну и ладно. Уж лучше я выпью кофе и поболтаю о книгах с ним, чем с каким-то незнакомцем. Знаешь, тот, второй, напомнил мне сексуального маньяка, которого я как-то видела по телевизору...

Когда аукцион закончился, мы с моим покупателем обменялись телефонами. Хью не отлипал от Динны и вообще старался держаться от меня подальше. Я решила, что разберусь с ним позже. И посмотрела с родительской гордостью на Тауни, которая не отходила от Ника. Ночь обещала быть чудесной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Суккуб...

Кого я вовсе не ожидала услышать, подойдя к телефону на следующий день, так это Данте. Совсем забыла, что оставила ему свой номер. И сперва удивилась, а потом обрадовалась. Неужели он что-то разузнал? В ночь после аукциона энергии я не теряла, но и жертвы у меня не было. Связь между этими двумя событиями подметил Данте. Мелочь, конечно, но от нее все же можно оттолкнуться, и я надеялась, что сейчас он расскажет больше.

— Привет! Что случилось?

Я села на диван, отложив косметичку. Вечером мы с Сетом собирались куда-нибудь выйти, и прихорашивалась я самым обычным способом, не желая тратить энергию на превращение. На аукционном свидании мне предстояло разжиться, скорее всего, только деньгами, а не силой.

Данте немного помолчал. Потом сказал:

— Я тут подумал... что выбрал, пожалуй, неправильный подход.

Неожиданное заявление.

— Правда?

— Да. Не принял тебя всерьез и понимаю теперь, почему ты взбесилась.

Слышать это признание — что он и вправду от меня отмахнулся — было не слишком приятно. Но хоть признался, и на том спасибо...

— Ладно, ничего страшного. Зато теперь мы, возможно, что-то и пойдем. Меня это беспокоит.

— Меня тоже. — Он еще помолчал, потом вздохнул. — Слушай, ты была когда-нибудь в «Эль Гаучо»?

Несколько секунд я пыталась сообразить, при чем тут ресторан. Потом растерянно спросила:

— Где?

— Это такой ресторан. На Первой...

— Да знаю я, где это. Какое отношение он имеет к снам?

— К снам? Ты о чем?

— А ты о чем?.. О Господи Иисусе. Ты меня приглашаешь?

— Ну да. Какое отношение к снам может иметь этот долбаный «Эль Гаучо»?

Я застонала.

— Ушам своим не верю. Я думала, ты хочешь что-то важное сказать...

— Я пытаюсь вести себя как приличный человек! Сны твои — глухой номер, а вот наши отношения... Ты была права, когда сказала, что я ничтожество и обращаюсь с тобой как с дешевкой. Так дай мне шанс! Я постараюсь уложить тебя в постель по всем правилам.

Это поразило меня еще больше, чем предложение сходить с ним в пивную.

— Не буду я с тобой спать, понятно? От тебя мне нужна только помощь. И сколько можно повторять, что у меня есть друг?

— Сколько хочешь. Не верю, что это что-то серьезное. Тем более после аукциона, где ты продавалась за семьсот долларов.

— Откуда ты знаешь?

— Из газет.

— Это свидание не считается.

— Давай и со мной свидание считаться не будет.

— Нет! В последний раз говорю — у меня есть друг. И сегодня вечером я встречаюсь с ним.

— В «Эль Гаучо»?

Я отключилась.

Несколько позже, укладывая щипцами волосы, я услышала стук в дверь. И уловила излучения бессмертных. Никакого мускуса, к счастью. Знакомые и желанные. Правда, этим вечером желанные не слишком.

— Что вы тут делаете, ребята? — спросила я, открывая дверь и впуская Питера, Коди и Хью.

Мое бессменное сопровождение. Гномы при Белоснежке.

— Почему вас вечно приносит, когда я собираюсь выйти?

Приглашения они, как всегда, дожидаться не стали и расселись в гостиной. Коди передал мне уведомление о посылке, которое нашел в двери, и я мысленно велела себе не забыть зайти в домовую контору, когда та будет открыта.

— Мы идем в богомерзкое местечко, где смешивают «Маргариту», — сообщил он. — Решили спросить, не хочешь ли ты присоединиться.

— А ты неблагодарная и злая, — сказал Питер, окидывая взглядом гостиную. — Не вижу елки.

Хью уставился на мой красный шелковый халатик.

— Ты думаешь в этом выйти?

— Нет, конечно. Просто я еще не собралась.

У всех троих изменилось вдруг выражение лица.

— По делу или с Сетом встречаешься? — спросил Хью.

— С Сетом.

— Гадство, — ругнулся Питер.

Вытащил из кармана какую-то купюру и вручил Хью.

— Вы что, ребята, спорите на мою личную жизнь?

— Да, — сказал Хью. — С самого начала. А уж какие у нас ставки на то, когда вы с Сетом соберетесь наконец переспать...

— Спорьте, спорьте. — Я скрестила руки на груди и прислонилась к стене возле телевизора. — Этого никогда не будет. Хотя Нифон и прилагает все усилия... Он тоже участвует в пари?

— Нет еще. А что за усилия? — спросил Коди.

Я рассказала о предложении Нифона купить душу Сета. К моему удивлению, это не потрясло их и не разгневало.

— Вообще-то, — медленно начал Хью, — я тоже об этом подумывал...

Я задохнулась от возмущения.

— Подумывал? Купить его душу?

— Ну да. Работа у меня такая... да и тебе это помогло бы.

— О господи.

— Если все-таки решишься, — быстро сказал Хью, — обращай только ко мне. Я побью любые предложения Нифона.

— Заключив сделку, ты выбываешь из пари, — предупредил его Питер.

— Что? — возопил Хью. — Так нечестно!

— Еще как честно. У тебя будет преимущество...

— Боже. Уймись. Поверить не могу, что вы всерьез говорите о покупке души моего...

Тут мы почуяли еще одно излучение. Теплое, медовое. Благоухающее засахаренными яблоками.

— Тауни, — сказали мы хором.

Я открыла дверь, и Тауни, рыдая, бросилась мне на шею. Чуть не опрокинула на пол.

— Джорджина, — простонала она, — у меня ничего не получится, никогда. Никогда...

По щекам ее черными ручьями текла тушь. Я попыталась высвободиться из богатырских объятий.

— Тихо, тихо, — пробормотала я. — Все получится, обязательно.

Отпустив меня, она шмыгнула носом и вытерла глаза, размазав тушь еще сильнее.

— Нет. Я так старалась, так старалась... но ничего не выходит.

Я оглянулась на друзей. Они таращились на меня, словно ожидая, что я немедленно объясню, отчего суккубу не удастся переспать с женщиной. Чему вряд ли могло найтись какое-то объяснение.

— Ладно, — сказала я наконец. — Успокойся, и попробуем разобраться. Только приведи себя в порядок сначала. Смотреть страшно.

— Не могу, — прорыдала она.

— Ты рассуждаешь как человек, — попрекнула я. — Преврати этот кошмар на лице в нормальный макияж.

— Не могу, — сказала она тверже. — Понимаешь? Не могу.

Я удивленно посмотрела на нее, и тут до меня дошло. Едва заметное свечение вокруг ее тела то ослабевало, то усиливалось. Она с трудом удерживалась в своем теперешнем обличье, так мало было у нее энергии. На превращения уже не хватало.

— Ого, — сказала я.

В таком скверном состоянии я видела суккуба впервые. Сама однажды осталась без энергии, но этому предшествовал бой с превращениями.

Из глаз Тауни снова хлынули слезы.

— Что теперь будет? Энергия кончится и... — Она захлебнулась рыданиями.

Я вздохнула. В жизни каждой девушки случаются моменты, когда нужно выбрать меньшее из зол. У суккубов они бывают довольно часто. В данную секунду выбор у меня был невелик. Или оставить все как есть, рискуя тем, что Нифон никогда не уедет из города. Или поцеловать Тауни.

Меньшее из зол.

Привстав на цыпочки, я прильнула губами к ее рту, заглушая рыдания. Ощутила вкус жевательной резинки... а может, губной помады. Поцелуй был не слишком долг — так, едва успели соприкоснуться языками, — но этого хватило. В нее хлынула волна моей энергии. Потом, прервав поцелуй, я отступила и окинула ее взглядом. Обличье Тауни стабилизировалось. А я стала еще слабее. Но все же до того плачевного состояния, в котором явилась она, мне было далеко.

Голубые глаза Тауни буквально на лоб полезли.

— Что... что это было?

— Поцелуй, — сухо сказала я. — Чему тебе тоже, видимо, предстоит научиться.

С ее лица все не сходило ошеломленное выражение, и я покачала головой.

— Мы — сосуды для жизненной энергии, Тауни. Обычно принимаем ее, но иногда и отдаем. Суккубы и инкубы могут делиться силой друг с другом. Той, что я дала тебе сейчас, на какое-то время хватит.

— Не знаю, — сказал вдруг Коди. — Может, дашь ей еще немножко, для верности?

Тауни потрогала губы, как будто чувствуя до сих пор мой поцелуй.

— Вот это да.

Потеки туши с ее лица исчезли. Оно вновь обрело сверхъестественное совершенство.

Я присела рядом с Питером на подлокотник кресла.

— Вот и славно. Теперь давай разбираться. Что случилось с Ником? Вы же вчера чуть ли не в обнимку ходили.

— Ну... — Она уставилась себе под ноги. — Потом разошлись.

— Как разошлись? Да у него от тебя слюнки текли!

— Ему нужно было задержаться, что-то там закончить. И я ушла. Сегодня позвонила, а он сказал, что не хочет свидания. Дал, мол, деньги просто на благотворительность, и ничего такого ему не надо.

— Так и сказал? — недоверчиво спросила я. — А что ты ему до этого говорила?

— Когда — до этого?

— Когда позвонила. Сразу предложила встретиться?

— Нет... сперва мы поболтали. Немножко, правда. К концу он, похоже, заскучал.

Да уж. На занимательного собеседника Тауни никак не тянула. Что она могла ему наговорить, чтобы отпугнуть, оставалось только гадать.

— Понятно, — сказала я с горечью.

Ник казался беспроектным вариантом.

— Видно, разговаривать тебе с ними вовсе не стоит. А что насчет работы в стриптиз-клубе? Узнавала?

Вид у нее сделался такой, будто она снова собралась плакать.

— Узнавала! Сказали, не годись.

Тут уже и парни не выдержали.

— Не годишься в стриптизерши? Как это? — изумился Коди.

— Ты что, раздеваться не умеешь? — спросил Хью.

— Танцевать, сказали, не умею.

Все вытаращили на нее глаза.

— Э-э-э... — Кажется, мне все-таки следовало прочесть наставническое руководство. — Ну-ка, давай посмотрим.

— Что посмотрим?

— Как ты танцуешь.

Тауни заозиралась в страхе.

— Здесь? Перед всеми?

— Если ты перед друзьями не можешь раздеться, — сказал Питер, — то перед кем?..

Я пихнула его локтем.

— Не могу... — залепетала она.

— Тауни! — гаркнула я, не хуже, чем сержант на новобранца.

Она подпрыгнула.

— Я не собираюсь возиться с тобой до конца времен. Хочешь, чтобы все получилось, — работай!

Раздевайся.

— Ах, — сказал Хью. — Десять лет мечтал услышать, как ты говоришь это другой женщине.

Я нашла пульт от музыкального центра, включила. Зазвучала песня «Tainted Love».

— Я не могу исполнять стриптиз под музыку восьмидесятых!

— Тауни!

Испуганно косясь на меня, она прошла в центр гостиной. Для начала просто постояла там. После чего попыталась потоптаться под музыку. Именно попыталась — в такт она не попадала настолько, что это вызывало изумление. Мне такое не удалось бы, даже если бы я очень постаралась. Потом ногами шевелить она вовсе перестала и принялась легонько покачивать руками и торсом. Более нелепого зрелища я в жизни не видела.

Наконец, решив, что «потанцевала» достаточно, она приступила к раздеванию. Выполнить несколько задач сразу было ей, похоже, не под силу, поэтому двигаться под музыку она больше не пыталась. Замерла неподвижно и начала расстегивать блузку. На третьей пуговице у Тауни заплелись пальцы, и билась она с ней полминуты.

— Стоп, довольно, — сказала я, выключая музыку. — Твоя задача, конечно, — отбирать у людей годы жизни, но не таким же образом.

— Что, плохо? — спросила она.

— Нет, — сказала я. — Ужасно.

Она обиженно выпятила губу.

— Да ладно, — встрял Коди, самый добросердечный из нашей компании. — Я бы сказал, средне.

— Эй, я ей учительница, а не подруга.

— Сурова школа Джорджины, — мрачно изрек Питер.

— Я не умею, — сказала Тауни, глядя на меня с укором. — Покажи, как надо, раз уж ты учительница.

На меня уставились в ожидании четыре пары глаз. Я начала было протестовать, но вспомнила, что чем скорее Тауни всему научится, тем скорее уберется Нифон. Поэтому встала и заняла ее место в центре комнаты.

— Что ж, запомни для начала две вещи. Во-первых, слушай музыку. В ней есть ритм. Поймай его. Двигай ногами и телом — всем телом — под него.

Судя по озадаченному взгляду Тауни, слова мои были для нее китайской грамотой.

— Во-вторых, когда начинаешь раздеваться, помни, что ты не спать собираешься. Ты раздеваешься для кого-то. Делай это эффектно. Артистично.

Я взяла пульт и переключила диск на другую дорожку. Зазвучала песня «Iron Man».

— Ой, — сказала Тауни, — «тяжелый металл»?

— Под Оззи стриптиз даже тебе не исполнить, — усмехнулся Хью.

Я бросила на него косой взгляд.

— Исполню под что угодно, детка.

И начала танцевать.

Что-что, а это не требовало от меня никаких усилий. Танцевать я умела и любила, еще когда была смертной. Музыки не осталось. Не осталось и меня. Мы стали одним целым. Тело мое само откликалось на мелодию и ритм, и каждое движение было чувственным и грациозным. Отдавшись танцу, я уже почти не замечала зрителей.

Сняла с себя я только халат. Осталась в брючках и лифчике, которые были под ним. Друзья хоть и близкие люди, но все же не настолько... Впрочем, и это я сделала лишь под конец. Сперва руки мои долго скользили по шелковой ткани, облегавшей тело. Потом я томительно медленно развязывала пояс. И, когда халат упал на пол, так же медленно сняла туфли.

В такт музыке сказала:

— Когда освоишь это, Тауни, перейдем к танцам на коленях.

После чего приблизилась к Хью, сидевшему в кресле на двоих, и почти оседлала его, едва касаясь в то же время. Искусство стриптиза... Продолжая извиваться под музыку, откинула голову и провела рукой по волосам.

— Эй, щедрая душа, — сказала я.

Черт оценил мои старания, хотя они его скорее развлекли, чем завели. Полез в карман и вытащил доллар.

— Хью, — протянула я. — Не оскорбляй меня. Тогда он выудил со вздохом пятидолларовую купюру и подсунул ее под бретельку лифчика.

— Привет! — неожиданно сказал Коди.

Повернув голову, я увидела на пороге Сета.

И вспомнила, что, впустив Тауни, забыла запереть дверь.

Вид у Сета был притворно ошеломленный.

— Привет, — сказал он, глядя на меня. — Ага... за обед сегодня платишь ты?

Я слезла с колен Хью, вытянула из-под бретельки пять долларов.

— Только если мы идем в забегаловку.

Коди вручил мне еще двадцать.

— Идите в ресторан.

Друзья мои поднялись и двинулись к двери. Напоследок пришлось пообещать расстроенной Тауни, что я подумаю, как ей помочь. Потом, оставив попытки собраться обычным образом, я превратила свой наряд в джинсы и кашемировый свитер. Довершили его серое шерстяное пальто длиной в три четверти и ботинки.

Сет покачал головой, изображая уныние. Я усмехнулась. По сравнению со всем остальным, чем я занималась — он знал, чем именно, — этот импровизированный стриптиз был детской забавой.

— И ты еще думал, что я не заработаю себе на пропитание?

— Без комментариев, — сказал он, беря меня за руку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Ничего не понимаю, — насмешливо заявил Сет. — Я застаю тебя раздетой в обществе посторонних мужчин. И меня же наказывают.

Я за руку вела его по катку. Сама каталась на коньках, как и танцевала, без всяких усилий. Сет же на них и стоять не мог, и, не поддерживай я его, давно упал бы.

— Тебе это полезно, Мортенсен. Ты целыми днями сидишь за письменным столом. Не за письменным, так за каким-нибудь другим. А сейчас все твои мышцы работают. Старческую кровь разгоняют.

Улыбка Сета превратилась в гримасу, рука стиснула мою мертвой хваткой.

— Я мог бы разогнать ее сотней других способов.

— Но этот самый забавный, — сказала я.

Сет умица и талант, только вот с координацией дела у него обстояли неважно. В самом начале нашего знакомства я пыталась научить его танцевать. Это был кошмар. Основные па после долгих мучений он заучил, но никакого удовольствия, как я подозревала, сам процесс доставлять ему так и не начал. Тогда я попытка прекратила и выводила его на танцы лишь однажды. С тех пор он стал слишком уж собой доволен, и мне казалось, что новый опыт ему не помешает.

— Мужчины созданы не для того, чтобы носить на ногах лезвия, — заявил он, пока мы ковыляли в центр катка.

Каток располагался под открытым небом, в маленьком парке. Было холодно, и дыхание вздымалось в воздух белыми облачками.

— Женщины созданы не для того, чтобы ходить на шпильках, — ответила я. — Ты хоть раз слышал от меня жалобы?

— Это совсем другое. Твои ножки на них — просто загляденье. А мои на коньках? Выгляжу как дурак.

— Так учись давай. Пора убрать подпорки, — сказала я и выпустила его руку.

— Эй! Куда?..

Сет попытался схватиться за меня снова, но я уклонилась со смехом и покатила прочь. Он застыл на месте, а я принялась выписывать на льду изящные круги и восьмерки. Потом завершила их грациозным пируэтом и подъехала к нему. Он так и стоял, боясь шелохнуться, но на меня, кажется, не злился.

— Видела бы ты себя, — сказал он, коснувшись моего лица. — Щеки розовые. В волосах снежинки. Настоящая Снежная Королева.

— Боже, только не это. Жутковатая история. У Ганса Христиана Андерсена были проблемы.

— Они у всех писателей есть, — заверил меня Сет.

Я засмеялась, взяла его за руку, и мы медленно поковыляли дальше. Ноги просили скорости, но в остальном я чувствовала себя совершенно счастливой оттого, что Сет со мной.

— Кстати, о писателях с проблемами, — сказала я. — Мне, значит, нельзя раздеваться перед посторонними мужчинами, а тебе можно встречаться с посторонней женщиной?

Судя по его лицу, Сет дал бы мне пинка, если бы не боялся упасть.

— Сама виновата. Заставила меня, вот и не ревнуй теперь.

— Я и не ревную... просто опасаюсь, как бы Мэдди тобой не увлеклась.

— Ну, это вряд ли. Разве что как писателем. — Он насмешливо глянул на меня. — А вот тобой она точно увлеклась.

— Ой, хватит уже этих лесбийских фантазий.

— Да я о другом. Ты для нее — кумир, только и всего. А теперь еще занялась ее внешностью, и она, кажется, начинает понимать, что способна на большее. Ты — образец для подражания.

Мне это и в голову не приходило.

— Правда?

— Да. — Сет усмехнулся. — Еще немного пошлифуешь ее, и мы получим вторую Джорджину. Мэдди, суккуб-новичок, мои племянницы... тебе пора открывать пансион для благородных девиц. Ты хорошо влияешь на людей. И почему у тебя занятие такое...

— Низменное? — подсказала я.

— Вроде того. Хотя, думается мне, могло быть и хуже.

Я покосилась на него.

— Хуже?

— Да. Вдруг ты торговала бы, например, продукцией «Амвей». Или скачивала мошенническим путем деньги с моего счета.

— Это решительно невозможно, — сказала я сурово.

Он отважно перевел взгляд со своих непослушных ног на меня. На губах появилась нежная улыбка, глаза засветились любовью, и коленки у меня подогнулись. Может, этого он и хотел — чтобы я тоже начала спотыкаться. Почти добился...

— Для тебя? — Он остановился. — А может, и стоило бы.

— Вычистить твой счет?

— Да.

— Принять участие в пирамиде?

— Говорят, их больше не организуют.

— А если врут?

— Фетида, — вздохнул он, — я скажу сейчас то, чего никогда еще не говорил.

— И что же это?

— Помолчи.

Тут он наклонился и горячим поцелуем согрел мои холодные губы. Какие-то дети поблизости захихикали, но мне было все равно. Поцелуй прожег меня, казалось, до пят. Длился он недолго, как обычно, но, когда Сет отстранился, я вся пылала. Каждый нерв во мне сладостно трепетал, и холод стал нипочем. Сет поднес к губам мою руку. Не снимая перчатки, поцеловал в то место, где было подаренное им кольцо.

— И почему ты такой хороший? — тихо спросила я.

Сердце у меня колотилось; звезды, проглядывавшие сквозь облака, светили, казалось, лишь мне одной во всем мире.

— Какой же я хороший? Я только что велел тебе помолчать. Один шаг до требования делать бутерброды на завтрак и стирать носки.

— Ты знаешь, о чем я.

Сет поцеловал меня снова — в лоб на этот раз.

— Я хороший, потому что с тобой легко быть хорошим.

И мы опять взялись за руки и покатали дальше. Я хотела было положить голову ему на плечо, но вовремя сообразила, чем это может кончиться при его устойчивости.

— Что ты хочешь на Рождество? — спросила я.

— Не знаю. Мне ничего не нужно.

— О нет, — сказала я шутливо, — ты же не из таких. Не говори только, что терпеть не можешь...

И тут он поскользнулся. Одна нога поехала куда-то вбок. Я устояла, а он упал — на подвернувшуюся вторую ногу.

— О господи. — Я опустилась рядом на колени. — Ты цел?

— Как будто да, — ответил он.

Но стиснул зубы, и я поняла, что ушибся он сильнее, чем хочет показать. Помогла ему подняться. Ноги у него снова начали разъезжаться, но в конце концов он все же сумел встать ровно.

— Хватит, — сказала я, направляя его к воротам. — Уходим.

— Мы же только пришли.

— О, ты стал вдруг фанатом, Скотт Гамильтон?

— Сама такая. Подумаешь, упал... ничего страшного.

Может, ничего страшного и вправду не было, но при мысли о том, что он мог сломать ногу, в груди у меня похолодело.

— Все равно пошли. Я проголодалась.

В мой внезапный голод он не поверил, но спорить не стал. Когда мы сменили коньки на обычную обувь и я увидела, что он не хромотает, на душе полегчало. Не хватало еще, чтобы он и впрямь серьезно ушибся — по моей вине...

— Я не стеклянный, — сказал он в машине. — Нечего со мной так носиться.

— Инстинкт, — сказала я небрежно.

На самом деле я вспомнила о грустном разговоре, который вели они тогда с Эриком. Оба были смертными. Оба могли покалечиться. И умереть.

На протяжении веков я теряла тех, кого любила. Всякий раз, сближаясь с кем-то, усердно делала вид, что с ними этого случиться не может. И, когда все-таки случалось, я снова и снова сталкивалась с жестокой реальностью, от которой так старалась убежать.

Весь вечер и почти всю ночь я не могла перестать об этом думать. Глупо, конечно, было придавать столько значения какому-то падению, но слишком много несчастий в моей жизни начиналось с таких же мелочей. Об одном из них я и вспоминала, уже лежа с Сетом в постели.

Тогда, несколько веков назад, я жила в маленьком городке на юге Англии. Меня звали Сесили, у меня были огненно-рыжие волосы и огромные, сапфирового цвета глаза.

У современных людей довольно забавные представления о тех временах. Они думают, что все тогда были благочестивы и богобоязненны и подчинялись закону Божьему. Да, были благочестивы, конечно, и подчинялись, но и плотским желаниям оставалось место — даже у священников. Нет, не так. Особенно у священников. Церковные служители высокого ранга жили очень хорошо, в то время как простолюдины отчаянно боролись за существование. По иронии судьбы, их отчаяние и способствовало благосостоянию церкви, ибо деньги ей давали бедняки, надеясь, что в ином мире их будет ждать лучшая участь. Власть и богатство развращают, как известно, и епископ города, в котором я жила, был из самых развращенных.

А я была его любовницей.

Считалась в доме епископа служанкой, но обслуживала его в основном в постели. Он с ума по мне сходил, дарил красивую одежду, всякие безделушки, и о наших отношениях знали все. Хотя и понимали, что это грех, но смиряться. Ведь любовниц содержали и другие епископы — и даже папы, — и никто, как я уже сказала, не был так благочестив, как нравится думать современным романтикам.

Однако жизнь во грехе с престарелым епископом меня не удовлетворяла. Я была уже в полной силе в те дни, сбить его с пути истинного никакого труда мне не составило. Не сделай этого я, нашлась бы другая женщина. Поэтому я спала с ним, получая регулярные дозы, да еще и на стороне развлекалась.

Упомянутое развлечение в один прекрасный день приняло облик двух монахов, которые, обнаружив, что я переспала с обоими, кинулись друг на друга с ножами. Не знаю, чего они этим думали добиться. Вряд ли я увидела бы их еще когда-нибудь, поскольку монастырь находился довольно далеко от города. К тому же оба как любовники были настолько заурядны, что второй раз иметь с ними дело не хотелось.

Тем не менее бились они свирепо и пролили много крови, пока их не разнял местный священник.

Я, спрятавшись в толпе, наблюдала за дракой с самым невинным видом. Что дерутся из-за меня, не знал никто, кроме этого священника.

Его звали Эндрю, и мне он очень нравился. У епископов помимо служения мессы и отправления прочих церковных таинств имелись еще и административные обязанности. Поэтому за нашего большую часть треб ежедневно совершал Эндрю. К нам в дом он приходил часто и в свободные минуты охотно беседовал со мной — как друг и как пастырь.

— Вы меня ненавидите? — спросила я его после драки.

Мы сидели в саду возле дома, в стороне от тропинки, по которой ходили слуги, и разговора нашего никто не слышал. Епископу Эндрю о моей причастности к драке ничего не сказал, посетовал только, какой это стыд, что братья дошли до подобной крайности.

Он закрыл глаза, запрокинул голову, подставив лицо солнцу. На груди его сверкал тяжелый золотой крест — подарок моего епископа, который Эндрю подумывал продать.

— Ну разумеется нет.

Любуясь его молодым, красивым лицом, я подумала, что истинный стыд — это его обет целомудрия. Шелковистые темные волосы Эндрю ерошил ветер, и так сладко было представлять, что это я провожу по ним рукой.

— Но осуждаете.

— Я осуждаю грех, а не тебя. — Он открыл глаза, выпрямился. — За тебя я молюсь.

Я смущенно заерзала. Мысль о том, что за меня молятся, мне не нравилась.

— Что вы имеете в виду?

Он улыбнулся, и у меня зашло сердце от его красоты. Я так хотела его завоевать, но он успешно сопротивлялся. И потому, конечно, притягивал еще сильнее. Мне казалось порой, что сила его

души, ощути я когда-нибудь ее, наплатила бы меня на всю оставшуюся жизнь.

— Я молюсь за твоё здоровье — телесное и духовное. Молюсь, чтобы ты не грешила больше. Чтобы нашла подходящего мужчину, вышла замуж и родила детей. — Он немного помедлил. — Но больше всего мне хотелось бы, чтобы ты принесла обет.

Я удивленно подняла бровь.

— Почему?

— А почему бы и нет? Ты умеешь читать и писать. Образованней половины монастырской братии. И могла бы стать ценным приобретением для аббатства.

Неотрывно глядя ему в глаза, я слегка наклонила голову. На лицо мне упала прядь волос и запылала в солнечном свете.

— Это единственная причина? Или вам было бы приятно знать, что я никогда не буду с другим мужчиной?

Эндрю отвел взгляд. И долго молчал, прежде чем ответить.

— Мне было бы приятно знать, что ты — моя сестра во Христе, — сказал он. — Все мы боремся с искушением. И я бы радовался за тебя, удались ты от него.

Потом он встал, слегка потянулся.

— Мне пора. Уже поздно.

Я осталась сидеть. И, когда он двинулся прочь, спросила вслед:

— А вы... вы тоже боретесь с искушением?

Он остановился, посмотрел на меня через плечо. С едва заметной грустной улыбкой на губах ответил:

— Конечно. Ты — мое великое искушение, и знаешь это прекрасно. Я бы радовался еще и за себя, если б освободился.

— Вы уверены? — тихо спросила я.

Он покачал головой и, все так же улыбаясь, вышел из сада.

То был наш последний по-настоящему счастливый день...

Сон начал меня одолевать, и я вернулась к реальности. Не хотелось расставаться с воспоминаниями об Эндрю и временах, когда жизнь еще казалась светлой и прекрасной. Изменить конец той истории я была не в состоянии. Но, посмотрев сейчас на спящего Сета, поклялась, что она, во всяком случае, не повторится.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Когда на следующий день я вернулась домой, в двери торчала еще одна записка — уведомление о посылке. Прихватив ее, я вошла в квартиру и удивилась, обнаружив Винсента. Думала, бегает где-нибудь по ангельским делам.

— Как успехи? — спросила я, заглядывая в буфет в поисках еды.

У Сета я не позавтракала.

— Если, конечно, мне можно узнать об этом и не умереть.

Винсент сидел за столом и просматривал газеты.

— Ну... подробностей не могу поведать, но скажу, что дело... э-э-э... движется не так быстро, как хотелось бы. В холодильнике есть остатки лазаньи.

Я открыла дверцу. И правда...

— Ого. Наколдовал кто-то из ангелов?

— Да, если считать колдовством стряпню Ясмин.

Я приподняла крышку. Выглядела лазанья чудесно. Может быть, даже и колдовски. Положив кусочек в микроволновку, я включила таймер. Села напротив Винсента, посмотрела на ворох газет и вспомнила, что уже видела их разбросанными на днях.

— Какие новости?

Он поморщился.

— Кошмарные в основном.

Глядя на заголовки, не согласиться было трудно. Убийства. Взятничество. Воровство.

— А про недавнее убийство полицейского слышал? — спросила я. — Вот уж действительно кошмар.

Винсент оторвался от статьи о насилии в семье.

— Нет, а что там было?

— Коп стоял перед магазином. Услышал, по его словам, что внутри стреляют в напарника, забежал, выхватил пистолет и открыл огонь. Кончилось тем, что убил напарника сам.

Винсент нахмурился. Пробормотал:

— Хм. Нет, этого я не слышал. — И задумался, судя по выражению глаз, о чем-то таком, чего мне знать не полагалось.

Я прищурилась.

— Для тебя это что-то значит? Касается твоей божественной миссии?

Он улыбнулся.

— Перестань. Ты же знаешь, сказать я не могу. Звякнула микроволновка, я вынула лазанью.

Впившись в нее зубами, вспомнила его слова о стряпне Ясмин. И меня одолело любопытство. Как случилось частенько.

— Винс... — начала я, глядя не на него, а на лазанью. — Это, конечно, не мое дело...

Он засмеялся.

— Меня всегда забавляли подобные вступления. За которыми в любом случае следует вопрос.

Я вспыхнула и заткнулась.

— Нет-нет, — сказал он весело. — Давай свой вопрос. Что тебя интересует?

— Да ничего особенного на самом деле... мне, в общем-то, все равно... только я заметила, что вы с Ясмин вроде бы... не просто друзья.

Он сразу посерьезнел. Я смущенно покосилась на него.

— Извини, — сказала торопливо. — Забудь.

— Нет... — Он отложил газету и уставился на нее невидящим взглядом. — Так и есть. Мы с ней давно знакомы, и... понимаешь, она не может не нравиться.

— Понимаю.

Он немного помолчал. И, когда заговорил снова, в голосе его слышалась нежность.

— Впервые я встретил ее на ярмарке в Акроне... лет пятнадцать назад. Не знаю, что она там делала — про ангелов никогда этого не знаешь, — но в тот миг, когда я ее увидел, она отходила от кондитерского киоска, держа в руках сладкую вату — целую башню. Выше ее самой, честное слово. Это было особенно забавно, потому что я сразу понял, что она ангел.

У меня его рассказ вызвал улыбку. А заодно объяснил, почему Винсент — здесь, с ангельской командой. «Я сразу понял, что она ангел». У него был дар, как у Эрика и Данте, воспринимать мир бессмертных.

— И ты подошел и заговорил с ней?

— Не собирался сперва. Но ватная башня начала заваливаться, и я поспешил на помощь. Кончилось тем, что съел половину сам.

— Прелесть какая, — сказала я, ничуть не иронизируя.

То, что в последние несколько месяцев я трахалась с одним парнем прямо у него в кабинете, с другим использовала хлыст, а третьего ублажала орально в некоем злачном местечке, не значило ровным счетом ничего. Романтические истории нравились мне по-прежнему.

— Потом, узнав о моих способностях, она просила меня иногда о помощи. Исключительно в делах... и никто не думал, что это может перерасти в нечто большее. Но вышло так, что мы не смогли удержаться. И теперь не расстаемся.

Я проглотила еще кусочек лазаньи. Вкус был божественный. Без преувеличения.

— А другие ангелы знают?

— Догадываются, думаю. Джоэль меня, во всяком случае, на дух не выносит.

— Но вы же... вы не можете...

— Не можем, но это и неважно. Физическая сторона — вещь необязательная. На самом деле это парадокс. Ангелы — носители любви. Они созданы для того, чтобы любить всех. И не могут любить одного человека больше, чем других.

— Глупо, — убежденно сказала я.

— Для тебя — да, наверное. И для меня тоже. Но для нее... существование Ясмин посвящено служению силе куда более значимой, чем все мы, вместе взятые. И любовь к кому-то — или к чему-то — еще ее отвлекает. Никто не может служить двум господам... обязательно предаст одного в конечном счете.

Я опустила взгляд, задумавшись над его словами.

— И тем не менее вы вместе.

Он пожал плечами.

— Насколько это возможно. Наверное, мне следовало бы расстаться с ней и жить своей жизнью. Но, по правде говоря, мне больше никто не нужен. Я принимаю ее такой, какая она есть. И люблю ее такой. Пусть наша любовь и не полна, но это лучше, чем ничего.

Меня пробил озноб. Он сказал то же, что говорил Сет, когда я убеждала его в свое время оставить меня и найти другую женщину. Теперь-то я приняла его выбор и представить себе не могла жизни без него. И все же... я не вполне верила порой, что наши отношения его и впрямь устраивают. Слышать, что на подобный выбор пошел и другой человек, было отрадно.

Винсент, словно читая мои мысли, спросил мягко:

— Я не задеваю за живое? Картер упоминал о твоём друге...

— Да. Нет. Не знаю. Сет... мой друг... говорит то же самое. Раз нельзя иначе... что ж, тогда он принимает то, что есть.

— Именно. И стало быть, жизнь продолжается. — Винсент принялся складывать газеты. — Но, скажу я тебе, обе стороны — и ее, и твоя — такие косные, что это даже не смешно. Что за жесткие правила? Почему ты всегда должна отбирать жизнь у мужчины, с которым спишь? Почему у тебя нет выбора? И почему Ясмин нельзя заниматься любовью? Почему ей нельзя влюбиться?

Хороший вопрос. Возможно, Винсент и не ждал ответа, но я должна была его дать в любом случае.

— Потому что так заведено. Мир так устроен. Он всегда был устроен так.

— Долбанный мир, — сказал он.

Я подумала и кивнула.

— Согласна.

Он улыбнулся, снял с вешалки пальто, накинув.

— Для суккуба ты молодец.

И отправился по своим совместным с ангелами делам, какими бы они ни были.

Я ему почти завидовала. Потому что меня поджидало дело, которое в мои планы вовсе не входило. Еще одно неизбежное зло.

Нужно было устроить Тауни на работу.

Я обещала ей помощь после провального урока танцев. Ангельские любовные связи меня, в общем-то, не касались, с загадочной потерей энергии я пока ничего не могла поделать. Но попытаться ускорить отъезд Нифона — могла.

И я поехала в Ситак, город-призрак, обязанный своим существованием международному аэропорту Сиэтл-Такома, состоящий в основном из долгосрочных парковок вокруг аэропорта и дешевых отелей. Еще в нем имеется парочка стриптиз-клубов, поскольку надо же бизнесменам чем-то заниматься, пока они дожидаются рейса...

Вечер еще не наступил, поэтому в клубе под названием «Удар ниже пояса», когда я туда вошла, народу почти не было. В темном обшарпанном зале, которому не помешал бы основательный — или хоть какой-то — ремонт, сидели всего несколько мужчин. На меня они посмотрели с интересом. Видно, я представляла зрелище более привлекательное, чем тощенькая брюнетка, извивавшаяся у шеста под звуки песни «Young Lust» группы «Pink Floyd».

Только я собралась заговорить с барменом, как послышался голос:

— Чтоб я сдох... глазам своим не верю.

И, обернувшись, я увидела Саймона Честерфильда, гордого обладателя этого притона, похожего на ласку длинным, узким лицом и долговязым телом. Почему-то он всегда одевался в дорогие вещи слишком маленького для него размера. И носил реденькие черные усики. А еще — активно общался с местными представителями ада, и ходили слухи, будто он подумывает продать душу за бессмертие и стать, в свою очередь, адским коммивояжером.

— Ты решилась наконец танцевать у меня, куколка?

— Мечтай, мечтай.

Саймон, человек с сомнительной репутацией, содержавший столь же сомнительное заведение, знал толк в танцах. Однажды я видела, как он работал со своими девочками, и меня потрясли его эстетическое чутье и чувство ритма. Девочкам, увы, было до него далеко. Расточал талант понапрасну. И я долго гадала, почему он не открыл клуб в самом городе, где мог бы подобрать достойных

танцовщиц. Пока не поняла, что клуб служил прикрытием для других, еще более сомнительных делишек.

Тем не менее мое искусство он ценил. И не первый год уговаривал поработать у него.

— Есть разговор, — сказала я. — О деле.

— А я о чем? — Он показал на дверь возле бара. — Пошли в кабинет, коли так.

«Кабинет» его походил размерами на каморку для метел, но табурет для меня нашелся. Я поставила ноги на перекладину, отчего колени поднялись к груди. Юбка — льняная, серая — соскользнула, открывая бедра. Саймон окинул меня заинтересованным взглядом. Однако интерес был скорее профессиональный, чем личный.

— Черт тебя дерит, женщина. Танцуй ты здесь, вот бы я приподнялся. — Покачав головой, он рухнул в вертящееся кресло, обтянутое искусственной кожей. — Суккуб у меня в штате. Эх...

Я склонила голову к плечу.

— Забавно, что ты это сказал. Я, в общем-то, потому и пришла.

Мой невинный тон его как будто насторожил. Взгляд Саймона сделался подозрительным.

— Ты вроде сказала, что не хочешь у меня работать.

— И не хочу. Но нам прислали суккуба-новичка. И она ищет работу. Не слыхал?

— Нет. — Он нахмурился. — Она хочет танцевать здесь?

— Ну, — сказала я небрежно. — Ждет не дождется, когда разденется наконец.

Почти не солгала.

Саймон откинулся на спинку кресла, водрузил ноги на письменный стол. Расслабился с виду, но остался на самом деле настороженным.

— И в чем подвох?

— Какой подвох? Нет, чтобы обрадоваться. Счастье привалило.

— Суккуб в моей помойке. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. И значит, правдой быть не может. — Он немного подумал. — И почему здесь ты, а не она?

— Я альтруистка.

— Джорджина... — сказал он сурово.

— Ну ладно, — сдалась я. — Она... действительно новичок.

— Насколько новичок?

— Абсолютный. Еще на гарантии.

— Нет, это не тот подвох.

— Ну... она... — я торопливо поискала подходящие слова, — ничего еще не умеет.

Он поднял бровь.

— Не умеет?

— Только учиться завлекать мужчин.

Поскольку Саймону нужна была, конечно, сексуальная женщина, я решила не упоминать о том, как мало Тауни в этом отношении продвинулась.

— И еще... плохо танцует.

— Насколько плохо?

— Ну... плохо.

— А можно поконкретней?

— Помнишь фильм «Джилы»?

— Господи Иисусе. С чего ты взяла, что я возьму дерьмовую танцовщицу?

— Саймон! — протестующе воскликнула я. — Они все у тебя дерьмовые.

— Не все, — сказал он. — И это не значит, что мне нужна еще одна. У нас свои стандарты, знаешь ли.

Я смирив его ядовитым взглядом.

— Ладно, ладно. — Он провел рукой по зачесанным назад волосам. — Что мне за это будет?

Тут я вознегодовала.

— О чем ты? У тебя будет танцовщица-суккуб! Что еще надо?

— Суккуб, которого я беру из милосердия. Оказываю тебе любезность.

Взгляд его сделался расчетливым. Словно он собирался предложить контракт. Да, хороший черт выйдет из него однажды.

— Хочу тебя. На этой неделе потанцуешь у меня два вечера.

— Нет.

— Один вечер.

— Саймон, я ни за что не стану здесь танцевать. Даже из милосердия. Придумай что-нибудь другое.

— Ну, ладно. — Он призадумался. — Хочу тебя.

— Эй, я уже сказала...

— Не как танцовщицу. Просто тебя. Сейчас. На столе.

Я вздохнула. В этом смысле...

— Имею я право, раз уж вынужден нанять плохого суккуба, трахнуть хорошего?

— Интересная логика. А твоя душа тебя не волнует?

Он посмотрел на меня так, словно поверить не мог, что у меня хватило наглости об этом спросить. Точь-в-точь как посмотрела на него я, когда услышала о стандартах в «Ударе ниже пояса».

— Заметано. — Я встала. — Только не в этом обличье. Выбери какое-нибудь другое.

Саймон фыркнул.

— Нужна мне модель в шмотках от Энн Тейлор³! В задницу... Хочу шестнадцатилетнюю Лайзу Миннелли. В школьной форме.

Я вытаращила глаза.

— А как выглядит школьная форма?

Он начал расстегивать брюки.

— Ты же умница. Придумай что-нибудь.

Я еще раз вздохнула и перевоплотилась. В малышку с черными, коротко стриженными волосами. С гладкой, как у ребенка, кожей. В юбочке из зеленой шотландки, с такой же жилеткой. Саймон одобрительно хрюкнул.

Я повернулась к нему спиной и пригнулась к столу, надеясь, что все произойдет быстро. Не будь он так похож на ласку... было бы, наверное, легче.

Он провел руками по моим ногам, задрал юбку. И вдруг застыл.

— Стринги? Ты спятила, женщина?

— Мерзавец, — сказала я.

И превратила стринги в белые хлопковые трусики.

— Не понимаю я этого.

Он стянул их и вошел. Во всяком случае, я так предположила. Не слишком-то он был хорошо оснащен. Страшно хотелось спросить: «Ты уже там?» Но я сдержалась — ради Тауни. Не желая рисковать, что он обидится на меня и не возьмет ее на работу.

Размеров Саймону не хватало, зато пыла было не занимать. Он вцепился мне в бедра, больно царапая ногтями, и принялся пахать так усердно, что пришлось ухватиться за стол покрепче. Потом, разнообразия ради, перевернул меня на спину. Расстегнул блузку и лифчик, обнажил маленькие дерзкие грудки, едва достигшие поры расцвета. Не сводя с них глаз, закинул мои ноги себе на плечи.

Затем вернулся к делу и, когда достиг финиша наконец, порадовал меня приливом энергии. Не слишком сильным — Саймон, считай, уже работал на ад. Но очень мне нужным.

Он отпустил меня. Я села на столе. Чувствуя себя удовлетворенной хотя бы энергетически, если не физически. Ничего особенного я не делала, разве что изображала удовольствие, но Саймон взирал на меня так, словно мы прошли всю «Камасутру».

— Это стоит того, чтобы принять на работу неумелого суккуба, — сказал он довольно, натягивая брюки.

Мне хотелось сказать, что лучше бы он воздержался от подобных суждений, пока не увидит Тауни воочию. Но я всего лишь улыбнулась. Ибо знала, когда следует промолчать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Саймон дал энергии не слишком много, но мне опять приснился этот сон.

Он начался с того же мытья посуды, и все повторилось — я сновиденная заглянула в гостиную, улыбнулась девочке. И вернулась к посуде. Я настоящая беззвучно молила ее заглянуть туда еще раз. Мне хотелось смотреть на малышку снова и снова. Этими кудряшками и глазками с длинными

³ «Энн Тейлор — знаменитая американская фирма, производящая стильную женскую одежду. (Прим. ред.).

ресницами я могла бы любоваться вечно.

Словно услышав, сновиденная я повернулась к двери в гостиную. Девочки там не оказалось. Во сне я быстро вынула руки из воды. В тот же миг послышался шум падения. Затем плач. И я проснулась.

Было утро. Энергия пропала. Что меня, по правде говоря, уже не удивило. Станным было другое — ощущение холода, пробиравшего до костей. И сырости, как будто я лежала в воде. Я пощупала себя за руку. Та оказалась сухой. Тем не менее пришлось надеть самый теплый свитер, какой нашелся в доме, и только после этого мне удалось согреться.

В магазине работы в тот день хватало, но все шло, в общем-то, как обычно, пока Мэдди, уже в конце дня, не напомнила, что вечером я обещала с ней куда-нибудь пойти. Услышав это, я чуть в витрину не влетела. Поскольку накануне умудрилась пообещать вечер еще и Сету. Со мной такое случалось, когда я чувствовала себя выбитой из колеи.

Пришлось, как я частенько поступала, решить проблему путем объединения обоих обязательств в одно.

— Мэдди хочет потусоваться сегодня вечером, — сказала я Сету. — Кажется, ей одиноко. Ничего, если я возьму ее с собой?

— Конечно, — ответил он, не отрываясь от ноутбука.

Мэдди я сказала:

— Сет должен сегодня посидеть с племянницами. Не возражаешь присоединиться?

Она, в отличие от Сета, задумалась ненадолго. И выглядела при этом скорее озадаченной, чем огорченной.

— Я вообще-то с детьми не очень... Не потому, что не люблю их... просто не знаю, что с ними делать.

— Девочки чудесные, — заверила я ее. — Они тебе понравятся.

Хотя на самом деле чувствовала себя немного неловко, вынуждая ее принять участие в семейном мероприятии Мортенсенов. Почти всю дорогу Мэдди молчала, думая неизвестно о чем. Родные Сета жили на севере города, возле Лейк-Форрест-парк. Дома на их улице казались сделанными под копирку, зато в них было где разместиться двоим взрослым и пятерым детям, и ради этого, видимо, стоило идти на жертвы.

— О господи, — сказала Мэдди, когда мы вошли.

Взору предстали сразу все пять дочерей семейства Мортенсен. В возрасте от четырех до четырнадцати лет, светловолосые и голубоглазые, как их матушка.

— Кажется, это была не очень хорошая идея...

Я огляделась. Сет приехал первым, Терри и Андреа уже отправились за покупками. Мы угодили в разгар какого-то спора. Четырнадцатилетняя Бренди пыталась перекричать девятилетнюю Кендалл и двойняшек Морган и Маккенну, которым было по шесть. Молчала только четырехлетняя Кейла, сидевшая на диване рядом с дядей. Понять с ходу, о чем спор, было невозможно.

— Она сплетет паутину! — прокричала Кендалл.

— Да не сплетет она. У нее просто название такое, — попыталась вставить измученная Бренди, но на нее никто не обратил внимания.

— А он разорвет ее рогом! — парировала Маккенна.

Морган в подтверждение разрубила воздух рукой.

— Не разорвет, если обезьяна успеет его накрыть целиком, — возразила Кендалл.

— Единорог быстро бегает. Ей его не поймать.

— Тогда он трус! — торжествующе провозгласила Кендалл. — Кто уклоняется от боя, автоматически считается проигравшим.

Двойняшки озадачились.

— Глупости все это, — сказала Бренди. — Единорогов не бывает.

Все тут же развернулись к ней и протестующе завопили.

— Эй! — крикнула я, перекрыв общий гам.

Умолкнув, они уставились на меня с таким видом, словно не понимали, откуда я взялась.

— Что тут происходит?

— Спор о том, кто победит, случись единорогу сразиться с паучьей обезьяной, — сказал Сет.

Мэдди издала странный звук. Не то всхлипнула, не то засмеялась.

— Захватывающий и аргументированный, — добавил Сет бесстрастным голосом.

Бренди застонала.

— Единорогов не бывает!

— Это паучьих обезьян не бывает! — крикнула Маккенна.

— Они как раз есть, — сказала Бренди. — Так что спор бессмысленный.

Кендалл посмотрела на нее сердито.

— Он гипотонический.

— Гипотетический, — поправила я.

— Не пугайтесь, — сказал нам с Мэдди Сет. — Это еще цветочки по сравнению с дебатами о русалках и кентаврах.

— Девчонки, — воззвала я. — Это — Мэдди.

И представила ей всех по очереди.

— Привет, — нервно сказала она детям.

Потом растерянно поглядела на Сета. После аукциона она вообще держалась с ним несколько скованно, и я мысленно велела себе поторопить его со свиданием.

— Может, я зря пришла...

Он подарил ей ту свою улыбку, от которой у всякого делалось легче на душе. Мэдди, чуть расслабившись, улыбнулась тоже.

— Нет. Лишний помощник не помешает.

Сет встал и подхватил на руки Кейлу.

— Главное — чем-то их занять, пока все, кому нет девяти, не улягутся в постель.

Двойняшки горестно взвыли.

Я посмотрела на Бренди и Кендалл.

— Задача вроде бы несложная.

— Не спеши, — предостерегла меня Бренди.

Кендалл тут же куда-то понеслась. Вернулась с большой картонной коробкой и принялась тыкать ею мне в лицо.

— Посмотри, что мне бабушка прислала.

Это оказалась игра «Монополия».

— Выпуск «Индустриальная революция»? — изумилась я.

— Чуть ли не единственный, которого она еще не присылала, — заметил Сет. — Не знает уже, видно, за какую соломинку схватиться.

— Тебе на Рождество ее подарили? — спросила я у Кендалл. — Неужели ты ее хотела?

— Я собираюсь стать биржевым мандатом, когда вырасту.

— Магнатом, — поправила я. — Ты же вроде хотела стать пиратом?

Она посмотрела на меня с жалостью.

— У пиратов медицинской страховки нету.

Я ткнула пальцем в коробку.

— Но «Индустриальная революция»... почему не «Барби»? Или «Сефора»? — От последнего я, пожалуй, и сама не отказалась бы.

— Индустриальная революция была важным периодом в истории западной цивилизации. Развитие производства оказало большое влияние на нашу культуру и социально-экономический статус.

— Она сделала паузу. — Будете играть?

— Там есть ткацкий станок? — спросила Мэдди.

Сет засмеялся.

— Есть.

— Играю, — сказала она.

Кейла на руках у Сета уже засыпала. При виде ее закрывающихся глазок мне вспомнилась вдруг сновиденная девочка. Сердце екнуло, и стало не до «Монополии». Я подошла к Сету.

— Знаешь что? Давай ты поиграешь, а я их уложу.

— Справишься?

— Конечно.

Он передал мне Кейлу, и вокруг моей шеи обвились маленькие ручки. Я двинулась к выходу, двойняшки поплелись следом. Мэдди, поняв, что остается одна, поглядела на меня растерянно. Но я была за нее спокойна. Иной раз, когда тебя вынуждают общаться, скорей учишься.

Двойняшек удалось уложить на удивление быстро — потому, наверное, что спали они в одной

комнате. Конечно, в компании с сестрой, с которой можно пошептаться и похихикать, всегда веселее... Проследив за чисткой зубов и переодеванием в пижамы, я предупредила, что еще зайду их проверить, и закрыла за собой дверь.

Отнесла Кейлу в их общую с Кендалл спальню. Кейла вообще разговаривала мало, молчала и теперь, пока я надевала на нее розовую ночную рубашку и укрывала одеялом. Потом я присела на край кровати и вручила ей, подняв с пола, плюшевого единорога. Она крепко обняла игрушку.

— Думаю, он победит паучью обезьяну, — сказала я.

Кейла не ответила, только посмотрела на меня огромными голубыми глазами. Доверчивыми и любящими, точь-в-точь как у моей сновиденной дочери. И мне невольно подумалось — каково было бы делать это каждую ночь?.. Укладывать дочку спать, целовать ее в лобик. Просыпаться утром, снова видеть ее...

Испугавшись, что расплачусь на глазах у ребенка, я собралась уходить. Но Кейла, к моему несказанному удивлению, вдруг тронула меня за руку.

— Джорджина... — сказала тихим, тоненьким голоском.

Я снова села.

— Что?

— Не уходи.

— Ох... надо, миленькая. Тебе пора спать.

— Придут чудовища.

— Какие еще чудовища?

— Страшные.

— А... Те, что живут под кроватью?

Именно там, по моему мнению, и должны были обитать почти все чудовища. Кроме тех, с которыми я играла в покер и ходила по кабакам.

Кейла помотала головой и показала на потолок.

— Там. В космосе.

— Это инопланетяне?

Если бы не мысль о том, что она боится спать в одиночестве, я пришла бы в полный восторг. Малышка заговорила со мной впервые за все время знакомства. Причем так же разумно, как ее старшие сестры... хотя этому, наверно, удивляться не приходилось.

— Нет. Чудовища. Они летают в воздухе и приходят в человеческие сны.

Теперь я поняла, почему она боится спать.

— Тебе снятся кошмары?

— Нет. Но чудовища близко. Я их чувствую.

От этих слов и серьезного выражения ее личика по спине у меня побежали мурашки.

— Мне посидеть, пока ты не уснешь? Тогда они не придут?

— Может, и не придут. — Она снова тронула меня за руку. — Ты волшебница.

Тут я подумала, не родилась ли она медиумом, как Эрик и Данте. В том, как девочка сказала это, чувствовалось нечто большее, чем детская вера в волшебство. Скорее знание. За ней стоило понаблюдать... но не сейчас, конечно. Спрашивать, не видит ли она ауру, я тоже не стала.

— Ладно, — сказала я. — Посижу.

Прилегла рядом с ней, и некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Потом я начала тихонько напевать, и она, улыбаясь, закрыла глазки. Открыла их, когда я умолкла.

— А какие слова у этой песни?

— Э-э-э... — С ответом я нашлась не сразу.

Песня была из далекого прошлого, на древнегреческом диалекте, на котором уже никто не говорил. Мне пел ее когда-то мой муж... Перевести слова вот так, с ходу, я не могла и поэтому запела на родном языке. Звуки его, некогда привычные, казались теперь странными, и слова выговаривались с некоторой запинкой.

Кейла, слушая, вроде бы заснула. Допев, я выждала несколько минут, потом осторожно поднялась с кровати. Девочка не шелохнулась. Тогда я выключила свет, вышла из спальни и вернулась к игрокам в «Монополию».

— Луддиты сжигают фабрику. Плата пятьсот долларов. — Бренди, глядя на карточку «Шанс», скорчила гримасу. — Слабовато.

— Я больше заплатила, когда фабричное законодательство урезало использование детской

рабочей силы, — сказала Мэдди.

Как я и надеялась, она чувствовала себя уже вполне непринужденно.

Кендалл бросила кости и продвинула вперед на три номера миниатюрную оловянную книжечку «Оливер Твист».

— Мне нужна работа, чтобы иметь капитализм для инвестиций.

— Капитал, — поправили ее все хором.

Кендалл посмотрела на меня.

— Я могла бы поработать у тебя в магазине. Подпольно.

— Типа складывать книги в подпол? — спросила Бренди.

Кендалл сделала вид, что не слышит.

— Тебе не нужен помощник?

Я взъерошила ей волосы.

— Пока не подрастешь — увы.

Мэдди двинула вперед оловянный ткацкий станок.

— Да, пока ты только играть умеешь. С таким помощником — конец магазину.

Бренди спросила у меня:

— Как тебе работа управляющим? Труднее?

— Да нет... просто немного другая.

Кендалл просветлела.

— Я могу работать на твоём прежнем месте.

— Извини. Его нету. Мэдди заняла.

Она вздохнула.

Сет выставил еще никем не купленную фабрику и зашуршал деньгами.

— Как девочки, легли без скандала?

— Да. Только Кейла не сразу заснула. Боялась кошмаров.

Он поднял на меня удивленный взгляд.

— Она сказала это? Разговаривала с тобой?

— О, у нас была долгая беседа. Смеялись, плакали, делились страхами и надеждами... Думаю, ее ждет карьера оратора.

— Кто такой «оратор»? — спросила Кендалл.

— Человек, который выступает перед публикой, — объяснила Мэдди. — Произносит речи.

— А. Ну, дяде Сету оратором не стать.

Все засмеялись.

— Не стать, — подтвердила Мэдди. — Мне тоже.

Сет дал ей пять.

— Интроверты объединяются.

Бренди снова выпал «Шанс». Она застонала.

— Холера! Сколько можно!

Когда вернулись наконец брат и невестка Сета и мы отправились восвояси, Мэдди порадовала меня признанием, что чудесно провела время.

— С такими умненькими детьми, как у Мортенсенов, можно иметь дело. Терри и Андреа мне тоже понравились. Хорошие в этом роду гены.

— Да, — согласилась я.

Про себя я решила, что Мэдди надо почаще выводить в люди. Это шло ей на пользу — повеселела, глаза заблестели. Вечер удался. Завезя ее к Дагу, я поехала домой. Боги парковки меня покинули, место нашлось только за пять кварталов. Пока шла пешком, по дороге попался газетный автомат. На работе я обычно просматривала заголовки, но в тот день не успела. Поэтому остановилась перед ним, и вскоре мое внимание привлекла одна статья.

Говорилось в ней о мужчине, который стал жертвой иллюзии. Ему приснилось во сне, что если он переплывет пролив Пагет, его нуждающаяся семья разбогатеет. Увы, далеко он в ледяной воде не уплыл — утонул. Парадокс заключался в том, что его жизнь была застрахована на солидную сумму. И, хотя поступок этот можно было счесть суицидальным, компания собиралась страховку выплатить. Его семье предстояло-таки разбогатеть.

Мне представился вдруг этот бедняга, исчезающий в темных волнах. Вспомнилось сегодняшнее утро, вернулось странное ощущение холода и сырости. Дыхание на миг остановилось, как будто легкие

были полны воды. Я обхватила себя руками, вся дрожа. Вода. Кругом вода. Холод. Тьма. Удушье...

Кое-как стряхнув наваждение, я заставила себя наконец сдвинуться с места. И поспешила домой — греться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Ты снова здесь? — изумился Данте, когда я вошла на следующий день в его заведение, где было, как обычно, пусто. — Вот уж не думал, что появишься.

— Я тоже, — призналась я.

Тут меня с моими проблемами не ждали, но больше идти было некуда.

— Почему ты до сих пор не разорился?

— Сам не понимаю. Пришла ты, конечно, не для того, чтобы подарить мне лучшую в моей жизни ночь. Шанс с «Эль Гаучо» уже упустила...

— Я пришла, потому что снова видела сон.

— Суккуб, ты меня используешь. — Он вздохнул, уселся за свой колченогий стол. — Ладно, рассказывай.

Я устроилась напротив и поведала о событиях последнего сна.

— Сюжет, однако, развивается неторопливо, — сказал он, выслушав. — Секунд тридцать прибавилось?

— Это что-нибудь значит?

— Черт меня дери, если знаю.

Я прищурилась.

— Ты самый поганый толкователь на свете.

— Неправда. — Он облокотился на стол, подпер рукой подбородок. — Я хороший толкователь. Просто в твоём сне нечего толковать. Это плач подсознания о бесплодии. Скорее всего. А еще — свидетельство дурного музыкального вкуса. Ты каждый раз слышишь эту песню?

Я только вздохнула.

— Сон явно не пророческий, поскольку иметь ребенка ты точно не можешь. — Он с задумчивым видом побарабанил пальцами по столу. — А усыновить?..

— Это была моя дочь, — твердо сказала я. — Моя плоть и кровь. Я это чувствовала.

— Ладно. Не мне спорить с иллюзорным материнским инстинктом. Тем более что на самом деле это неважно. Содержание сна, я имею в виду. А что важно, как я понимаю, — так это потеря энергии.

Я готова была его обнять.

— Ну наконец-то. Ты признал, мать твою, что это важно.

— Сложилась повторяющаяся последовательность, которую уже нельзя считать случайной.

— И что же это значит?

— Ты хочешь слышать мнение самого поганого толкователя на свете?

— Черт... Говори уже!

— Будь ты человеком, я со всей уверенностью сказал бы, что тебя захватили.

Я вздрогнула.

— Что? Как это понимать?

Он задумался. Накрыл мою руку своей и рассеянно принялся поглаживать. Я не отреагировала, потому что в голове так и звенело слово «захватили». Тут же вспомнилась малышка Кейла.

«Чудовища... они летают в воздухе и приходят в человеческие сны».

— Мы оба знаем, — сказал наконец Данте, — что во вселенной есть множество сверхъестественных существ. Некоторые обитают в мире снов и не имеют никакого представления о гуманности. Как, впрочем, и ты. И не очень-то, честно говоря, они от тебя отличаются. Тоже жаждут человеческой жизни и энергии и высасывают их через сны.

— Но со мной же они не могут этого делать?

— Хм. — Он отпустил мою руку. — Вроде бы так. Ты не вырабатываешь собственной энергии. А тоже ее ворует. Но кто их знает?

Я содрогнулась. При мысли о том, что какое-то существо — паразитирующее — захватило меня и высасывает жизнь, мне стало тошно. Хотя я и понимала, что делаю то же самое, и с моей стороны его судить — лицемерие.

— Но... что это может быть за существо?
— Понятия не имею. Не знаток.
— Ты же толкуешь сны! Должен знать все о сновиденных... тварях!
— Сверхъестественные твари — область Эрика, не моя. Спроси у него.
— Ты самый поганый толкователь на свете.
— Это я уже слышал. — На лице его вновь появилось насмешливое выражение. — Ну так как, займемся сексом?

Я встала.

— Нет!

Данте развел руками.

— И что тебе еще нужно? Полезную информацию ты на сей раз от меня получила. Неужели доза помешает... пусть и маленькая?

— Дело не в этом. — Я вдруг заколебалась. — Я... тебя уже знаю.

— То есть?

— Будь ты какой-то посторонний парень, я, может, и согласилась бы. Но ты уже... — другом я его назвать не могла, поэтому спешно искала подходящее слово, — знакомый.

Похоже, я основательно сбила его с толку. Вид у Данте стал довольно забавный.

— Не понимаю, суккуб.

— У меня есть друг. Я тебе говорила. Когда я сплю с каким-то случайным... посторонним человеком, то это как бы и не измена ему. Но с человеком, который...

— ...тебе нравится?

Померещилось мне, или в глазах у него и впрямь мелькнула надежда, когда он это спросил?

— Ты мне не нравишься. Но, правда, и не противен. Дело в том, что ты не посторонний. И это будет изменой.

Он несколько секунд не отрывал от меня взгляда, и надежда — если она была, конечно, — растаяла.

— М-да, теперь меня не удивляет, что суккуба так легко принять за смертную женщину. Те же игры и полное отсутствие здравого смысла.

— Мне пора.

— Вечно тебе пора. Куда на этот раз? К какому-нибудь постороннему парню?

Я двинулась к двери.

— Нет, к Эрику. Возможно, он впрямь сумеет сказать мне что-то полезное.

— Я уже сказал тебе полезное!

— Не уверена.

— Ладно... дай-ка я закроюсь, и посмотрим, что скажет Ланкастер.

Я остановилась.

— Что значит «посмотрим»?

Данте выхватил из-под кассы ключи.

— Ты разбудила во мне любопытство. Хочу поучаствовать. Кроме того, ты должна мне за помощь, раз не хочешь переспать.

— Да уж, «помощь», — пробормотала я.

Он двинулся к двери вместе со мной.

— Тебе не приходило в голову, что мне твои беды вовсе не безразличны, хоть ты и считаешь меня бесполезным?

— Нет, — сказала я. — Не приходило.

Тем не менее я все же взяла его с собой в «Аркана лимитед».

Эрик распаковывал книги, когда мы вошли. Еще не подняв головы, почувствовал меня и улыбнулся.

— Мисс Кинкейд, как я... — Тут он заметил Данте и умолк.

Впервые за все время нашей дружбы я увидела в его глазах откровенную неприязнь. Это было непривычно. И даже пугало.

— Мистер Мориарти...

Данте кивнул.

— Рад вас видеть.

Судя по выражению лица Эрика, ответной радости он не испытывал. Старик выпрямился, подошел к стойке. Скрестил руки на груди и смерил нас обоих пристальным взглядом.

— Чем могу служить?

Ни обычной сердечности, ни предложения выпить чаю. Я неуверенно начала:

— Мы... то есть Данте... считает, что нашел ответ на мой вопрос.

Данте нацепил свою фирменную ухмылочку. Если он тоже питал к Эрику неприязнь, то скрывал ее умело.

— Ответом я это не назвал бы, суккуб. Скорей предположением.

— Мне снова снился тот же сон, — объяснила я Эрику. — Уже несколько раз. И я теряла энергию. Данте думает, что меня могло захватить... какое-то сновиденное существо.

Я запнулась на последних словах, поскольку сама мысль все еще казалась дикой.

— Но что это за существо, он не знает. Говорит, возможно, вы знаете.

Эрик перевел взгляд с Данте на меня. Наш совместный приход его по-прежнему не радовал, но слишком уж долго старик заботился обо мне, чтобы отказать теперь в помощи. Я и сама не знала, когда успела заслужить его доброе отношение. И чем. Вздыхнув, он жестом пригласил нас сесть за стол. Но чаю так и не предложил.

— Чтобы нечто подобное произошло с суккубом, и представить трудно, — заговорил он наконец.

— И я так думаю, — сказал Данте.

Маска беспечности соскользнула с его лица. Как во время нашего предыдущего разговора, взгляд сделался задумчивым и пытливым. Мне вспомнился знакомый инженер-механик, любитель всяких технических загадок. Его хлебом не корми, дай только с чем-нибудь таким разобраться. Так и Данте загорался, похоже, каким бы испорченным и тяжелым человеком ни был.

Эрик устремил на меня изучающий взгляд. Для него я тоже стала вдруг любопытной головоломкой.

— Вообще-то я сказал бы, что так обычно действуют... онейриды.

Об онейридах я кое-что знала. Из древнегреческих мифов, на которых выросла.

— Духи сна?

— Больше чем духи. Дети Никты и Эреба.

Я содрогнулась. И эти имена были мне знакомы. Никта и Эреб. Ночь и Мрак. Изначальные порождения хаоса. Могущественные и опасные. Наш мир, вышедший из хаоса, всегда стремился — с этим согласна даже наука — в него вернуться. И разрушители Эреб и Никта, способные разорвать вселенную на части, являли собой такую угрозу, что их держали нынче в заточении. При мысли о том, что жизнь из меня могут высасывать их дети, мне стало дурно.

Данте обдумал сказанное.

— Да, похоже. И все-таки маловероятно.

— Практически невероятно, — согласился Эрик. — Чтобы кто-то захватил суккуба — такого я в жизни не слышал.

— А чем вообще занимаются онейриды? — спросила я.

Мужчины обменялись взглядами, словно ожидая ответа друг от друга. Заговорил в конце концов Эрик:

— Посещают смертных во сне и питаются эмоциями, вызванными этими снами. Жертвы онейрид просыпаются иссушенными и больными.

Меня опять кольнуло — во сне, по легенде, посещали мужчин суккубы, отбирая жизнь...

— Именно это со мной и происходит, — сказала я, — может, все-таки они?..

— Может, — сказал Данте, — но кое-какие детали не совпадают. Онейриды сами насылают сны. Кошмарные, как правило. Страх и другие темные эмоции сильнее и... вкуснее для них. А у тебя сны другие... милые.

— Милые?

— Ну, не кошмары, в любом случае. Они тебе нравятся. Вызывают приятные, даже счастливые эмоции. Будоражат до глубины души... но все же это не тот тип эмоций, который предпочитают онейриды.

— И, — подхватил Эрик, — вы для них отнюдь не идеальный выбор, это точно. Всего лишь связующее звено с миром смертных и их энергией. Чтобы своровать ее у вас, онейриды должны дожидаться сперва, пока вы сами ее возьмете. А им гораздо проще брать силу непосредственно у

человека.

Тут я кое-что вспомнила.

— Была еще одна странность... кроме потери энергии. — И поведала, как, проснувшись, чувствовала себя замерзшей и мокрой.

— Да, это странно, — сказал Данте. — Но есть ли тут какая-то связь со снами?

— Не знаю... только тем же вечером я читала статью о человеке, который сошел с ума и попытался переплыть пролив. Он думал, что поможет этим своим родным... и впрямь помог, поскольку они получают страховку. И когда я эту статью прочла, снова ощутила себя мокрой и замерзшей. Это было так... словно я стала им. Чувствовала то же, что и он. Как будто сама тонула.

— Эмпатия, — сказал Данте. — Ты просто представила, что он должен был чувствовать.

— Нет. — Я нахмурилась, вспоминая пережитое. — Не представила, а почувствовала. И точно знала, что это его чувства, того человека. Как знала, что девочка во сне — моя дочь. Нутром.

Данте глянул на меня раздраженно.

— Надо было раньше об этом рассказать.

— Я забыла. И связи тоже... не видела.

— С тобой когда-нибудь уже случалось такое? Ощущение чего-то, чего ты на самом деле не переживала?

— Как будто нет.

Эрик посмотрел на Данте.

— Ясновидение?

— Не знаю. Не похоже. Слишком многое не складывается.

Данте снова уставился на меня.

— Ты своим об этом рассказывала?

Я покачала головой.

— Джером в отъезде. О самом первом сне я ему говорила, но он не придал значения.

— Понятия не имею, что со всем этим делать, — сказал Данте.

— Я тоже, — вздохнул Эрик. — Но ради вас... попытаюсь что-нибудь разузнать.

— Спасибо, — сказала я. — Я очень ценю вашу доброту.

Мы поднялись, и в тот же миг перемирие между Эриком и Данте закончилось. Взгляд Эрика снова стал неприязненным. А Данте принял вид насмешливый и самодовольный.

— Мисс Кинкейд, — сухо начал Эрик. — Вы знаете, что я питаю к вам величайшее уважение и буду счастлив оказать любую помощь, какая только понадобится. Вижу, мистер Мориарти тоже готов вам помогать. Но я предпочел бы, чтобы вы...

— ...не приводили меня больше, — закончил Данте и отсалютовал. — Заметано, старик. Жду тебя, суккуб, возле машины.

Он развернулся и вышел. Но настроение у Эрика не улучшилось. Я чувствовала исходившую от него волну неприязни. Он считал Данте дурным человеком. Я была на самом деле гораздо хуже. Однако мне он симпатизировал. Странно... в чем же тут дело?

— Простите, — сказала я Эрику. — Я не знала, что вам это будет неприятно.

— Вы и не могли знать, — устало ответил он. — Да и, в конце концов, я сам вас к нему направил.

— Постараюсь держаться от него подальше, — пообещала я.

Снова поблагодарила старика и тоже покинула магазин.

Данте ждал меня, прислонившись к машине. На губах играла насмешливая улыбка, и о чем он думает, было не понять.

— За что Эрик тебя так не любит? — спросила я.

Он выпрямился.

— За то, что я плохой человек и занимаюсь плохими делами.

— Нет, этого мало, — сказала я. — Не настолько ты плох, во всяком случае, с виду. Все твои грехи — надувание клиентов и пустые разговоры. Хотя... сегодня ты даже говорил кое-что дельное. Так что репутацию злодея никак не оправдываешь.

— Откуда ты знаешь?

Я пожала плечами.

— Инстинкт.

Данте одним быстрым движением вдруг обнял меня и притянул к себе. Упершись руками ему в

грудь, я попыталась было вырваться, но не смогла. Пылкость изголодавшегося мужчины, жар его тела... мое собственное тело внезапно откликнулось, возжадав объятий, которые не были бы для меня работой. Когда случалось чувствовать подобное, я всякий раз пугалась. Поскольку суккуб во мне немедленно пробуждался тоже, почуяв близость пищи. Вопреки всем моим горделивым уверениям, что я не сплю со знакомыми мужчинами, мне захотелось сейчас, чтобы он меня поцеловал. Дал ощутить свою энергию... хотя бы ее вкус.

Он потянулся губами к моему рту. Я зажмурилась, и... вдруг он застыл. Отпустил меня и попятился.

Открыв глаза, я уставилась на него с удивлением.

— Какого черта? Приставал, приставал — и отступаешь?

— Ты пуста и голодна, суккуб, — сказал он. — Взять тебя сейчас — все равно что воспользоваться перепившей девчонкой.

— Да. А ты, конечно, никогда этого не делал.

— Мне давно не восемнадцать. — Он открыл дверцу. — Мы едем или нет?

Я некоторое время еще смотрела на него, вспоминая надежду, которую вроде бы видела в его глазах раньше. И думала, что язвительность Данте вполне может на самом деле оказаться защитой, скрывающей неуверенность, — как у многих. Но от психоанализа вслух воздержалась и села наконец в машину. Мы поехали обратно в его лавочку, болтая по дороге ни о чем и поддразнивая друг друга. Отгораживаясь легкомыслием от того серьезного, что могло произойти между нами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Я не серийный убийца, поверьте. Просто жаль было упускать такой случай.

— Ох, — сказала я. — Платили бы мне десять центов каждый раз, как слышу это...

Лиам — парень, купивший свидание, — засмеялся и открыл передо мной дверцу машины. У него был шикарный черный «клотус элис», привезенный из Великобритании. Меня это впечатлило. Машина выглядела свежеемытой, и это тоже впечатляло, хотя и печалило немного — дождь мог хлынуть в любой момент.

— Нет, правда, я слышал очень хорошие отзывы, — добавил Лиам, заводя двигатель. — Поэтому надеюсь, вам понравится, хоть и мрачновато для праздников.

Идти на благотворительное свидание я не жаждала, но все равно пришлось бы, рано или поздно. И, когда Лиам позвонил и сказал, что купил билеты на спектакль по рассказам Эдгара По, я рассудила, что для уплаты долга день сегодняшний подходит не хуже любого другого. К тому же По мне нравился. Свидание предстояло провести в обстановке и впрямь несколько страшноватой для этого благословенного, самого радостного времени в году, но то был промах не Лиама, а театра. После спектакля мы собирались еще поужинать.

По дороге в театр Лиам показал себя именно таким, как я и ожидала. Неглупым. Милым. Довольно остроумным. Работал он в какой-то инвестиционной компании, но был так добр, что не стал грузить меня деталями. Мы обменивались шуточками, анекдотами и забавными случаями из жизни. Конечно, с Сетом мне в любом случае было бы приятнее, но на один вечер и Лиам вполне годился, к тому же заплатил он столько, что имел полное право провести этот вечер весело.

Спектакль оправдал мои надежды. Начался он с «Маски красной смерти», продолжился «Бочонком амонтильядо». И завершился «Сердцем-обличителем» — конечно, куда же без этого гвоздя...

— «Маску красной смерти» я раньше не читал, — сказал потом Лиам.

Машину мы оставили у театра, решив пройти пешком шесть кварталов до ресторана, где был заказан столик.

— Хотя увлекся По еще в школе. Это аллегория, видимо подразумевающая, что смерти избежать невозможно? Запрись на все замки, не поможет...

— Да нет, даже и не аллегория. — Я задумалась. — Люди всегда поступали так во время эпидемий. Запирались. Или уезжали. Порой выгоняли заболевших из города и закрывали ворота.

— Ужасно, — сказал Лиам, заходя в ресторан.

Итальянский, в который без записи было не попасть. К свиданию он, надо отметить, подготовился основательно.

— Других способов уберечься они не знали, — пожала я плечами. — Как и того, что вызывает болезнь. Личная гигиена и упование на судьбу — вот и все средневековые средства борьбы с эпидемиями.

— Аукционист не сказал, что вы знаток истории, — поддразнил он.

— А если бы сказал? Вы не стали бы торговаться?

— Смеетесь? Красивая женщина, которая на первом свидании произносит такие слова, как «эпидемии», «средневековые»... Я предложил бы еще больше.

Я улыбнулась, и мы направились вслед за метрдотелем к нашему столику. Приятно было, что Лиам оценил мои исторические познания, но увлекаться не следовало. Я знала куда больше, чем положено обыкновенной девушке, и могла нечаянно упомянуть какие-то подробности, которые и вовсе никому не известны. Поэтому я сменила тему:

— Аукциониста, видно, отвлекли другие участницы.

— А, вы про ту воинствующую феминистку, что выходила перед вами?

Я нахмурилась.

— Нет, про высокую блондинку в серебряном костюме, которую он купил.

— О, эта могла, — согласился Лиам. — Чумовая девица. Красивая, но чумовая.

— Красивая?

— Да. Хотя до вас ей, конечно, далеко, — поспешно добавил он, неправильно истолковав мой вопрос. — Но парень считал иначе. Рук от нее оторвать не мог.

— Что вы. Он к ней не притрагивался.

— Это на сцене. А после аукциона...

— Что?

Тут к нам подошел официант, и пришлось ждать, пока Лиам сделает заказ.

— Я видел их после аукциона, — объяснил он, покончив с этим. — Задержался, чтобы помочь Динне. Она — подруга моей бывшей жены... Так вот, эти двое друг от друга не отлипали. И ушли вместе.

— Не может быть...

По словам Тауни, ушла она одна. И вечером после аукциона ничего между ними не было. На следующий день она появилась у меня вся в слезах. И если даже соврала, что дело с Ником расстроилось — а зачем ей врать? — то энергии, да еще недавно взятой, у нее точно не имелось. Сжечь ее за такой короткий срок Тауни могла только многократным перевоплощением... причем на уровне нечеловеческих обличий, а этого она, как новенькая, пока не умела. Выходила какая-то бессмыслица...

Лиам моей озадаченности, разумеется, не понял.

— Почему не может? — спросил он.

Я покачала головой.

— Нет... это я так... неважно. Надеюсь, время они провели неплохо. А... какое вино вы заказали? Я прослушала...

Не желая портить ужин, новую загадку я отложила на потом и сделала все для того, чтобы Лиам не жалел о потраченных деньгах.

Выйдя из ресторана, мы снова прогулялись пешком до машины. На улице было чудесно, хоть и сыро, — воздух прогрелся почти до десяти градусов. Зима в Сиэтле преподносит порой такие подарки. Ненадолго, к сожалению, — на день-два.

Лиам взял меня за руку. Отнимать ее я не стала. Хотя и попала в несколько затруднительное положение.

Встречаться с ним еще я не собиралась. В случайные связи в этом обличье я не вступала, не желая осложнять себе жизнь. Да и Сету тоже. Поэтому вечер следовало завершить всего лишь дружеским рукопожатием. Но я вдруг остро ощутила нехватку энергии. Так хорошо было после Саймона... однако меня опустошили прежде, чем я успела сделать хоть что-то с его энергией. Хотелось это чувство вернуть, пойти с Лиамом и получить свое. Мы подошли к машине, он развернул меня к себе.

— Что дальше? — спросил.

— Не знаю. — Я все еще разрывалась. — Что вы предлагаете?

Он озорно улыбнулся. Голубые глаза блеснули.

— Это, например?..

Наклонился и поцеловал.

Ах, Лиам... Он оказался хорошим человеком. Очень, очень хорошим. Почти как Сет. Когда наши губы соприкоснулись и его энергия заструилась в меня, я ощутила сладость. Прижалась к нему, чувствуя, как просыпается желание. Не стоило, конечно, делать это в постоянном обличье... но обстоятельства вынуждали. И я приняла решение. Переспать с ним и расстаться. Он славный парень, не будет меня преследовать. Скажу ему утром, что ничего, кроме дружбы, между нами быть не может, он огорчится, но на этом все и кончится.

Он прижал меня к машине. Столько энергии от одного поцелуя... ночь обещала чудеса.

«Да, да. Еще. Еще! Накорми меня...»

Я резко отстранилась от Лиама.

Он посмотрел на меня с вполне понятным удивлением.

— В чем дело?

Дело было в... голосе, прозвучавшем вдруг у меня в голове. Чуть слышном, но отчетливом. То мог быть голос моего желания, отчаянной жажды энергии Лиама. Но он был чужим. Принадлежал кому-то — или чему-то — другому. Мне разом вспомнилось все. Разговор с Данте и Эриком. Некое существо, захватившее меня и вытягивающее энергию. Конечно, я тоже делала это с мужчинами... тем не менее снова почувствовала тошноту. По спине побежали мурашки. Я наполнюсь энергией, и ночью оно явится. Ладно, использует меня. Но через меня — еще и Лиама...

Я посмотрела на него. Такой милый, добрый... И покачала головой, поняв, что не могу допустить этого. Да, мне нужна энергия, но придется тянуть с ее получением сколько удастся. Кормить эту тварь я не хочу.

— Лиам... — начала я медленно. — Мне нужно сказать вам кое-что. Я совсем недавно рассталась с другом... и на аукцион пошла, думая, что смогу... ну, понимаете...

Он вздохнул. Скорее грустно, чем обиженно.

— Вы не готовы.

Я снова покачала головой.

— Простите. Хотела детям помочь и думала... но... Он сжал мою руку и отпустил.

— Ладно... мне жаль, конечно, но я вас понимаю. Вы мне нравитесь... на самом деле я был бы не против даже и серьезных отношений. Но они невозможны, пока вы не готовы. И принуждать вас я не хочу.

О господи. Какой же он хороший.

— Мне тоже очень, очень жаль, — сказала я вполне искренне.

Так хотелось его энергии...

— Не жалейте. — Он улыбнулся. — Поехали, отвезу вас домой.

И отвез, и я поцеловала его в щеку перед тем, как выйти из машины. Он попросил позвонить, если буду готова встретиться еще раз. Я обещала.

Потом он уехал, но домой я не пошла. А позвонила Данте.

Когда он ответил, сказала:

— Это твой любимый суккуб.

И услышала, как он зевнул.

— Так уж и любимый. Чего тебе? Ночь на дворе.

— Поговорить надо. Произошло еще кое-что странное.

— Я в постели, суккуб. И гостей принимать не расположен, если только не хочешь присоединиться.

— Пожалуйста, Данте. Это важно.

Он вздохнул.

— Ладно, приезжай.

— Где ты живешь?

— Ты прекрасно это знаешь. Была здесь тыщу раз.

— Ты живешь в своей лавочке?

— А зачем платить аренду за два разных места?

И я поехала.

На двери висела табличка «Закрыто», но внутри виднелся слабый свет. Я постучала, Данте открыл. Он был в джинсах и тенниске, словно не ложился, но, судя по всклокоченным волосам, я и впрямь подняла его с постели.

— Извини, — сказала я. — Наверно, надо было все-таки дожидаться утра.

— Поздно извиняться. Заходи.

Он провел меня через заднюю дверь. За ней оказалась большая комната — сочетание гостиной, кабинета, продовольственного склада и... рабочей мастерской.

— Эрик правду сказал. — С этими словами я подошла к полкам, заставленным кувшинами и банками с травами и какими-то неизвестными жидкостями. — Ты маг. — Немного подумав, добавила: — Или выдаешь себя за мага.

— Никакой мне веры. Обидно. — Он показал на кресло-мешок и кушетку с пледовой обивкой. — Выбери, если в постель не хочешь.

Я села на кушетку.

— Да нет, я не то чтобы не верю... просто видела пока одно жульничество. Эрик-то явно за дело тебя не любит и никогда меня к тебе не послал бы, если бы ты ничего не умел.

— Интересная логика. Может, он меня не любит, потому что я обаятельный.

Он зевнул еще раз, протер глаза. И я заметила на сгибе локтя следы укусов, которых раньше под длинным рукавом видно не было.

— А может, за пороки?

Данте проследил за моим взглядом. И пожал плечами.

— Нет, у Эрика причины посерьезней, чем какие-то разовые приходы.

— Опыт мне подсказывает, что не такие уж и разовые.

— Ты пришла меня воспитывать, суккуб?

— Нет, — признала я.

Ни времени, ни желания это делать у меня не было.

— Я слышала голос сегодня вечером.

— Я тоже. Он разбудил меня звонком.

— Данте!

Я торопливо рассказала, что со мной произошло.

Он выслушал с неизменной насмешливой ухмылкой, но в глазах появилась озабоченность.

— Хм. Интересно. Чудовище высунуло голову.

— И что это, по-твоему, значит?

— Понятия не имею. Мы же не знаем, кто это. Могу предположить только, что оно по какой-то причине потеряло терпение. Раньше скрывалось весьма успешно... если не считать воровства энергии, конечно. — Данте улыбнулся. — Оно сейчас не здесь, случайно, не требует, чтобы ты на меня набросилась?

— Извини.

— Не за что. Видать, не такая я жирная добыча, как семисотдолларовый ухажер. Твой хищник не дурак.

Я вздрогнула. Пугала сама мысль о хищнике. И вид у меня, должно быть, сделался несчастный, потому что Данте тоже посмотрел на меня с испугом.

— Помоги мне, пожалуйста, — сказала я. — Да, пока мы ничего не знаем... и я боюсь. Боюсь, что чудовище вернется, поэтому с мужчинами быть не могу. Даже спать боюсь.

Серые глаза уставились на меня изучающе, и в них, к моему изумлению, появилось сочувствие. Лицо смягчилось.

— Суккуб... сегодня можешь спать спокойно. Энергии нет, значит, тебе ничто не угрожает. Одного поцелуя наверняка было маловато.

— Но... мне же все равно придется когда-нибудь взять энергию... и Джерома нету, чтобы ему рассказать...

— Что ж, я могу, наверное, сделать какой-нибудь амулет. Защиту от этой твари.

— Вправду можешь? — Я изо всех сил пыталась скрыть скепсис, но не удалось.

Данте снова скривился.

— Не хочешь, так и...

— Хочу! Прости. Сама не знаю, что говорю. Прошу о помощи и тут же сомневаюсь...

— Да я уже понял, что доверия тебе не внушаю.

— Я приму любую помощь, — сказала я честно.

Он встал, потянулся. Подошел к полкам и принялся разглядывать банки и кувшины.

— Примешь ли? Тебе может не понравиться то, что я должен сделать для изготовления амулета.

Он тебе точно нужен?

Я вспомнила голос, жажду неведомого существа.

— Очень. Если только это будет не ожерелье из козлиных кишок, думаю, договоримся.

Он все еще задумчиво смотрел на полки. Потом сказал:

— Потребуется время, боюсь. Знай я, с кем мы имеем дело, было бы легче. А так придется мастерить защиту от всего сразу. Такие амулеты — широкого спектра — самые сложные.

— Значит, сегодня... не получится?

Он повернулся ко мне.

— Сегодня ты в безопасности, забыла? Если хочешь, на всякий случай ночуй здесь. Я спать не буду, покараулю тебя.

Я невольно улыбнулась.

— Как я Кейлу...

— Кого?

— Племянницу моего друга. — Мне снова вспомнился наш странный разговор. — Она сказала кое-что забавное. Не знаю, детские фантазии это... или у девочки, возможно, дар медиума.

— У детей между ними тонкая грань, — заметил он. — Если дар и есть, в школе его быстро выбьют. И что она сказала?

— Что я «волшебница». И что в воздухе летают чудовища, которые проникают в сны.

Он промолчал, и меня вдруг осенило:

— Думаешь, она могла бы помочь?

Но Данте покачал головой.

— Нет. Даже если она медиум, то слишком еще мала и неопытна, чтобы знать, что именно из ее видений может оказаться полезным.

— Но она может почувствовать того, кто меня преследует.

— Да. Имея дар, девочка должна быть восприимчива к аномалиям мира духов и магии.

Интересно... малышка Кейла, возможно, будет когда-нибудь обладать огромной духовной силой.

— Что бы ты посоветовал?

— Кому?

— Ей, например. Чтобы развить дар и не дать школе его выбить.

— Что бы я посоветовал? — Он резко рассмеялся. — Дать выбить. Окажешь ей услугу.

Некоторое время я сидела молча, глядя под ноги. Потом подняла взгляд на него и спросила:

— Почему ты несчастлив?

— Я несчастлив? Имею деньги, ничего не делаю...

Я обвела жестом комнату.

— Все об этом говорит. Твое поведение. Следы уколов на руках. Пивные бутылки в углу. То, что ты притворяешься недовольным, а на самом деле рад меня видеть и готов помогать.

— Страдальцы друг к другу тянутся. Ты тоже не особо счастлива.

— Меня в моей жизни все устраивает, — возразила я.

— Ну и живи ею в таком случае и дай мне поспать. — Он демонстративно подошел к двери, распахнул ее. — Когда сделаю амулет, привезу.

Я хотела ответить какой-нибудь колкостью, но передумала. Вид у него и впрямь был усталый. К тому же я знала, что не ошиблась. Данте Мориарти был очень несчастлив и скрывал это при помощи цинизма и наркотиков. Что же мучило его... что омрачало душу?

— Ты скажешь мне когда-нибудь, за что тебя не любит Эрик? — спросила я тихо.

Данте указал на дверь.

— Спокойной ночи, суккуб. И сладких снов.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В день, когда нам с Мэдди предстояла вечерняя смена, мы договорились пообедать вместе. Работы в магазине в последнее время было столько, что в наши совместные смены не удавалось даже словом перекинуться.

— Мы злостные правонарушители, — заявила Мэдди, когда официант поставил перед нами две «Маргариты» — в том самом «богомерзком местечке», куда заманивали меня несколько дней назад

Питер, Коди и Хью.

— Нет, — сказала я, облизывая край бокала. Соль и лаймовый сок — воистину доказательства существования Господа. А текила — сатаны.

— До работы еще три часа. Протрезвеем. К тому же я твоя начальница, и я говорю — пей.

Мы чокнулись и выпили.

Через некоторое время она пожаловалась:

— Скучная я какая-то.

— Неправда.

— Правда. — Мэдди взяла бокал за ножку и взболтала содержимое. — Ничего не делаю со своей жизнью. Даг каждый вечер куда-то выбирается, то на репетицию, то в компанию. А я? Если не на работе, так дома, журналы читаю или телик смотрю.

— А что бы тебе хотелось делать?

— Не знаю. Много чего. Парашютным спортом заниматься, например. Путешествовать. В Южной Америке побывать хотя бы. Но это не так просто, понимаешь? Выходит за привычные рамки, в которых мне комфортно.

— Ты все это можешь на самом деле. Ты умная и талантливая. И гораздо храбрее, чем думаешь.

Она улыбнулась.

— И почему ты всегда пытаешься меня подбодрить?

— Потому что хватит трусить, — сказала я.

Я вдруг поняла, что Мэдди напоминала меня саму — в те времена, когда я еще была смертной. Мне тоже не нравилась моя внешность — из-за высокого роста. И с людьми я ладить не умела. Была резка, а это никому не нравится. С тех пор прошли века, но где-то в глубине моего существа всегда жила я прежняя.

Я махнула официанту — такому молоденькому, что вряд ли ему стоило работать в подобном месте, — и показала пустой бокал.

— Джош, не обслужишь?

Он ухмыльнулся, забрал его у меня.

— Само собой. Повторить?

— Да. Впрочем... не хочется никого обижать, но это было слабовато.

Джош насупился.

— Что, правда? Сейчас настучу бармену по шее. Пригнать его сюда, чтоб извинился на коленях?

— Не стоит, — сказала я великодушно. — Пусть просто добавит лишний глоток алкоголя.

Он отвесил поклон и подмигнул.

— Как скажете.

Мэдди, когда он отошел, застонала.

— Вот... я бы никогда так не смогла. Кокетничать, да еще и с малолеткой...

— Смогла бы.

Она покачала головой.

— Нет. Я совершенно не умею разговаривать с мужчинами.

— Но со мной-то умеешь? И даже остроумно.

— Ты не мужчина. Я тебя не боюсь.

— А официанта Джоша боишься?

— Ну... нет, конечно. Просто стесняюсь. Зажимаюсь, нервничаю.

Я наклонилась к ней и сказала заговорщически:

— Открою тебе секрет. Все стесняются. Веди себя так, словно этого нет, и будешь суперзвездой.

Тут Джош принес вторую «Маргариту», и я еще немножко с ним пококетничала. Мэдди о чем-то задумалась. И вздохнула, когда он отправился рассчитывать других посетителей.

— Ты знаешь, что я спала всего с двумя парнями?

— И что?

— А то. Мне двадцать девять. Это ли не печально?

Я подумала о своем списке. Не сосчитаешь...

— Это говорит лишь о том, что у тебя высокая планка.

Она скорчила гримасу.

— Видела бы ты тех парней!..

— Так ищи хорошего. Их много.

У меня возникло ощущение дежавю. Словно я опять разговаривала с Тауни.

— Мне они не встречаются. — Мэдди снова вздохнула. — Если Сета не считать, конечно. Он точно хороший. Только вот о свидании помалкивает.

— Да?

Я вспомнила, что собиралась его поторопить.

— Ну, вечер с племянницами не в счет же, правда? — Она пожала плечами. — Впрочем, ладно. Я понимаю, он просто решил меня спасти. И благодарна ему. Кстати... Сет сказал Дагу, что тебе нужна елка. Какие-то проблемы с покупкой... времени нет?

Я застонала.

— Опять!..

— Что... не нужна? Или нужна все-таки?

— Честно? — Я покачала головой. — Мне все равно. Это мой друг Питер приставал с елкой, а Сет слышал разговор.

Она бросила на меня настороженный взгляд.

— Вы с Сетом довольно часто видите, да?

— С хорошими парнями можно и просто дружить.

Почему-то я до сих пор скрывала правду о наших отношениях. Повинуясь инстинкту, твердившему, что так надо.

— Эх... — Мэдди допила «Маргариту». — Держу пари, со своими девушками он обходится как с принцессами.

— Ага. — Я скривилась. — Пока принцессы не начинают командовать. Мне кажется иногда, что писательство — его единственная любовь.

Мэдди, к моему удивлению, не засмеялась и не возмутилась.

— Что ж, это цена, которую приходится платить за счастье быть с таким мужчиной. Оно того стоит.

Слова ее заставили меня задуматься. Может, она права? Не слишком ли строго сужу я Сета за его рассеянность?

Покончив с обедом, мы, слегка подвыпившие, отправились на работу. И когда вошли в магазин, я подтолкнула Мэдди локтем.

— Слушай, есть предложение. Сделай на следующей неделе три авантюрных шага.

Она посмотрела на меня с испугом.

— Как это — авантюрных?

— Не знаю. — Тут я заподозрила, что я, пожалуй, пьянее, чем думала. — Для тебя авантюрных. Сходи в ночной клуб. Накрась губы яркой помадой. Неважно. Все, что я знаю, — это что потом устрою тебе экзамен, идет?

— Легко сказать. — Она нахмурилась, отворачиваясь. — Глупость какая-то. Вот так, ни с того ни с сего, возьми и сделай...

Мгновением позже я услышала голос Сета:

— Мне показалось, или ты вправду велела ей сходить в ночной клуб?

Мэдди уже отошла от меня, и я сомневалась, что она примет вызов. Увы... Я повернулась к Сету.

— Пытаюсь сделать ее жизнь ярче.

— Выпивая среди бела дня? — поддразнил он.

— Ты вроде книгу дописываешь? Позже поговорим. У меня полно работы.

Прогоняя его, угрызений совести я не испытывала, поскольку нам в любом случае предстояло вместе поужинать. Он отправился писать, и я поспешно взялась за дело. Предпраздничная горячка была в разгаре, а кое-кто из сотрудников болел, поэтому в тот день я работала не в кабинете, а за кассой. Мэдди сидела за соседней. С клиентами она разговаривала бойко, весело, и это радовало.

Перед закрытием я подошла к газетной стойке. Просмотрела заголовки, ища... сама не знаю что. Все вспоминался тот утонувший бедняга. То ли о нем хотелось узнать побольше, то ли найти что-то такое, что помогло бы разобраться с моими снами. Увы, ничего интересного в газетах я не увидела.

Ужинать мы с Сетом поехали на площадь Пионеров, где места для парковки, разумеется, не нашлось. Оставили машину в трех кварталах от ресторана и, пока шли к нему, успели замерзнуть. Прогуляться, однако, стоило — кухня в этом ресторане была каджунская, из самых моих любимых, такая острая, что согревала мгновенно. И тоуфи и суп из стручков бамии способны разогнать любое уныние.

Мы заканчивали десерт, когда зазвонил мой мобильник. Номер высветился незнакомый.

— Алло?

— Привет, Джорджина. Это Винсент.

— Привет, — откликнулась я удивленно.

— Слушай... мне нужно с тобой поговорить. Не по телефону. Мы можем встретиться?

— Сейчас?

— Да... это важно.

Я взглянула на Сета, доедавшего хлебный пудинг. Судя по его довольному виду, вряд ли он стал бы возражать против прихода Винсента.

— Я сейчас с Сетом...

— Отниму всего несколько минут, — пообещал Винсент.

— Ладно.

Я объяснила, где мы. Он сказал, что будет скоро. И не обманул. Не успела я объяснить Сету ситуацию, как Винсент уже появился в ресторане.

— Ты прилетел, что ли? — спросила я, когда он подсел к столу.

— Нет, просто был рядом. — Он посмотрел на остатки десерта. — Выглядит неплохо.

— И на вкус было неплохо, — кивнула я. — Ну, так в чем дело?

Он бросил взгляд на Сета.

— Не переживай. Сет все знает.

Тут нам принесли сдачу. Винсент повернулся ко мне.

— Хорошо. У меня к тебе всего один вопрос. Можем обсудить его на улице.

И мы снова вышли на холод, уже вдвоем, и зашагали к машине.

— Ты помнишь историю, — начал Винсент, — которую рассказывала мне на днях? О копе, застрелившем напарника?

— Да.

— Откуда ты об этом узнала?

Я молчала некоторое время, пытаюсь сообразить.

— Забыла. Наверное, по телевизору слышала. Или в газете прочитала.

— Точно?

Я нахмурилась.

— Нуда.

Винсент вздохнул.

— Понимаешь, какая штука... об этом нигде не сообщали. Я решил уточнить подробности, и... пришлось побеседовать с самими полицейскими.

— Наверняка сообщали. Иначе как бы я узнала?

— Это-то я и стараюсь выяснить.

Я снова задумалась. И вправду, как?... Рассказывая эту историю Винсенту, я ее просто знала. Но откуда? Не вскочила же она мне в голову сама, ни с того ни с сего?

— Может, у тебя есть знакомые в полиции? — попытался помочь он.

— Если и есть, я ни с кем не говорила. Может, случайно услышала. Не помню, честное слово... ума не приложу.

— А что за история? — поинтересовался Сет.

И тут кусочки головоломки сложились. Я вдруг сообразила, что с полицейским произошло то же самое, что и с парнем, который переплывал пролив. Им примерещилось нечто, чего на самом деле не было, а потом они сами это сделали. И обе истории стали мне известны прежде, чем я могла о них услышать.

— Джорджина, — напомнил о своем вопросе Сет.

— Ну, коп сошел с ума в магазине и начал...

— Стоять! — приказал вдруг кто-то. — Ни шагу дальше.

Мы резко остановились. Оживленная площадь осталась позади, на улице было темно. Из-за угла вынырнул человек, такой грязный и оборванный, что Картер рядом с ним показался бы образцом элегантности. И направил на нас пистолет.

По статистике, уличный грабеж в Сиэтле — дело редкое. Но цифры ничего не значат, когда становишься его жертвой...

— Гоните все, что есть, — прорычал этот тип.

Глаза у него были вытаращены, вид безумный.

Я заподозрила, что он и впрямь не в себе. Но это тоже ничего не значит, когда в руках у человека пистолет, а у тебя его нету.

— Все гоните — бумажники, драгоценности. Иначе выстрелю. Клянусь Богом, выстрелю.

Я сделала шаг вперед — крошечный, чтобы не насторожить парня, но оказаться на линии огня, прикрыв собой Сета и Винсента. Опасность грозила только им. В меня стреляли и раньше. Больно, но не смертельно.

— Хорошо, хорошо, — сказала я тихим, успокаивающим голосом, открывая сумочку. — Все, что хочешь.

— Быстрее, — рявкнул он.

Дуло пистолета смотрело сейчас на меня, и это было замечательно.

Я слышала, как зашевелились у меня за спиной мужчины, доставая бумажники. Подумала с болью, что придется отдать кольцо Сета — в тот вечер я повесила его на цепочку и надела на шею. Но плата была невелика. Лишь бы все вышли невредимыми.

Вдруг боковым зрением я заметила движение. В следующий миг Сет — остановить я никак не успела бы — метнулся к грабителю и придавил его к стене дома. В жизни не думала, что он умеет драться, но смотрелось это впечатляюще. И было, к несчастью, абсолютно лишним.

Мы с Винсентом бросились на помощь одновременно. Руку с пистолетом парень опустил, но начал отбиваться с медвежьей свирепостью. Я пыталась вырвать у него пистолет. Все это, казалось, тянулось вечно, хотя на деле заняло несколько мгновений.

Потом грохнул выстрел.

Мы трое замерли. Парень, воспользовавшись замешательством, вывернулся и бросился бежать. Я вздохнула с облегчением.

— Джорджина... — сказал Винсент.

Сет осел наземь. И тут я увидела кровь. Темную, отливающую блеском в водянистом свете фонарей... все его левое бедро было залито ею. Лицо бледное, глаза широко раскрыты...

— Господи.

Я упала на колени, пытаюсь разглядеть рану. Крикнула Винсенту:

— Звони девять-один-один!

Опередив меня, он уже нажимал кнопки на мобильнике. Я слышала, как он начал быстро говорить что-то, но слов не разбирала, занятая Сетом. Кровь лилась не переставая.

— Боже, боже. — Я сорвала пальто, прижала к ране, надеясь замедлить кровотечение. — Только не умирай. Пожалуйста... не умирай.

В глазах его стояли одновременно нежность и мука. Губы разлепились, но сказать он ничего не смог. Подняв пальто, я посмотрела на рану. Винсент присел на корточки рядом.

— Кровь не останавливается... — простонала я.

— Бедренная артерия перебита, — пробормотал Винсент.

Я бы и сама это поняла, если бы не была так напугана. За тысячу с лишним лет я хорошо изучила человеческое тело и знала, что для него смертельно опасно.

— Он истечет кровью. — Я снова попыталась зажать рану. — Раньше, чем они приедут. Чертова пуля...

Винсент глубоко, судорожно вздохнул. Затем тронул меня за руку.

— Убери пальто, — сказал тихо.

— Надо замедлить кровотечение...

Он, не слушая, осторожно отвел мои руки в сторону.

Кровь была всюду. И как будто курилась паром в морозном воздухе. Винсент, не боясь вымазаться, положил руки на бедро Сета. Я открыла рот, собираясь что-то сказать, но тут же забыла об этом. Воздух вокруг начал потрескивать, кожу закололо как иголочками. Сета омыло волной белого света. От Винсента пахло вдруг лавандой, речной сыростью. И кое-чем еще... век бы мне этого не чувствовать.

Затем все прошло. Винсент убрал руки, и, когда я взглянула на рану, кровь больше не текла.

— Извини, — выдохнул Винсент. — Не слишком-то я хороший целитель... если продолжу, меня почувствуют. Но до приезда «скорой» он теперь продержится.

Вдали уже слышался вой сирен.

Сердце у меня заколотилось. Окружающий мир куда-то отодвинулся. Сколько лет, по словам

Винсента, он знал Ясмин? Пятнадцать? Много... очень много. Сейчас он выглядел от силы на тридцать. И значит, в момент встречи был еще ребенком. Немыслимо. Как невысказанное исцеление, которое он совершил у меня на глазах.

Впрочем, это были мелочи по сравнению с тем, что я уже успела понять несколько мгновений назад. Когда он убрал защиту, и я почувствовала излучение.

У каждого бессмертного оно уникально. И в то же время обладает характерными признаками, позволяющими понять, кто перед тобой — суккуб, вампир, ангел или демон.

Излучение Винсента выдало его с головой.

«Меня почувствуют».

«Скорая» вывернула из-за угла. Я взглянула на Винсента. Такими же широко открытыми глазами, как у Сета.

— Ты — нефилим...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Врачи в больнице сказали, что Сета спасло чудо. Как оно и было на самом деле.

Полицейские сочли его действия несколько необдуманными, но доблестными. Конечно, он ведь защищал красивую девушку, и, поскольку его не убили, все расценивали это как подвиг. Все, кроме меня. Признаться честно? На мой взгляд, это была глупость. Это была великая глупость, и я пришла в ярость. Что там в ярость — я попросту взбесилась. О чем он думал?

— Я не думал, — ответил Сет слабым голосом, когда я задала ему этот вопрос в приемном покое.

Все как раз вышли куда-то, мы остались вдвоем. Он лежал в кровати, бледный, но живой. И относительно здоровый.

— У парня был пистолет. Он целился в тебя.

Я хотела было разгромить в пух и прах эти жалкие рассуждения, но тут снова появился врач и занялся Сетом, и я поспешила выйти — чтобы не наговорить лишнего, о чем потом пожалею. Пусть он и вел себя как идиот, но все же находился сейчас в больнице с тяжелым ранением. Головомойка в таких случаях не лучшее лечебное средство...

В коридоре я увидела Винсента, с которым уже поговорили полицейские. Он стоял, прислонясь к стене, сунув руки в карманы. И смотрел в потолок с унылым видом.

— Привет, — сказала я, держась на всякий случай на безопасном расстоянии.

Винсент посмотрел на меня.

— Привет. Как он?

— Прекрасно... насколько это возможно. Врачи в изумлении.

Винсент промолчал. Отвел взгляд, уставился безучастно в никуда.

Я тоже не знала, что сказать дальше.

«Так ты нефилим? И каково тебе живется?»

Каково — я, в общем-то, догадывалась. Ужасно. Нефилимы — потомки людей и ангелов. Тех ангелов, что стали из-за этого демонами. Спать со смертными и оставаться в небесной команде невозможно. Так пал в свое время Джером. И самым несправедливым мне казалось то, что за нефилимами охотились, убивая их, и ангелы, и демоны — даже собственные родители. Ад и рай равно считали их крайне опасными. Чему немало способствовали буйный нрав и необузданность, присущие обычно нефилимам.

И, поскольку их всегда преследовали, нефилимы вынуждены были скитаться по земле и скрывать свои силы — не уступающие силам небесных родителей — и излучение, способное выдать бессмертное существо. Я хотя и жалела их, но безмерно боялась. Многие нефилимы ненавидели и ангелов, и демонов, и прочих бессмертных заодно. Как Роман, сын Джерома, который появился в Сиэтле несколько месяцев назад и начал убивать всех подряд.

Винсент вполне мог оказаться из их числа.

— Ясмин... знает? — спросила я наконец.

— Конечно.

Сказано это было тем же тоном, каким он рассказывал об их отношениях. Подразумевавшим — как она может не знать? Мыслимо ли утаить что-то от того, кого любишь?

— Это ее убивает, — добавил он со вздохом. — Разъедает изнутри.

— Ты имеешь в виду свое... э-э-э...

— Нет. — Глаза у него были такие печальные, что я на миг забыла о его принадлежности к расе могущественных психопатов. — Мое происхождение ее как раз не волнует. Другое мучает — то, что она вынуждена молчать. Лгать ангелы не могут, ты знаешь... но она и правду сказать не может. Чувствует себя предательницей, и из-за этого ей плохо. И мне плохо, потому что ей плохо. Я даже пытался как-то раз... прекратить все это, но она никогда меня не оставит, поскольку...

— ...любит, — закончила я.

Винсент пожал плечами.

— Сочувствую, — сказала я, и впрямь сочувствуя всем сердцем.

Беда... любовь Ясмин и так-то была для нее опасна, но любовь к одному из самых презираемых существ в мире... ох. Это совсем другое дело. Ей полагалось доложить о Винсенте кому следует, а не скрывать его тайну...

— Кому расскажешь? Картеру, Джерому?

Я посмотрела ему в глаза. Скорбные, полные такой печали, такой любви...

Страх прошел. Это был не Роман.

— Никому, — ответила я тихо. — Никому ничего не расскажу.

Взгляд его сделался недоверчивым.

— Почему? Ты знаешь, кто я. Если промолчишь, могут быть неприятности.

Я немного подумала.

— Потому что мир — долбаный.

И отправилась обратно к Сету.

Когда же позднее снова выглянула в коридор, Винсента там не оказалось. И дома, вернувшись, я его тоже не увидела.

На следующее утро Сета из больницы выписали, но на работу я не пошла, осталась с ним.

— Ни к чему нянчиться со мной, Фетида, — сказал он, как всегда, мягко.

Однако чуть заметное раздражение в его голосе я все-таки расслышала.

— Чувствую я себя прекрасно. Не рассыплюсь.

Мы сидели на диване в гостиной, он — с ноутбуком, я — с книгой. Услышав это, я ее захлопнула. Мне многое хотелось ему сказать. И то, что «рассыпаться» он может, поскольку смертен. И то, что рвалось у меня с языка в больнице. Но и теперь я сдержалась.

— Тебе нельзя напрягаться, — только и сказала я. — И я хочу быть уверена, что ты не повредишь себе каким-нибудь резким движением.

— Ах да. Я же обычно ношусь по квартире...

Ирония его была оправданна. Обычно он сидел целыми днями и писал. И вряд ли с ним при этом что-то могло случиться. Но я упрямо продолжала:

— Все равно нужно побережись. В тебя вчера стреляли, помнишь? Это тебе не на катке упасть.

— Ты и тогда слишком разволновалась.

— По-твоему, я не должна о тебе беспокоиться?

Он вздохнул, снова уткнулся в ноутбук. И у меня возникло чувство, что не одна я здесь стараюсь не вспылить.

Так мы провели почти весь день. Говорили мало. Стоило ему чего-то захотеть, я тут же вскакивала и приносила — еду, питье. Как нянька и служанка в одном лице. К обеду терпение Сета начало, судя по всему, иссякать.

— Твои друзья вечером ничего не затевают? — поинтересовался он.

— Хочешь меня выпроводить?

— Нет, просто спрашиваю.

— В карты они играют.

— Не пойдешь?

— Лучше с тобой побуду.

— А то сходила бы...

— Не хочю тебя оставлять. Вдруг что-то понадобится.

— Тогда возьми меня с собой.

— Что? — воскликнула я. — Тебе нельзя...

— ...напрягаться, знаю. Бережись надо. Но я, честно говоря, уже слегка озверел от затворничества; Да и тебе развлечься не мешает.

— Джорджина, — перебил он. — Разницы-то никакой. Точно так же сядем и будем сидеть, разве что...

— В компании поприятней?

— Я имел в виду не это.

Мы еще немного попрепирались, и я все думала — когда же мы успели дойти до жизни такой? Была любовь до головокружения. А теперь — ворчание и придирки. Как случилось, что мы начали друг друга раздражать? В кино опасные приключения героев, наоборот, сближают...

В конце концов я уступила, и мы поехали к Питеру и Коду. Там оказались еще Хью с Картером, и все, увидев нас, удивились, поскольку Сета нечасто удавалось заманить в компанию. Общение, даже с бессмертными, его не слишком привлекало. Но играть в карты он любил. Ему доставляла удовольствие всякая аналитическая деятельность, к тому же карты особых разговоров не требовали.

Не успели начать игру, как явился еще и Нифон. Мы обменялись короткими недобрыми взглядами и перестали друг друга замечать.

Разговор, само собой, зашел о вчерашнем происшествии.

— Ради нее ты бросился на дуло пистолета? — восхищенно спросил Питер.

— Ну... — Сет слегка смутился, когда на него устремились все взгляды. — Я, скорее, пытался его оттолкнуть.

— В смысле — обезоружить парня?

— Нет... оттолкнуть пистолет. А обезоружить... не знаю даже, как это делается.

— Я думал, ты, чтобы описывать драки, брал какие-нибудь уроки, — сказал Питер.

Сет покачал головой.

— Ни разу в жизни не дрался. До вчерашнего вечера.

— Потрясающе, — сказал Код. — Рискнул жизнью во имя любви.

Пока вампиры восхваляли «подвиг» Сета, я смотрела на них с удивлением. Потом, когда они стали выпрашивать у него подробности, снова начала злиться. Нифон, сидевший через стол, слушал и ухмылялся. По лицу Картера, как всегда, было не понять, о чем он думает. И не будь я так возмущена историей с Сетом, меня, пожалуй, заинтересовало бы, почему он здесь, а не с остальными ангелами. Но на странное поведение Хью я внимание все-таки обратила. Он сидел молча и, похоже, злился не меньше моего — вместо того, чтобы восторгаться вместе с вампирами героизмом Сета. С каменным выражением лица он уставился в карты.

— Парень наверняка был пьян, — заявил Питер. — Поди знай, чем все могло кончиться. Ты поступил круто, как подумаешь...

Тут я не выдержала.

— Ты поступил глупо!

Все мгновенно развернулось ко мне, но я смотрела только на Сета.

— Как последний дурак и идиот, и... и... — Больше у меня синонимов не нашлось. — Не нужно было этого делать. Со мной ничего не случилось бы. Меня он не мог убить. Зачем ты влез, спрашивается?

Чего я никак не ожидала, так это того, что тихий, сдержанный Сет ответит мне взглядом не менее яростным.

— Джорджина... на темной улице стоял человек с пистолетом. И целился в тебя. Ты всерьез думаешь, что я способен был в тот миг рассчитывать, как мне поступить?

«Ну, что мы имеем? Она — бессмертна. Значит, если в нее выстрелят, то и ничего страшного»...

— Да, — прорычала я. — Именно так тебе и следовало думать.

— А я думал: «Женщине, которую я люблю, угрожает опасность. Я скорей умру, чем позволю, чтобы с ней что-то случилось».

— Но со мной ничего не случилось бы!

— Основной человеческий инстинкт — защищать тех, кого любишь. Даже если они бессмертны.

— Глупость полнейшая!

— Ты забыла, как это бывает, потому что давно не человек, — огрызнулся он.

Меня словно ударили.

Я вскочила и ушла в ванную. Из глаз брызнули гневные слезы, не хотелось, чтобы друзья их видели. Прижавшись лбом к зеркалу, попыталась успокоиться. Глубоко подышала, посчитала до десяти. Не помогло.

Сета я понять была не в силах. Совершенно. Он меня, видимо, — тоже. Но почему? Для меня

выстрел — хоть в грудь, хоть в голову — был пустяком. Да, боль причинил бы сильную. Но уже через день-другой я оправилась бы. И жила дальше. А он — нет. Как он этого не понимает? Того, что смерть — это навсегда?

Я крепко зажмурилась, пытаюсь отогнать видение мертвого Сета. Холодного. Неподвижного. Карие глаза погасли. Рука никогда больше не ответит на мое пожатие... Слезы подступили снова, и я с трудом загнала их обратно. Еще раз глубоко подышала. И пришла в себя наконец достаточно, чтобы вернуться к остальным. Но когда вышла из ванной и свернула в кухню, до меня донесся громкий гневный голос.

Хью... Я остановилась.

— Да, смело, не спору. Благородно. Героически. Хоть золотую звезду вручай. Но она права. Это было глупо. Невероятно глупо, и ты и впрямь дурак, если не понимаешь этого.

— Понимаю, — сказал Сет устало и раздраженно. — Я мог умереть. Все понимаю. Но в тот момент меня это не волновало. Я думал о ней.

— Нет, — возразил Хью, — не думал ты о ней. Мне уже осточертело слышать, как тебе, бедненькому, нелегко приходится. Все только и талдычат, какой ты молодец, выдерживаешь эти непростые отношения с ней... Но объясните мне, что в них такого уж тяжелого? У тебя красивая, потрясающая подружка, которая не стареет. Она любит тебя. Да, вы не можете спать друг с другом. Так что, это — конец света? Она не запрещает тебе спать с другими. Сдается мне, не больно-то ты и страдаешь.

— К чему ты это говоришь? — спросил Сет.

— К тому, что страдает на самом деле она. Для нее твоя жизнь — словно бомба с запущенным часовым механизмом. Сколько тебе осталось, лет пятьдесят от силы? Если болезнь не унесет раньше или несчастный случай. Пятьдесят лет — и ты уйдешь. Каково ей сознавать ежечасно, что твоя жизнь может угаснуть в одно мгновение... вот так? — Я услышала, как Хью щелкнул пальцами. — И тебя не станет. Ей предстоит увидеть, как ты постареешь, станешь седым и дряхлым, умрешь наконец... и как-то после этого жить.

Наступила тишина. Потом Сет сказал неуверенно:

— Пятьдесят лет — ничто в сравнении с бессмертием. Когда-нибудь она забудет меня.

— Бессмертие означает только, что ей дольше придется горевать. Если бы ты о ней и впрямь думал, давно прекратил бы этот дурацкий роман. Не начал бы его вовсе. Она-то колебалась сперва. Но раз уж впуталась, не бросит тебя. Будь ты распоследним идиотом, не бросит — с ее-то романтическими идеалами. Она любит всем сердцем... и страдает всем сердцем.

Снова стало тихо. И я заставила себя наконец войти в комнату. В мою сторону никто не взглянул. Кроме Нифона — он наслаждался происходящим.

Я села за стол, и мы начали играть. Вяло, без малейшего интереса. Обстановка была натянутой, разговор не клеился. Все усердно делали вид, будто ничего не случилось. Но стоило Питеру намекнуть, что он устал, мгновенно сорвались с мест.

Когда я надевала пальто в прихожей, ко мне подошел Картер.

— Сет имеет право на собственный выбор, — тихо сказал ангел.

Посмотрел на меня тем особенным взглядом, от которого по спине всегда бежали мурашки. И который чертовски не сочетался с его кошмарной бейсболкой. Вечно на нем были какие-то замызганные шапки...

— Злись, не злись, но в конечном итоге смертные все равно проживают жизнь согласно своему выбору. А не нашему. И помешать им мы не можем.

— Еще как можем, — сказала я. — И твои коллеги постоянно занимаются этим. И мои. Это же суть битвы небес и ада — наше намеренное вмешательство в жизнь людей.

— Да, но здесь другое.

— То же самое.

Тут за его спиной я увидела Нифона, который что-то говорил Сету. Прекрасно. Наверняка предлагал продать душу. Чего-чего, а этого я никак не могла допустить. Поэтому быстро сказала Картеру:

— Извини, мне пора. Передавай привет своим деловым ребяташкам, когда увидишь.

Потом оттащила Сета от Нифона, и мы уехали.

Я думала, что хуже, чем за игрой у Питера, быть уже не может. Но ошибалась, как выяснилось. До поездки в гости Сет собирался переночевать у меня. В машине же вдруг спросил:

— Ты не против подкинуть меня домой? Хотелось бы сегодня еще немного поработать. Итак... мы по-прежнему делаем вид, будто все в порядке. Не сводя глаз с дороги, я натянуто улынулась.

— Конечно. Нет проблем.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Войдя тем вечером в дом, я увидела, что домовая контора еще открыта, и удивилась. Обычно работавший там парень уходил в обед. Увидев меня, он просиял, отодвинул в сторону газеты, за которыми коротал сверхурочные часы.

— Мисс Кинкейд! У меня для вас кое-что есть.

Я озадачилась было. Потом вспомнила про почтовые уведомления — их накопилось уже три штуки.

— Ах да, — сказала я. — Извините, что до сих пор не забрала посылку. Все забываю.

Он уже шуршал чем-то у себя за окошком. И выложил на стойку огромную коробку как раз в тот момент, когда я подошла. Надпись на ней оказалась ко мне вверх ногами, но я все же прочитала: «Рождественское дерево. Австрийская сосна».

— Черт, — пробормотала я. — Кто же это додумался...

Тут на стойке появилась еще одна коробочка, поменьше, с изображенной на крышке «Декорированной оптоволоконной елью». За ней — третья, размером почти с «австрийскую сосну». И четвертая, два на два фута. Две последние были упакованы в блестящую зеленую бумагу с таким искусством, каким на Земле владело лишь одно существо — Питер.

Парнишка окинул взглядом все четыре.

— Вы, видно, любите Рождество.

— Ох... я думала, все уведомления — об одной посылке.

— Нет. Каждый день — новая. Вам помочь донести?

Мы вдвоем дотащили их до квартиры, сложили на пол в гостиной. Я поблагодарила парня, он ушел. Тут же появилась Обри и принялась расхаживать по коробкам.

— Целый ельник, — раздался вдруг голос у меня за спиной.

Я подпрыгнула, оглянулась.

Ясмин.

— Никогда больше так не делай! Хватит, Картер вечно подкрадывается и пугает...

— Извини, — сказала она смущенно. — Я не нарочно. Просто как раз вошла...

Ясмин наклонила голову и стала разглядывать надписи на коробках. Одета она была в джинсы и свитер, черные волосы собрала в хвост, отчего выглядела на семнадцать.

— Зачем тебе столько?

Сняв пальто, я со вздохом рухнула на диван.

— Да это Питер... пустил слух, будто мне нужна елка, потому что прошлогоднюю сжег Картер. Вот все и решили, видно, сделать доброе дело.

— Постой, — сказала она. — Елку сжег Картер?

— Да... это длинная история.

— Он, похоже, раскаялся.

Ясмин показала на коробку с оптоволоконным деревцем. На боку ее мелким неразборчивым почерком было нацарапано:

Джорджи... надеюсь, понравится. Украшать не требуется!

К.

Р. С. Огнеупорная!

— Хм, — сказала я. — «К» может означать и Коди.

— Нет. Эти каракули мне знакомы. Картер.

— Ну, ладно. Ангел, стало быть, искупил вину. От кого же остальные?

И мы начали это выяснять. Коробки в одинаковой зеленой обертке и впрямь оказались от Питера. В большой была очень красивая и очень дорогая елка, с хвоей цвета «зимний мшисто-зеленый»,

присыпанной серебряными блестками. В маленькой обнаружились набор игрушек и гирлянда, в пурпурном и фиолетовом тонах. Украсить его подарок самостоятельно Питер мне, видимо, доверить не мог...

Австрийскую сосну прислали работники книжного магазина.

«Сюрприз! — гласила вложенная карточка. — Поучаствовали все! Ты больше не Скрудж!»

Подписана она была действительно всеми, в том числе и Сетом.

Я посмотрела на грудку коробок.

— Рождественское чудо. Не было, не было ничего, и вдруг — лес.

— Вот и хорошо, — сказала Ясмин. — Давай помогу установить.

Я взглянула на нее удивленно.

— Ты разве не к Винсу пришла?

Она покачала головой.

— Нет, с тобой поговорить.

Вот те на...

Елки мне после такого заявления ставить совсем не хотелось, но, раз уж этого желало существо куда более могущественное, чем я, пришлось. Проще всего было справиться с подарком Картера. Его я поставила на подоконник, под которым имелась розетка, подключила. Оптоволоконная хвоя засияла поочередно бледно-розовым, фиолетовым, зеленовато-голубым и белым.

— Боже, — сказала я. — Прямо как лавовая лампа.

— А мне нравится, — заявила Ясмин. — Довольно смело.

Вид у нее был на удивление радостный и взволнованный. Словно у ребенка на утро после Рождества. Казалось бы, столько елок, столько праздников должна была повидать за свою жизнь... но, похоже, так и не привыкла.

— Давай теперь поставим эту, благопристойную. — Она показала на елку Питера.

И, когда мы развешивали фиолетовую гирлянду на «зимних мшисто-зеленых» ветках, наконец приступила к делу.

— Винсент мне все рассказал. — Ясмин помолчала, закрепляя петлю. — Я рада, что твой друг в порядке.

— Я тоже. Повезло ему. Не будь там Винсента...

Мы еще помолчали. Я терялась в догадках, зачем ей этот разговор. Боится, что я открою кому-нибудь их тайну? Но не станет же она угрожать переломать мне ноги, чтобы я не проболталась? И вдруг поняла — ей нужно утешение. Мысль была безумная и пугающая. Ангел. Тот, кто дарит надежду и душевный покой. Тот, кого молят об утешении все остальные. Здесь, передо мной... ищет поддержки у адского создания.

— Повторяю, — сказала я, — то, что говорила Винсенту. От меня никто ничего не услышит.

— Верю. — Вид у нее стал сконфуженный. Ангела не обманешь — они знают, правду ли им говорят.

— Но не понимаю. Почему?.. Ведь у тебя будут большие неприятности, если твое начальство — тот же Джером — обо всем узнает.

Верно. И Винсент об этом предупреждал.

— Ваша сторона просто взбесится.

— А ваша — нет? Простит, если узнает? — спросила я.

Она отвела взгляд, подвешивая розового стеклянного голубка.

— Послушай, — сказала я. — Да, я работаю на ад. Но почему-то не испытываю удовольствия от чужих страданий. Особенно от ваших... вы оба мне нравитесь. Я не хочу, чтобы у вас были неприятности. И не считаю ваши отношения не имеющими права на существование. Опасными — это да...

— С какой стороны? Любовной или нефилимской?

Я пожала плечами.

— Рискованно и то и другое.

Ясмин улыбнулась.

— Ты очень спокойно рассуждаешь о нефилимах. Большинство наших готовы бежать куда глаза глядят.

— Я знала одного. — Я повесила на ветку сверкавший блестками фиолетовый шар. — Встречалась с ним. Он был очень страшен, это правда. Убивал из мести. Но по большому счету... не

знаю. Не такое уж он и чудовище. Не его вина, что он родился нефилимом.

Роман был сейчас далеко, и это радовало. Он представлял собой слишком большую угрозу и для меня, и для всех, кого я любила. И все же в нем было что-то притягательное. Почему мы и встречались, пока не грянул гром. Я понимала его усталость от вечных игр, которые ведут небеса и ад. Его желание от них освободиться. Он предлагал мне бежать с ним. И я до сих пор жалела иногда, что не сделала этого.

— Да, — сказала Ясмин. — Они не виноваты, что родились нефилимами. Но их существование напоминает нам о нашей вине... нашей слабости.

Она раскрыла ладони, заглянула в них, словно в поисках какого-то ответа.

— Высшие бессмертные не желают признавать свою слабость. — Ясмин со вздохом опустила руки. — Ангелы в особенности. Гордыня, наверное. Никто не совершенен... кроме нас — как нам нравится думать. Мне нужно было все это прекратить. Давно.

Я вскинула голову.

— Но ты же его любишь.

— Иногда любить означает делать то, что окажется благом в конечном итоге. Не то, что хочешь, а то, что нужно.

— Допустим. Но прекратить... это уж слишком. Должна быть какая-то возможность...

Тут дверь открылась и вошел Винсент. Ничуть не удивился, увидев нас вдвоем, — конечно, издалека почувствовал наши ауры. Взгляд его встретился со взглядом Ясмин, и в комнате словно сверкнула молния. Оба засветились так, что мой суккубовский ореол, как мне показалось, не шел с этим ни в какое сравнение.

Увидев мой святочный лес, Винсент удивился. Но тоже поспешил на помощь и радовался, наряжая елку, не меньше, чем Ясмин. Друг к другу они не прикасались, тем не менее, как и в прошлый раз, близость между ними была заметна. Взгляды, интонации... никаких прикосновений не надо. Она просто бросалась в глаза, и я только диву давалась, как могли ее не замечать остальные ангелы. Может, из-за гордыни, которую упомянула Ясмин? Самонадеянно полагая себя совершенством, к недостаткам друг друга они были слепы. А я, всю жизнь игравшая на чужих слабостях, знала, где и что искать...

Елку Питера мы нарядили, и для последней, присланной из магазина, я достала прошлогодние украшения — те, что не погибли в огне. И, когда мой лес превратился наконец в райский уголок, Ясмин с Винсентом попрощались со мной и ушли. Что за божественная миссия привела их в Сиэтл, я по-прежнему понятия не имела, но уж важной она должна быть в любом случае. И казалось несколько странным, что они отвлеклись от нее ради того, чтобы украсить мой дом.

Убирая коробки, я думала о словах Ясмин. Любить — значит делать не то, что хочешь, а то, что нужно... так было, в общем-то, и у нас с Сетом. Хотелось заниматься любовью. Но нужно было воздерживаться.

Еще я думала об Эндрю, священнике, который был таким невероятно добрым и причинил мне столько боли. Неделю не вспоминала, но сейчас, пока руки бездумно занимались уборкой, в памяти вновь начали всплывать видения прошлого.

Он оставался бастионом непорочности, как я ни старалась. Это меня и огорчало, и забавляло. Тогда я еще не понимала, что мне попросту хорошо рядом с ним. Поняла много позже. Постепенно меня стал интересовать он сам, а не очередная победа на сексуальном фронте. И было ясно, что он тоже ко мне неравнодушен.

...Однажды мы поссорились. Тот ясный, солнечный день запомнился мне навеки. Я отправилась повидать Эндрю и нашла его в огороде при церкви. Устроилась в стороне, оберегая от грязи желтое шелковое платье, подаренное епископом. Эндрю стоял среди грядок на коленях и, не беспокоясь о чистоте, усердно возделывал скромный церковный надел.

— Почему вы этим занимаетесь? — спросила я. — Разве больше некому?

Он улыбнулся, шурясь от яркого света.

— Ничто не сравнится с удовольствием делать что-то своими руками.

— Ну, если так...

Некоторое время я сидела молча, наблюдая за его работой, любясь мирным, золотым днем и прислушиваясь к привычным уличным звукам. Мне нравился этот маленький городок. Став суккубом, я жила чаще всего в больших и шумных поселениях и здесь отдыхала от суеты. Хотя и знала, что заскучаю рано или поздно и отправлюсь в какое-нибудь местечко пооживленной.

Потом я вновь обратилась к Эндрю:

— Из Кэдвелла вернулся Томас Пивовар. Говорит, и там уже заболевают.

Он кивнул.

— Везде заболевают. Почти во всех западных городах.

— Вы не боитесь?

Эндрю пожал плечами.

— Будь что будет. Божью волю изменить никто не в силах.

Я поморщилась. Успела уже послушаться о болезни, которую впоследствии назовут черной чумой. Быстрое развитие. Чернеющая кожа. Опухоли. Видеть вокруг больных не хотелось, хотя сама я заразиться не могла.

— По-моему, Бог не так милосерден, как вы утверждаете в проповедях. Раз насылает подобное на свой народ.

— Это испытание, Сесили. Бог всегда нас испытывает. Чтобы сделать сильнее.

— Или мертвее.

Он промолчал.

— Что вы будете делать, если болезнь придет сюда? — не унялась я. — Джефффри уедет. Вы тоже?

Он удивленно поднял темные брови, словно я спросила, не погаснет ли завтра солнце.

— Нет, конечно. Джефффри — епископ... он должен... то есть, я хочу сказать, он поступит так, как велит ему долг. А я... Мой долг — служить людям. И я буду им служить. Ухаживать за ними, если заболеют.

Я вмиг забыла об иронии. Вскочила в изумлении, шагнула к нему.

— Вы с ума сошли? Забыли, что от этой болезни не излечиваются? Сделать можно только одно — обратиться отсюда, и пусть все идет своим чередом!

И так оно и было. Жестокий способ, но — как я сказала Лиаму на аукционном свидании — единственный, которым люди спасались от эпидемий. Некоторые оставались, конечно, и заботились о других. Но обычно в разгар эпидемий людьми руководил только страх, порождаемый невежеством, и простейшим решением они считали оставить как можно большее расстояние между собой и болезнью.

Эндрю тоже поднялся, посмотрел на меня. Взгляд его был раздражающе безмятежным. Мудрым.

— Всяк должен делать то, что должен. Мое место — здесь.

Я пылко схватила его за руки, не думая в тот момент ни о каком обождении. Он удивился, но не отнял их.

— Это глупо, — сказала я. — Вы не сможете победить болезнь. Умрете... а я... даже думать об этом не хочу.

— Тогда уезжай. С Джефффри. Или... в монастырь. Чужих туда не пускают, ты будешь в безопасности. Я нахмурилась.

— Вы опять...

— Я желаю тебе добра. — Он высвободил руку, коснулся моего подбородка. — Хочу, чтобы ты не пострадала. Вот и все.

Тут только я сообразила, как близко мы стоим. Жар, исходивший от наших тел, соперничал с жаром солнца, лившимся с небес. Эндрю тоже понял это, вздрогнул и попытался отодвинуться. Но я, внезапно разозлившись, удержала его за руку.

— Значит, так все и кончится? Вы провели жизнь в целомудрии и бедности лишь для того, чтобы умереть среди зловонных трупов, покрытых гнойными болячками?

— Если Бог судил...

— Бросьте, — сказала я, подавшись к нему. — Оставьте это. Как вы не понимаете? Господу все равно. Он и не заметит.

— Сесили...

Договорить я не дала. Прижалась к нему всем телом, припала губами к его губам. Не знаю, случалось ли ему целоваться раньше... если нет, научился он мгновенно. С тем же пылом прильнул к моим губам, ответил лаской на ласку языка. И так он был хорош и благороден — Господи, прости меня! — что энергия вспыхнула во мне подобно солнцу от одного этого поцелуя. Влилась медовой струей упоительной сладости...

Как ни удивительно, прервала поцелуй я. Но рук не разомкнула, по-прежнему прижимаясь к Эндрю.

— Пойми же, как это глупо, — зашептала я, чувствуя на своих губах его дыхание. — Умереть,

так и не пожив. Не испробовав всего, что есть на свете... Ты и впрямь к этому готов?

Продолжая обнимать меня за талию, он несколько мгновений всматривался в мое лицо.

— Моя жизнь полна и без плотских удовольствий.

— Неправда, — сказала я. — Ты хочешь их.

— Хотеть и нуждаться — разные вещи.

Он выпустил меня из объятий, и я, не ощущая больше его тела рядом, вдруг почувствовала себя какой-то неполной. Только что мы были, казалось, единым целым, но это прошло.

— Долгая жизнь не значит ничего, если она пуста и лишена цели. Лучше прожить мало, но занимаясь тем, что для тебя важно.

— Глупец, — огрызнулась я. — Не собираюсь здесь оставаться и увидеть, как ты умрешь.

— Тогда уезжай.

И я уехала.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Работы на следующий день меня поджидало столько, что я испугалась, смогу ли вырваться из магазина вообще. Сета в кафе не оказалось, но на письменном столе у себя я нашла записку. Видно, с утра он все же заходил.

Фетида, вынужден уйти по делам, но потом хотелось бы повидаться. Скучаю по тебе, и мне не нравится, как мы вчера расстались. Приезжай, когда освободишься. Я буду дома весь вечер.

Люблю.

Сет.

У меня тоже были дела, но после этой записки я возжаждала расправиться с ними как можно быстрее. И поехать к нему...

Ближе к концу смены Мэдди завладела мной и повела в отдел книг по истории. Там она, к моему изумлению, расстегнула рубашку и оголила плечо.

— Полегче, — пошутила я. — Не слишком ли ты торопишься?..

— Смотри, — шепнула она, показывая бретельку кружевного лифчика. — Красный.

— Да, красный. — Я все еще не понимала, чего она хочет.

— Номер один.

— Что?

— Три авантюрных шага, — напомнила она. — Я купила красный лифчик.

Я изумилась еще больше.

— Ты же сказала, что это глупость?

Мэдди потупилась.

— Я так считала, правда... но потом... узнала про Сета. Про то, что с ним случилось. Ты ведь тоже там была, да?

Моя любимая в последнее время тема...

— Была.

— И как, это сильно на тебя подействовало? Я имею в виду — прямо на твоих глазах... жизнь и смерть...

— Да.

Она покачала головой, снова вскинула на меня взгляд.

— Я как услышала, меня тоже... встряхнуло. Я думала, что сделать эти смелые шаги нелегко. Но поняла вдруг, что легко. Просто нужно взять себя в руки.

Я улыбнулась.

— И надеть красный лифчик.

Мэдди вспыхнула.

— Конечно, может, у тебя все белье красное и съедобное. А я в первый раз купила не черное и не белое...

Я обуздала свое чувство юмора, улыбнулась мягче.

— Горжусь тобой. Правда.

— Не смейся надо мной.

— Я и не смеюсь. Чудесный лифчик. Трусики тоже красные?

Тут уж она смутилась по-настоящему.

— Стринги...

Я чуть не присвистнула.

— Отличная работа, солдат.

После этого Мэдди поспешила к кассе.

В следующую секунду я почувствовала излучение бессмертного. Меня тронули за плечо. И, повернувшись, я почти уткнулась лицом в огромную грудь Тауни.

О новенькой я ничего не слышала с тех пор, как сообщила по телефону, что нашла для нее работу у Саймона. Только присутствие Нифона на игре в покер и служило свидетельством, что парня она еще не заарканила.

— Джорджина!.. — взвыла она.

Нижняя губа у нее затряслась.

— Нет. — Я схватила Тауни за руку и потащила к себе в кабинет. — Только не здесь!

И едва прикрыла дверь, как услышала рыдания. Я застонала.

— Что еще стряслось?

— Вчера вечером я встречалась с парнем. Тауни упала на стул. Грудь подпрыгнули так, что чуть не ударили ее по лицу.

Я прислонилась к стене, обхватила себя руками, словно защищаясь.

— Что ж, это неплохо.

Она подавила рыдания, но поздно — тушь успела потечь. И для чего нужно так сильно краситься?

— Мы выпили, поболтали...

— И это хорошо.

— Но потом он сказал, что хочет остаться друзьями.

— Друзьями... постой. Вы только встретились, и он уже предложил дружбу?

Тауни кивнула.

— А до этого что было? Ты предлагала ему... что-нибудь?

— Да... Спросила, не хочет ли он принять со мной ванну и попробовать новый съедобный гель, который я купила, мятно-шоколадный...

— Какой?!

Она полезла в сумочку за тубиком. Я замахала руками.

— Нет, не надо мне его показывать.

— Что я сделала не так? — возопила она.

— Ну...

Я не знала, смеяться или плакать. Похоже, Тауни и в самом деле не в состоянии решить эту задачу. Никогда.

— Ты действуешь слишком уж напористо. И, честно говоря, затея с этим гелем... несколько странная.

— Я думала, мужчинам нравится.

— Не всем... А что это был за парень? Чем он зарабатывает на жизнь?

— Он кассир.

— Хм. Ну, это еще ничего...

— В «Благословенных образах».

— Где? Ты подцепила парня в религиозном магазине?

— Я хотела хорошего, — сказала она. — Где же еще его найти?

— О господи, Тауни...

Я растерялась, не зная, с чего начать. В науке обольщения столько нюансов, столько тактик и стратегий... она не имела о них ни малейшего представления, и мне казалось уже, что ее и учить-то бесполезно.

— Я нашла тебе работу в стриптиз-клубе. Зачем ты ходишь по религиозным магазинам? Стоит выступить, и парни сами к тебе придут. — Тут я забеспокоилась. — Ты же еще работаешь там?

Саймон, конечно, должен был сдержать слово, но кто знает, с его-то характером...

— Да, — буркнула она. — Но эти парни не...

— Хватит! Забудь про хороших. Тебе сейчас выбирать не приходится.

Я окинула ее взглядом. Энергия снова на исходе. Тут мне вспомнился разговор с Лиамом, и я нахмурилась.

— Слушай, Тауни... а с Ником, аукционистом, у тебя точно ничего не получилось?

Выудив из коробки на столе бумажный платочек, она громко высморкалась.

— Нет. Я же говорила. Позвонила ему, и он сказал, что не хочет.

В людях я разбиралась хорошо. Даже очень. Потому и была, собственно, звездой среди суккубов. И, глядя сейчас в ее полные слез глаза, я пыталась найти признаки того, что она лжет. Хотя какие-то. Но не нашла ни одного.

Так кто же из них лгал? Она или Лиам? И зачем? У Лиамы причины не было. А у Тауни... Что, если она сговорилась с Нифоном? Возможно, он решил мне досадить, вот и тянул время с ее помощью? Но это была опасная игра. Не настолько же ненавидел меня Нифон, чтобы решиться взбесить Джерома. А тот взбесился бы не на шутку, узнай он о тайных мотивах, по которым задерживалось обустройство Тауни.

К тому же на следующий день после того, как Лиам видел их с Ником, у нее не было характерного свечения. Энергии она не получила. Это я знала твердо.

Все мысли пронеслись у меня в голове за одну секунду. Тауни, если она и впрямь притворялась передо мной, предстояло узнать, что не только она умеет это делать. Приняв озабоченный вид, я заявила:

— Ничего не понимаю. Совершенно ничего.

— Как? — возмутилась она. — Ты моя наставница... и это все, что ты можешь мне сказать?

— Я нашла тебе работу! И чем еще помочь, не знаю. Может, выйти вместе и... Господи, прости... попробовать секс втроем...

Ничего более кошмарного я себе и вообразить не могла. Но положение было отчаянное. На лице Тауни отразились сходные чувства.

— Нет, — сказала она. — Думаю, на такое я не способна.

Я закатила глаза.

— Через век-другой будешь способна на все.

Она снова высморкалась.

— Ну, сперва я все-таки хочу сама постараться. Вот только... как ты думаешь... ты не могла бы...

— Что не могла бы?

— Сама знаешь.

— Понятия не имею. — Я и впрямь не знала, о чем она может попросить.

Тауни сглотнула.

— Поцеловать меня еще раз.

— Нет уж! Хватит и одного.

— Но... у меня почти ничего не осталось...

И она опять зарыдала.

Энергии у нее действительно почти не осталось. К утру ей грозила опасность оказаться в том же состоянии, в каком она ко мне уже приходила. На грани утраты обличья. Черт. Это было невозможно. Похоже, со мной играли, но как? И для чего? Охота Нифону взваливать на себя такую обузу, лишь бы потрепать мне нервы? Черт.

— В последний раз, — прорычала я.

Тауни притихла.

— Правда?

Я вздохнула.

— Подойди.

Поцеловала я ее с крайне неприятным чувством. Не сам поцелуй пугал, а понимание того, что я и сама приближаюсь к опасному пределу. Теперь и мне необходима доза к утру. А значит, снова надо ждать сновиденного гостя...

Набравшись сил, Тауни смогла привести себя в порядок.

— Спасибо, Джорджина! Ты лучше всех!

Бросилась меня обнимать, я отскочила.

— Не надо... иди лучше перепихнись наконец.

В этот момент в дверь сунулся Даг с каким-то вопросом. Но вроде бы не услышал, к счастью,

моего напутствия. При виде Тауни глаза его округлились. И я поспешила ее выпроводить, предупредив, чтобы не забывала, о чем мы говорили.

— У нее есть парень? — спросил Даг, таращась вслед.

— Нету, — ответила я. — Ни одного. Очень уж разборчивая.

После работы пришлось поездить еще по собственным делам. Когда я добралась наконец до Сета, он лежал на диване с ноутбуком.

— Привет, Фетида, — сказал он, отложил ноутбук и сел.

— Привет.

Я села рядом. И некоторое время мы смотрели друг на друга молча. Не то чтобы сердито, но и не слишком нежно. Скорей, задумчиво, пытаюсь понять, что у другого на уме. Потом он потянулся к вырезу моего свитера, и я вздрогнула. Сет взялся за цепочку, на которой висел его подарок. Вытянул кольцо наружу, провел пальцем по дельфину.

— На шее носишь? Как школьница?

— Ну да. Мы ведь еще и до любовных игр не дошли...

Он улыбнулся, выпустил кольцо и погладил меня по щеке.

— Увы, — вздохнул Сет, — что-то многовато мы стали ссориться, правда?

— Да. — Я откинулась на спинку дивана. — И даже уже не из-за секса.

— Я заметил. Это однообразие виновато.

— Однообразие?

Он пожал плечами.

— Ты же понимаешь. Рутинный ход событий. Мы вместе. Доверяем друг другу. Общаемся. Любовь не всегда — борьба с роковыми силами, пытающимися нас разлучить.

«Если только, — подумала я, — не принимать во внимание разницу между продолжительностью жизни смертных и бессмертных».

Почему меня так мучил страх за жизнь Сета в последнее время, я и сама не знала. Когда начали встречаться, понимала, конечно, что эта проблема существует, но только умом. Теперь же страх засел глубоко внутри. И то, что Сет был ранен, не способствовало избавлению от него. Кстати, о ранении...

— Я так и не поблагодарила тебя, — сказала я.

— За что?

— За то, что рискнул ради меня жизнью.

— Но ты...

— Ладно, ладно. Не будем в сотый раз. Умно или глупо ты поступил — неважно, главное, что храбро. И... и спасибо тебе за это.

Сет накрыл мою руку своей.

— Не за что меня благодарить.

Я встала.

— Ну, теперь, когда с сантиментами покончено, давай займемся делом. Раздевайся.

— Дел... — начал Сет. — Как раздеваться?

— До трусов.

— Мы, что же, дошли до любовных игр?

— Хватит вопросов. Раздевайся.

Я отправилась в кухню, взяла там кое-что, остальное достала из сумки, которую привезла с собой. Когда вернулась, Сет уже сидел на диване в одних боксерских трусах. Сереньких, фланелевых. Прелестно. Я поставила на пол тазик с теплой водой, присела рядом. И принялась макать туда губку и протирать Сету ступни.

Некоторое время он молчал. Потом спросил:

— Репетируешь евангельский сюжет? Кажется, там тоже кто-то омывал Иисусу ноги.

Смочив губку в очередной раз, я двинулась выше.

— Не волнуйся, — сказала я. — Превратить эту воду в вино я не потребую. Пока не закончу, во всяком случае.

И начала протирать икры. Не слишком мускулистые, с рыжеватыми волосками.

— Обычай омовения ног — старше Евангелия. Существовал у множества народов задолго до Нового Завета. Омывали ноги обычно царям, великим полководцам.

— Ты омывала ноги царям и полководцам? — шутливо удивился он.

— Да.

— Ого. Вот уж не думал, что окажусь в такой компании.

Я улыбнулась.

— Напрасно. Поэты и барды пользовались уважением не меньшим. И обращались с ними соответственно.

— О, добрые старые времена... Сейчас если нам заплатят — и то уже хорошо.

Я со всей осторожностью обтерла раненое бедро.

— Да. Но зато и голову не отрубят, если сочинение не понравится.

— Ты рецензий на мои книги не читала...

— Читала, но только хорошие.

Протерев обе ноги, я бросила губку в тазик, отодвинула его. Сет приподнялся было, но я велела сесть обратно.

— Это не еще не все.

Взяла бутылочку массажного масла, которую принесла с собой, плеснула немного в ладонь. Запахло миндалем.

— Я тебя всего лишь вымыла.

И с той же неспешностью принялась втирать масло, снова начав со ступней.

Омовение — чувственный процесс, но умщение чувственной вдвойне. Если не втройне. Подшучивать друг над другом мы перестали. Сет, затаив дыхание, следил за движениями моих рук, и, заглянув ему в глаза, я увидела в них не только удивление и возбуждение. Но и любовь... такую сильную, что невольно отвела взгляд. Английским языком он владел в совершенстве, но порой это искусство не шло ни в какое сравнение с тем, что он говорил мне глазами.

Покончив с ногами, я залезла на диван и занялась спиной и грудью. Массаж я умела делать не хуже, чем танцевать. Знала, где какие группы мышц находятся и как их следует разминать. Над Сетом пришлось поработать основательно, так он был напряжен и негибок — то ли от сидячего образа жизни, то ли от пережитого стресса. А может, от всего сразу.

Наконец я закончила. Он, не боясь перемазать маслом ни меня, ни диван, тут же откинулся на спинку и притянул меня к себе. Я прижалась щекой к его гладкой, скользкой груди, благоухавшей миндалем.

— Ах, Джорджина... — вздохнул он. — Хотелось бы мне ответить тебе тем же.

— Я притворюсь, что ответил.

Он снова вздохнул.

— Ненавижу притворство.

— Угу.

— Я не шучу. Вправду ненавижу.

Сет сказал это так горячо, что я вздрогнула. Подняла голову.

— Ты в порядке?

— Да... разве что, — он покачал головой, — немного разочарован.

— Сексуально?

— Конечно... но не только. Ты думала когда-нибудь, что мы... все-таки могли бы однажды...

— Нет, — быстро сказала я. — Никогда.

— Я бы рискнул.

— От выстрела у тебя мозги повредились.

— Выстрел заставил меня задуматься, что такое жизнь, вот и все.

Мне тут же вспомнилась Мэдди. Неужели его глупый поступок и впрямь способен действовать на других вдохновляюще? Почему я этого не понимаю... стала совсем бесчувственной? Отдалилась от людей?

— Я даже массажем тебе ответить не могу, — продолжал он. — Ты делаешь для меня так много... а что получаешь? Это ты должна быть разочарована сексуально. То, что бывает у тебя там, на стороне... неважно. Пожалуй, Хью прав. Ты страдаешь больше, чем я.

— Нисколько. Вопросы секса мне, конечно, не безразличны, но я справляюсь.

— Надеюсь, и я смогу, — сказал Сет. — В больнице мне вдруг явилась мысль, как это странно — я описываю события, которых сам никогда не переживал. У О'Нейла — роман за романом, а у меня? И один-то толком не складывается.

— Паршиво, — согласилась я. — Но рисковать... ладно. Мы знаем на самом деле, что по-другому

невозможно.

— А все остальное?

— Что именно?

Сет повернулся так, чтобы видеть меня.

— Ты вправду думаешь о моей смерти? Боишься за меня?

— Да... иногда.

— И в конце концов я причиню тебе боль?

— Нет, — ответила я бодренько. — С чего бы?

Он снова притянул меня к себе.

— Я люблю тебя, Джорджина. — Он погладил меня по волосам, пропуская пряди между пальцами. — Ты столько счастья мне даешь... я и не думал, что буду когда-нибудь так счастлив. Я хочу быть с тобой... Но только если это не принесет больше горя, чем радости. Не хочу причинять тебе боль. Не хочу, чтобы всю мою жизнь ты за меня переживала. Не хочу, чтобы ты плакала, когда меня не станет.

Горло у меня перехватило. Заплакать я была готова немедленно. Так странно и мрачно звучал его голос, что это даже пугало. Я прижалась к нему потеснее.

— Хватит, — прошептала я. — Не надо больше об этом. Не стоит.

Сет не ответил, только крепче меня обнял.

После этого разговаривали мы мало и вскоре отправились спать. В постели он положил голову мне на грудь. Я перебирала его волосы, вдыхая миндальный запах. И думала, пока он засыпал, о том, что наполняло, по его словам, жизнь смыслом. А еще — о желании и необходимости.

Что мне было сейчас необходимо, так это энергия. Тауни я отдала чуть ли не последнюю. И никоим образом не могла допустить возвращения того обличья, в котором родилась. Лаская Сета, я представила, как это было бы легко — дотянуться и поцеловать его сейчас. По-настоящему. И целовать, целовать...

Желание и необходимость.

С превеликим сожалением я выбралась из-под одеяла. Сет уже крепко спал и не заметил этого, только перевернулся на другой бок. Выходя из дома, остатки энергии я истратила на то, чтобы принять другое обличье. Жертву нашла без труда — еще раз озадачившись, что за нелепица происходит с Тауни, — и уже через два часа, заряженная, снова лежала в постели с Сетом. Устрашающего голоса не слышала на этот раз и очень была тому рада.

Вскоре я уснула.

И увидела сон.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Услышав плач, я сновиденная метнулась из кухни в комнату. Обри и незнакомая кошка, потревоженные резким движением, недовольно вскинули головы. Малышка, держась ручонкой за лобик, сидела на полу в другом конце гостиной, возле стола с острыми углами. По щекам ее катились слезы.

Я сновиденная мгновенно оказалась рядом, стиснула дочь в объятиях. Настоящая я переживала все ее чувства и чуть не расплакалась тоже, ощутив в руках пухленькое, теплое тельце. Сновиденная принялась укачивать девочку, прижавшись губами к шелковистым волосикам и бормоча что-то бессмысленное, успокаивающее. Малышка перестала плакать, положила головку ей на грудь, счастливая, что ее любят и качают.

Открыв глаза, я увидела над собой гладкий белый потолок. Сет сладко спал рядом, благоухая массажным маслом. Увиденное во сне казалось живей самой реальности. Я все еще чувствовала запах волос девочки, тепло ее тела, слышала стук маленького сердца. И тосковала по ней так, что не сразу вспомнила об энергии, взятой ночью. Которая вновь исчезла. Это уже становилось настоящей проблемой.

Осторожно, чтобы не потревожить Сета, я отодвинулась и села. Задумалась, что же мне делать, и тут обнаружила в своем сознании некую неотвязную мысль.

Об Эрике. Ничего особенного. Ничего конкретного. Просто его лицо так и стояло перед моим

внутренним взором, о чем бы я ни пыталась думать — о работе, потере энергии, Сете. Это было непонятно. И потому тревожило.

Сет потянулся ко мне, но я увернулась от его рук. Вынула мобильник из сумочки, вышла в гостиную. Позвонила в магазин Эрика. Никто не ответил, хотя было почти десять... обычно в это время он уже открывался. В поисках домашнего номера я позвонила в справочную, но в телефонной книге его не оказалось.

Мне становилось все тревожнее. Не зная, что предпринять, я набрала номер Данте.

— Привет... по-моему, с Эриком что-то случилось, а у меня нет его домашнего телефона, и...

— Тихо, тихо, суккуб. Давай помедленнее. Сначала.

Спохватившись, я объяснила ему, что снова видела сон и не могу почему-то отделаться от мысли об Эрике.

— Может быть, это ерунда, но после той истории с утонувшим парнем... не знаю. У тебя есть его телефон?

— Да, — после небольшой паузы сказал он. — Звякну ему сам и перезвоню тебе.

— Спасибо, Данте. Жду.

Когда я нажала на отбой, из спальни вышел Сет.

— Что за Данте? — спросил он. — То был оплаченный звонок в ад?

— Черта с два там возьмут расходы на себя, — проворчала я.

Сет заметил мою встревоженность и посерьезнел.

— Что случилось?

С ответом я замешкалась. Не потому, что не хотела рассказывать ему о Данте. Не знала просто, стоит ли его во все это впутывать. И наконец предупредила:

— Речь пойдет о делах бессмертных. И высших вселенских силах.

— Я им жизнь посвятил, — сказал он хмуро, садясь на подлокотник кресла. — Рассказывай.

И я рассказала — о потерях энергии, о том, что вытягивали ее из меня сны... содержание их, правда, передавать не стала. О странных случаях исполнения ложных видений. Об ощущении холода и сырости, с которым однажды проснулась. И о сегодняшней навязчивой мысли об Эрике.

Потом сердито посмотрела на телефон.

— Черт. Что же он не перезванивает?

— Почему ты мне никогда и ничего не рассказываешь сразу? — спросил Сет. — Я думал, у тебя только раз энергия пропала. А ты, оказывается, живешь в тревоге все это время.

— Не хотела тебя беспокоить. Знаю ведь, как ты относишься к делам бессмертных.

— То, что тебя задевает и может тебе повредить, меня не беспокоит. То есть беспокоит, конечно, но суть не в этом. Возвращаясь к общению...

Зазвонил телефон.

— Данте? — жадно спросила я, не удосужившись даже взглянуть на номер.

К счастью, это оказался он. И мрачно сказал:

— Хорошо бы ты приехала. К Эрику.

— В магазин?

— Нет, домой. Это рядом со мной.

— Что случилось?

— Приезжай, узнаешь.

Данте назвал адрес и объяснил, как проехать. Я тут же превратила ночной наряд в выходной и уже собиралась вылететь за дверь, когда Сет попросил меня подождать и начал одеваться. Готов был через минуту — не так быстро, как я, но тоже неплохо.

Я как-то не задумывалась раньше, есть ли у Эрика свой дом. Встречались мы только в магазине, и, казалось, там он и жил. Приехав по адресу в старый, но обихоженный район, в миле от лавочки Данте, я увидела небольшой домик с верандой, каких полно на окраинах Сиэтла, и розы во дворе, заботливо укрытые на зиму. Поднимаясь на крыльцо, невольно представила себе Эрика, ухаживающего за цветами летом.

Не успели мы постучать, как Данте уже открыл. То ли в окно нас увидел, то ли почувствовал мое присутствие. На Сета он никак не отреагировал и повел нас в спальню.

Убранство дома выглядело так, словно его не обновляли очень давно. Чуть ли не с середины двадцатого века, судя по мебели — дивану, обитому шотландкой, потертому бархатному креслу в стиле золотых семидесятых. Способность телевизора передавать цвет казалась весьма сомнительной.

Впрочем, особого интереса все это у меня не вызвало. Единственное, что привлекло внимание, — фотография в рамке, стоявшая на полке с книгами. На ней был запечатлен довольно молодой Эрик — не старше сорока, без единого седого волоса и почти без морщин. Он обнимал за талию брюнетку лет тридцати, с большими серыми глазами. Оба широко улыбались.

Данте, когда я остановилась перед снимком, подтолкнул меня вперед с каким-то странным выражением лица:

— Иди давай.

Эрик оказался в постели. Живой, к моему великому облегчению. До этого момента я сама не понимала, как сильно была встревожена. Подсознательно опасалась худшего, хотя даже мысли об этом не допускала. Выглядел он, правда, не слишком хорошо. Мертвенно-бледный, весь в поту, с расширенными зрачками. Дыхание затрудненное... Увидев меня, вздрогнул, в глазах на мгновение появился ужас. Затем пропал, и старик попытался улыбнуться.

— Мисс Кинкейд... здравствуйте. Извините, что не в состоянии принять вас как полагается.

— Господи, — выдохнула я, присаживаясь на краешек кровати. — Что случилось? Вам плохо?

— Пройдет.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, в чем дело.

— На вас напали?

Он глянул на Данте. Тот пожал плечами.

— В каком-то смысле — да, — сказал наконец Эрик. — Но не в том, о котором вы подумали.

Данте прислонился к стене, снова принял насмешливый вид.

— Не трать время на загадки, старик. Говори как есть.

Эрик прищурился, в глазах вспыхнул слабый огонек.

— На меня напали... ментально, не физически. Явилась женщина среди ночи... подобная призраку... словно облако энергии. Той влекущей, пленительной энергии, которой иногда светитесь вы.

Приятно было услышать такое о моем суккубовском ореоле...

— Женщина с огненными глазами и крыльями, как у летучей мыши? — спросила я, припомнив шуточку Данте.

— Суккуб, думаете?.. Нет. Все гораздо хуже. Боюсь, это была... Никта.

— Что вы сказали? Никта?

Я прекрасно слышала, что он сказал. Просто ждала, что речь пойдет об онейридах, отнюдь не об их матери. Никта... такого быть не могло. Одно дело — предположить, что к тебе в спальню и в сны являются сновиденные духи. И совсем другое — что туда заглядывает чудовищное изначальное порождение хаоса, которое, как известно, участвовало в сотворении мира. Чуть ли не сам Господь Бог. Эрик, должно быть, бредил.

— Никта, — подтвердил он, догадавшись, о чем я думаю. — Сам Хаос. Верней, сама Ночь.

Данте тихо засмеялся.

— Ну, мы попали...

— Она — мать онейрид, — напомнил мне зачем-то Эрик. — И правит снами, хоть это и не единственная сфера ее господства.

— Но тогда... — я попыталась ухватить суть, — получается, она в ответе за то, что происходит со мной?

— Смахивает на правду, — сказал Данте.

Эрик согласился тоже.

— Она связана со временем и несметным множеством потенциальных судеб вселенной. Судьба и время всегда движутся к хаосу — к энтропии, чем она и пользуется. Создает хаос в этом мире, стараясь приблизить, насколько возможно, окончательный распад. Осуществить его она, разумеется, не в силах, поэтому устраивает мелкие деяния хаоса.

— Мои сны и потеря энергии — это деяния хаоса? — не поняла я.

— Нет. — Эрик снова бросил взгляд на Данте. — Мы полагаем, что вы — ее орудие. Поскольку она связана со временем, как и с пространством, она видит будущее. Открывать его смертным — лучший способ привносить хаос в наш мир. Подобные видения завладевают человеком полностью и могут довести до безумия. Одержимый ими, он пытается или избежать предназначенного или исполнить его, но не тем путем, каким оно развернулось бы на самом деле. И то и другое — бессмысленно. Изменить будущее невозможно. Пытаясь сделать это, мы только ускоряем ход событий.

— Как в истории Эдипа, — заметил Сет. — Попытка его отца избежать предсказанного и стала

той причиной, по которой оно сбылось.

Эрик кивнул.

— Точно.

Тут и я поняла.

— И как у того копа, которому показалось, что в напарника стреляли. И у парня, увидевшего во сне, что родные его разбогатеют, если он переплывет пролив.

— Именно так Никта и действует. То, что она показывает смертным, — правда... только вот сбыться должна без их участия. Попытки воплотить эти видения оборачиваются безумием и разрушением... ими-то она и питается.

— Ну а я тут при чем? — спросила я, — мне она будущего не показывает и ни к каким безумным поступкам не вынуждает.

— На этом догадки заканчиваются, суккуб, — ответил Данте. — Ты, безусловно, — часть ее планов. Нужна для чего-то... но механизма мы не знаем.

— Бред какой-то, — сказала я растерянно. — Я — орудие всемогущего первородного божества хаоса и разрушения...

— Да уж, — ухмыльнулся Данте. — Это тебе не на «Майкрософт» работать.

Сет мягко тронул меня за плечо.

— Можно спросить?.. Я не совсем понимаю... почему вы только сейчас сообразили, что это — Никта? Если она так сильна, по вашим словам... почему не подумали о ней сразу?

— Потому что она — в заключении, — ответила я. — Была, во всяком случае. У ада и небес свои планы относительно мира; им ни к чему, чтобы она болталась на свободе и во все вмешивалась. И если это и вправду Никта, то я понятия не имею, как ей удалось освободиться. Охранять ее должны ангелы, и если кто и мог...

Я умолкла. И застонала.

— В чем дело? — спросил Сет.

— Так вот почему они здесь, — сказала я. — Какая я идиотка... В городе куча ангелов. Что-то ищут... и я только сейчас поняла что.

А заодно — интерес Винсента к новостям. Он выискивал события, похожие на деяния Никты, которые помогли бы напасть на след. Поэтому и про копа расспрашивал... перед злополучным выстрелом в Сета, вынудившим его раскрыть себя как нефилима.

— Ну эти справятся, — сказал Данте.

— Надо им все рассказать. Может, они поймут, зачем ей я.

— Будьте осторожны, — предупредил Эрик. — Она уже что-то подозревает. Думаю, потому и вышла на меня. Я заглянул... и это ей не понравилось. Решила меня остановить.

Тут я еще кое-что сообразила.

— Эрик... она показала вам видение?

Он кивнул.

— Какое?

Наверняка кошмарное, подумала я. Старик был не в себе, когда его нашел Данте.

В глазах у Эрика снова мелькнул страх. И пропал.

— Неважно, мисс Кинкейд. — Он улыбнулся. — Она хотела напугать меня, заставить отказать вам в помощи... но не смогла. Будущее изменить невозможно. Не беспокойтесь обо мне. Все обойдется. Лучше найдите поскорее ваших друзей-ангелов, пока не случилось чего-нибудь похуже.

На прощание я обняла его, потом мы с Данте и Сетом вышли в другую комнату. Там я вновь остановилась перед фотографией Эрика и незнакомой женщины. Никогда не думала, что у него может быть какая-то личная жизнь, как не представляла его себе раньше вне магазина. Глупо, конечно. Кто же эта женщина? Жена? Возлюбленная? Приятельница?

Данте тем временем протянул Сету руку, представился. Оба смерили друг друга изучающими взглядами.

— Много слышал о вас, — сказал Данте игриво.

— А я о вас — ничего, до сегодняшнего утра, — ответил Сет.

Я все смотрела на фотографию. Заметила сгиб у самой рамки. И, сама не зная зачем, сняла ее с полки и вытащила снимок. Край был загнут, скрывая третьего человека, стоявшего рядом с Эриком и незнакомкой.

Данте.

Я удивленно на него покосилась. Он забрал у меня фотографию, вставил ее обратно в рамку.

— Нет времени на это, суккуб.

— Но...

— Есть дела поважнее, чем удовлетворение твоего личного любопытства.

Я бросила беспокойный взгляд на дверь спальни Эрика.

— Послушай, ты мог бы...

Данте, угадав мою просьбу, вздохнул.

— Да, суккуб. Еще зайду к нему сегодня.

И на мгновение я увидела в его лице что-то такое... словно он не только ради меня соглашался провести Эрика. А и сам о нем беспокоился. Странно. Впрочем, на фотографии все трое выглядели такими счастливыми... Наихудшими врагами часто становятся бывшие друзья. Головоломка «Эрик — Данте» делалась все более интригующей.

Я повернулась к выходу, и тут он сказал:

— Эй... теперь, когда мы знаем, кто это, я могу, наверное, смастерить тебе амулет.

При мысли о возможности спокойно спать я воспряла духом.

— Правда?

— Если он тебе еще нужен, — добавил Данте осторожно.

Опять припомнил мне недоверчивость. Которая, в общем-то, не прошла, только вот сейчас, выяснив имя хищника, я еще сильнее нуждалась в защите, какой бы та ни была.

— Конечно. Лишь бы помог.

— Теоретически должен. Хотя Никта не какой-нибудь заурядный дух. Посмотрим, что можно сделать.

После этого, торопясь найти ангелов, я отвезла Сета домой.

— Отправляюсь на поиски, — сказала я, прощаясь. — Увидимся позже.

— Значит... в кино мы сегодня не идем?

— Куда? О черт...

О планах на вечер я и забыла. Сет добыл билеты на единственный показ какого-то некоммерческого фильма.

— Извини... я...

— Ладно, — кисло ответил Сет, — разок прощу. Учитывая, что речь идет о жизни и смерти...

— Знаешь что? Пригласи Мэдди. Ты ведь до сих пор должен ей свидание.

Он улыбнулся.

— Ты лучшая возлюбленная в мире — так и стараешься затолкать меня в объятия другой женщины.

— Я серьезно говорю! Она чувствует себя нежеланной. Думает, что не нравится тебе.

— Она мне очень нравится, — сказал Сет. — Просто это несколько странно, вот и все. Позвоню лучше Терри, может, он пойдет. И не смотри на меня так. Куда-нибудь я ее обязательно приглашу. Но не сегодня.

На прощание мы поцеловались, договорились созвониться позже. И я отправилась искать ангелов.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Найти их оказалось нелегко. Дома я никого не застала, Винсент на звонки по мобильнику не отвечал. Я съездила в «Подвальчик», подумав: вдруг они решили выпить среди бела дня. Увы. Никого в баре, кроме парочки скучающих завсегдатаев, не было.

Тогда я позвонила Хью в надежде получить помощь из собственных источников.

— Джером вернулся?

— Нет еще, — ответил черт. — Он тебе нужен?

— Да вроде как.

— Вроде или как?

— Это долгая история.

— Я недалеко от твоего дома. Не хочешь сходить перекусить и рассказать? Могу за тобой зайти.

Мы разговаривали с ним впервые после посиделок у Питера, когда он набросился на Сета.

Вспоминать об этом было не очень приятно, тем не менее хотелось услышать мнение другого бессмертного о том, что со мной происходит. Да и выбора особого у меня не было.

Он появился всего через десять минут, но мне они показались часом.

— Ни фиги себе, — сказал Хью, увидев елки. — Национальный парк какой-то, а не квартира.

— Отвяжись.

— Нет, правда. Впору лесничего нанимать.

— Хватит. Идем уже.

Мы дошли до магазина-кафе на моей улице. Взяли сэндвичей, сели за столик, и я начала объяснять, зачем мне нужен Джером. Когда прозвучало имя Никты, Хью ухмыляться перестал.

— Мать твою, — сказал он, откусывая от сэндвича. — По такому поводу, может, и стоит потревожить Джерома.

— Где он? — спросила я. — На очередном инструктаже?

Хью пожал плечами.

— Не уверен. Как-то он невнятно выразился. Зато Грейс и Хироко намекнули, будто бы у него с другим демоном «личный конфликт», который он и отправился улаживать.

— О боже, — сказала я. — Неужели дуэль?

— Понятия не имею. Надеюсь, нет. Эти чокнутые сучки ходят с таким довольным видом, словно надеются что-то выгадать для себя. Ну ты их знаешь. Впрочем... может, тебе стоило бы обратиться за помощью к ним?

Может, и стоило бы... но если Джером и впрямь впутался в какую-то странную историю, его заместительницы могли этим воспользоваться. Они хоть и работали на него, но не упустили бы ни малейшей возможности для собственного продвижения. Когда наш мирок сотрясали политические толчки, поэксплуатировать другого всякий был горазд.

— Начну все-таки с ангелов, — сказала я. — Пока я способна брать дозы, проблемы нет. Но если через день-два так и не найду ни Картера, ни остальных, подумаю о Грейс и Хироко.

— Слушай, если тебе действительно нужно, я могу добраться до Джерома, — сказал Хью с таким беспокойством в голосе, что я улыбнулась.

— Только тебе велено ни в коем случае его не тревожить, да?

Черт кивнул.

— Ну и не надо. Найду я ангелов. А если все-таки придется идти к Грейс и Хироко, пусть они и решают, стоит ли отрывать его от дел. Причина, конечно, веская... но мало ли, вдруг мы ошибаемся и все совсем не так... Джером меня с потрохами съест за то, что дернула его по слову двух смертных.

— Не только тебя.

— Тем более.

Я рассеянно тыкала в сэндвич зубочисткой, которая его скрепляла.

— Ты боишься? — спросил Хью. — Я о Никте...

— Да. Боюсь. Мне не нравится, что кто-то вмешивается в мои сны. Да еще такого уровня кто-то. Тот парень, о котором я говорила... Данте... собирается сделать мне амулет для защиты от нее.

Хью фыркнул.

— Человеку это не под силу.

— Он маг. Говорит, что может.

— Никта — божество. — Хью покачал головой. — Да нет, сверхбожество... Сила вселенной, участвовавшая в сотворении. Со временем она стала слабей, конечно, но чтобы какой-то недотраханый жулик медиум сумел сделать амулет, способный ее отпугнуть... Во всем мире наберется едва ли горстка людей, обладающих подобной мощью. А чтобы эту мощь заполучить... Не знаю. Сомневаюсь.

Я и сама сомневалась в Данте, но старалась не думать об этом и надеяться на лучшее. Теперь же все мои дурные предчувствия ожили.

— Гадство, — сказала я.

Некоторое время мы жевали сэндвичи молча. Пошел дождь, в кафе, прячась от него, начали заскакивать еще посетители. Хью поглазел на хорошенькую брюнетку у стойки, потом снова посмотрел на меня.

— Как думаешь, когда Нифон уедет?

Я нахмурилась.

— Когда Тауни возьмет жертву.

Хью нахмурился тоже.

— Так ведь уже.

— Взяла?

— Да, по словам Саймона. Во всяком случае, так он понял. Сказал, что пару вечеров назад видел у нее свечение. Получила-таки компенсацию за дерьмовую работенку.

Пару вечеров назад?..

— Нет... невозможно. Мы как раз в то время с ней виделись, и энергии у нее было так мало, что мне пришлось снова ее поцеловать. Саймон ошибся.

— Может, от поцелуя засветилась? — спросил Хью.

И добавил с интересом:

— Ты языком активно работаешь?

— От поцелуя столько не получишь. Еле-еле свести концы с концами.

— Хм. — Он взболтал лед в стакане с диетической кока-колой. — Значит, Саймон точно ошибся.

Вообразил себя знатоком.

На его месте я решила бы то же самое.

— Хью... Может, это прозвучит странно, но мне кажется, что Тауни только прикидывается неумехой.

Он удивился.

— На кой хрен ей это надо?

— Не знаю. Нифон мог попросить... Бессмыслица какая-то получается — я уже второй раз слышу, что она могла взять дозу. Но видела ее вскоре после этого, и энергии у нее почти не было... невозможно все растратить за такой срок.

— Может, у нее та же проблема, что у тебя?

— У меня их много.

— Я имею в виду Никту. Не она ли высасывает и Тауни?

Стоп... а вот это уже интересно. Почему бы и нет? Если Никта захватила одного суккуба, то могла и, второго захватить. Это объясняло бы, куда девается энергия Тауни. Вот только...

— Ну, допустим, Никта забирает у нее энергию. Так ведь сначала Тауни должна ее получить. А мне она твердит, что ни с кем до сих пор не переспала.

— Хм. Служительница ада врет. Кто бы мог подумать?..

— Но зачем ей это? Ведь если Джером узнает, неприятностей у них с Нифоном будет выше крыши. Ради удовольствия просто трепать мне нервы — игра слишком уж рискованная. Тауни и в ад могут отозвать, раз не выполняет свою работу.

Хью бросил на меня ехидный взгляд.

— Что? — спросила я. — Почему ты так смотришь?

— Книгу ты, разумеется, не читала?

— Какую?

— Руководство для суккубов.

— Нет, конечно.

— А я еще постарался раздобыть для тебя сокращенный вариант, — сказал он с обидой.

— Хью, — зарычала я, — о чем ты?

— О том, что, как наставница, ты за нее отвечаешь. Если она так и не сможет заарканить жертву, расплачиваться придется тебе.

— Что? Это же смешно!

— Таковы новые правила.

— Я получу выговор за ее выкрутасы?

— Выговор? За то, что один суккуб не смог научить другого укладывать парней в койку? Это настолько нелепо... не знаю даже, случалось ли подобное прежде. И что с тобой сделают, тоже не знаю. Самое малое — вынесут порицание. Переведут работать под старшим суккубом.

— Я сама старшая.

Он пожал плечами.

— Но если она врет... — начала я.

— Это придется доказать.

Я протерла глаза.

— Полный бред. За что Нифон меня так ненавидит? Душу мою уже купил... чего ему еще надо, ради всего святого?

Я ждала очередной шуточки. Но Хью промолчал и демонстративно отвел взгляд.

— Что еще такое? Хью!

— Не знаю, Джорджина. — По имени он называл меня редко. — Иногда мы заключаем договоры, к которым с виду не подкопаться. А потом вдруг выясняется...

— Что ты имеешь в виду?

— Работал я с одной чертовкой, когда жил в Далласе. Ракель ее звали. Она заключила как-то договор с парнем, которого бросила жена из-за того, что он оказался стерильным. Не мог иметь детей.

Хью зачем-то проиллюстрировал сказанное, указав на низ живота.

— Я знаю, что такое стерильность, умник. Дальше.

— Он продал душу с условием, что его бывшая жена тоже не сможет иметь детей. Обозлился и жаждал справедливости. Наказать ее хотел, как она его наказала. Ну и вот, наша сторона устроила ей воспаление, от которого фаллопиевы трубы отказали, матка рубцами покрылась... не знаю толком, что там было. Ваши женские дела.

Я закатила глаза. Сплошное притворство — Хью знал о «женских делах» побольше меня, поскольку за свою долгую жизнь успел поучиться медицине.

— Жестоко, — сказала я. — Но парень этого и хотел, как я понимаю.

— Да. Казалось бы, дело сделано... но дальше все пошло не так. Или так — с какой стороны поглядеть. Яичники у нее еще работали, производили яйцеклетки, только выносить ребенка она не могла. Тогда они с новым мужем нашли суррогатную мать. Сдали что надо, смешали коктейльчик в чашке Петри, и суррогатная ребенка выносила. Бэмс!

— Жена таки ребенка получила. — Я призадумалась. — Ого. Наука нанесла поражение аду. Правы были философы Просвещения...

Хью усмехнулся.

— Всему виной была глупость. Кое-кому — Ракель, я имею в виду, — следовало хорошенько подумать, выбирая инфекцию как способ добиться бесплодия. Ракель облажалась. Парень возбудил процесс — по причине нарушения контракта — и получил свою душу обратно.

— Вот это да, — сказала я. — Держу пари, шуму было много. И что нынче поделявает Ракель?

Он поморщился.

— Думаю, лучше нам не знать.

Я согласно кивнула.

— Но какое отношение это имеет ко мне? Редкий случай...

— Ха, такое бывает чаще, чем ты думаешь. Просто те, кто продает душу, неувязок обычно не замечают. Зато если черт заметит или начальство... они готовы небо с землей местами поменять, лишь бы утрясти дело.

— Так ты предполагаешь, что Нифон затеял дурить меня с Тауни, поскольку нашел в моем контракте какую-то неувязку?

Хью развел руками.

— Не знаю. Знаю только, что, если появление черта на горизонте связано со столь великими хлопотами не пойми о чем, то это «не пойми что» должно быть очень серьезным. Может, и не настолько, как у Ракель, не нарушение контракта, но тем не менее.

— Мой контракт заключен давным-давно, — пробормотала я. — Все умерли, кого он касался. Будь там что не так, я бы уже, наверное, заметила.

— Не знаю, — снова сказал Хью. — Возможно, я тороплюсь с выводами.

— А ты не мог бы сам взглянуть? На этот контракт?

— Нет, — ответил он быстрее, чем я договорила. — Ни в коем случае.

— Но вдруг там есть формулировка, которой я не помню...

— Думаешь, это так просто — зайти в адские архивы и просмотреть чужой контракт? — воскликнул он. — Хрена с два. Если меня за этим поймают, Ракель в сравнении со мной покажется счастливницей.

— Но...

— Нет, — повторил он стальным голосом. — И не приставай. Я люблю тебя, ты знаешь. Ты мне как сестра, и я сделал бы для тебя что угодно. Только не это. Извини.

Я смирila его сердитым взглядом. Он ответил тем же.

— Слушай, хочешь совет? Избавься от Нифона. И от Тауни заодно. Разоблачи их, если они и впрямь что-то затеяли. И Джером с ними разберется.

— Джером неизвестно где! Проклятье... Почему ты не хочешь мне помочь? Как личную жизнь мою улаживать, о чем тебя не просят, на Сета нападать, так ты тут как тут!

Хью прищурился.

— Думаю, это лучшее, что я мог для тебя сделать.

— Спятил? Теперь он только об этом и твердит... что принесет мне горе в конце концов!

— И хорошо, — огрызнулся Хью. — Правильно твердит.

Я собрала остатки трапезы на поднос, встала.

— Ладно, еще увидимся. Спасибо тебе... за все.

Хью пошел за мной к урнам.

— Ты ведешь себя глупо.

— Я никогда так с тобой не поступала, как ты со мной сейчас, — сказала я, сваливая мусор в урну. — Потому что я тебе — друг.

— Дружба здесь ни при чем.

— При чем!

Он поставил свой поднос в общую стопку и посмотрел на часы.

— Слушай, мне пора. Уж извини, что не могу дать ответ, которого ты ждешь. Увидимся у Питера?

Питер, не в силах пропустить ни одного повода устроить вечеринку, собирал всех и на Рождество — сколь бы странным это ни казалось.

— Нет. Я буду с Сетом. Если он, конечно, не порвет со мной из-за твоего прекрасного совета.

Хью закусил губу, удерживаясь от какого-то нелестного замечания. Покачал головой, развернулся и ушел.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Звонка от Данте так скоро я не ожидала. Он сам упомянул, как сложно изготовить амулет против Никты. И я решила, что это потребует изрядного времени — если получится вообще. А после разговора с Хью только укрепились в недоверии к способностям Данте.

Но он сказал по телефону:

— Защита готова. Сделал все, что мог. Нужен амулет — так приезжай, заberi, — и отключился.

Я отправилась на Рэйнервэли и никого, как обычно, в заведении Данте не застала.

— Похоже, дела у тебя перед Рождеством не очень?

— На самом деле, — сказал он, выходя из задней комнаты, — ты бы удивилась, узнав, сколько отчаяния вселяют в людей каникулы. Держи!

Он бросил мне что-то размером с бейсбольный мяч.

Я поймала его, разглядела и почувствовала разочарование. То был сплетенный из тоненьких, темных веточек шарик. Сквозь щели виднелось несколько вещей внутри — камушек, перышко, еще что-то. Я тряхнула шариком, тот загремел.

— Это он? — спросила я. — Амулет, способный отогнать сверхмогущественное сновиденное существо? Похоже на реквизит к фильму «Ведьма из Блэра».

— Он Никту не отгонит, — ответил Данте. — Ее ничто не отгонит. Но может заставить ее подумать дважды. Действует скорее как... репеллент.

— Цитронелла?

Он закатил глаза.

— Да. Все зависит от энергетического заряда Никты. Если он невелик... амулет, возможно, не даст ей приблизиться.

Я снова посмотрела на шарик. И снова ничего особенного не увидела. В нем не ощущалось никакой силы. Правда, я могла воспринять не всякую ауру. Низшие бессмертные хуже чувствуют неодушевленные предметы, чем люди-медиумы.

Данте мое молчание как будто рассердило.

— Слушай, тебя никто не заставляет им пользоваться, — сказал он резко. — Но я угробил на него кучу сил. И с твоей стороны было бы довольно мило, придержи ты на секундочку свою иронию и скажи мне спасибо.

— Мою иро...

Я чуть не вспылила сама, но сдержалась. Данте, конечно, в списке моих знакомых-циников занимал одно из первых мест, но и я не была девочкой-ромашкой. С тех пор как впервые пришла за помощью, ничего, кроме хлопот, ему не доставила. И, взглянув на него сейчас, заметила, что он бледен и выглядит усталым. Даже если шарик был бесполезен, на изготовление его он и впрямь затратил какие-то силы.

— Ты прав, — сказала я. — Извини. Спасибо. Большое тебе спасибо.

Он вскинул брови. Кое-как сдержался, чтобы не высмеять тут же мою искренность. Только кивнул.

— Не стоит благодарности.

Мы немного помолчали. Похоже, без иронии оба не знали, что сказать.

— Ты... нашла ангелов?

— Нет. Хотя у Бэтмена сигнал одалживай... Джером в отъезде до сих пор. Хью — мой друг-черт — может с ним связаться, но если мы окажемся не правы в своих подозрениях, Джером взбесится не на шутку. — Припомнив разговор в кафе, я нахмурилась. — Хью уже бесится, поэтому не знаю даже, хочу ли я его помощи.

Данте улыбнулся.

— А я думал, суккубы со всеми в нежной дружбе. Или это тоже миф, как крылья и огненные глаза?

— Просто он по-дурацки повел себя с Сетом.

Данте ждал продолжения. Я вздохнула.

— Хью считает наш роман пустой тратой времени. И не потому, что мы не спим вместе. Думает, я буду страдать.

— Для черта — весьма альтруистично. — Он шагнул ко мне, шутливо щелкнул по носу. — Но, ребята, с этими вашими странными представлениями о морали я бы зарекся что-то насчет вас предполагать. А ты сама? Тоже думаешь, что будешь страдать?

— Нет. А если и думаю, это мое дело. Хью незачем обо мне беспокоиться. Да и еще и Сета нервировать!

— Не переживай ты так. Беспокоится — значит, заботится. Относись мы так друг к другу все, в мире было бы куда меньше страданий.

От Данте такого высказывания я не ожидала.

— Возможно. Но и ненужного давления тоже было бы меньше.

Он хмыкнул, взял меня за руку. Перевернул ее и посмотрел на ладонь.

— Набор линий случайный для этого обличья? — спросил он.

Я кивнула.

— Можешь изменить его на первоначальный?

— Ты что, гадать собрался? По мне, так все это фуфло.

— Не все.

Я ждала продолжения, но Данте ничего не добавил. Серые глаза его были серьезны и задумчивы. Что-то в них заставило меня подчиниться, и с превеликой неохотой я превратила руки в те, с которыми родилась.

Ни разу, став суккубом, я не возвращалась в свое истинное обличье. Терпеть его не могла. И даже от такого маленького изменения мне сделалось не по себе. Руки были слишком большими для нынешнего миниатюрного тела и выглядели совершенно чужеродными.

Данте посмотрел на одну ладонь, на вторую. Фыркнул через пару секунд и выпустил обе.

— Удивительно.

Я тут же вернула им прежний вид.

— Что — удивительно?

— Ты правша? — ответил вопросом он.

— Да.

Данте показал на левую ладонь.

— Ее линии рассказывают о тех качествах, с которыми ты родилась. Линии правой — о том, как ты растешь, меняешься и развиваешь дарованное тебе от рождения. Левая — природа, правая — опыт.

— И?

— У тебя они одинаковы на обеих руках. Глубокая линия сердца... означает характер сильный и страстный. Что не удивляет. Но она разорвана на множество частей.

Он коснулся моей левой руки.

— Тебе предназначено было страдать. Коснулся правой.

— И по этому пути ты собираешься идти вечно. Не учишься. Не меняешься.

— Если что-то предназначено, при чем здесь учение и перемены? Разве это не данность?

Осуждение, которое я услышала в его голосе, мне не понравилось. Как будто я была виновата в том, что у меня такие ладони.

— Не начинай, — сказал он. — Я не философ, и все эти дебаты насчет предопределения и свободной воли — не для меня. К тому же гадание по ладони — фуфло.

— Да, — холодно сказала я. — Согласна.

Данте, к моему удивлению, вдруг обнял меня и притянул к себе.

— Будь осторожна, суккуб. Тебя сейчас окружают опасности. Со всех сторон. А я тоже не хочу видеть, как ты страдаешь.

Я не стала отстраняться, положила голову ему на грудь.

— С чего ты стал вдруг таким милым? Все еще надеешься уложить меня в постель?

— Всегда буду надеяться.

Он поцеловал меня в лоб. Потом в нос. И в губы.

— Но ты мне и просто нравишься. Поэтому поберегись.

Я поехала домой, дивясь по дороге странному поведению Данте. И не заметила, думая о нем, как добралась. В квартире ни Винсента, ни ангелов опять не застала и решила заглянуть в «Изумрудный город». У меня был выходной, но, зная, сколько там сейчас работы, я подумала, что от помощи никто не откажется. Мне же просто надо было отвлечься.

Перед закрытием магазина позвонил на мобильник Сет и спросил, не могу ли я забрать его от брата. Собственную машину он оставил в Куин-Энн, поскольку до кинотеатра, а потом и до дома его подвез Терри. И я, покончив с делами, отправилась за ним.

Терри и Андреа встретили меня тепло, напомнили, что ждут нас с Сетом на Рождество, о чем я и без того не забыла. К нашему роману они относились как к чему-то хрупкому и могущему разбиться в любой момент — каким он и был на самом деле — и пытались защитить его изо всех сил.

Девочки мне обрадовались, налетели, засыпали вопросами и новостями. Все, кроме Кейлы, которую отчего-то еще не уложили спать, хотя было довольно поздно. Она молчала, что неудивительно, поскольку, не считая нашего последнего с ней разговора, Кейла молчала почти всегда. Но обычно она подбегала ко мне вместе с сестрами. Сегодня же осталась сидеть на диване. И пока Сет одевался, я подошла к ней сама.

— Привет, — сказала, присаживаясь рядом, — Как дела?..

Я к ней даже не прикоснулась. Но Кейла отпрянула так, словно ее обожгло. Сползла с дивана, выбежала из комнаты. Маленькие ножки затопали по лестнице вверх.

Я взглянула на остальных с удивлением.

— Что я такого сделала?

— Понятия не имею, — озадаченно ответила Андреа. — Вроде бы все было в порядке.

— Нашло, видать, что-то, — сказал Терри. — С детьми такое бывает. Особенно с девочками.

Он взъерошил Кендалл волосы, та взвизгнула.

Все тут же забыли о Кейле. Начали прощаться со мной и Сетом, но я осталась в недоумении. Малышка всегда мне радовалась, а в последний раз и вовсе выказала небывалое доверие. Отчего же сегодня смотрела на меня с таким страхом? Обычные детские капризы? Или она заметила то, чего сама я видеть не могла, — след какого-то потустороннего присутствия? Не выдержав, я попросила разрешения подняться к Кейле и попытаться поговорить с ней еще раз.

Она сидела в спальне, забившись в угол кровати, прижав к себе единорога. И при виде меня, остановившейся в дверях, глаза ее стали как блюдца, в которых плескался страх.

— Эй! — сказала я. — Ты в порядке?

Молчание. Только глаза распахнулись еще сильнее.

— Я не подойду к тебе, — добавила я, — обещаю. Но скажи, пожалуйста... что ты видишь? Почему боишься меня?

Прошло несколько секунд, и казалось уже, что она не ответит. Но Кейла вдруг заговорила — еле слышно:

— Ты плохая. Почему ты такая плохая?

Чего-чего, а этого я не ожидала. Думала, что она, возможно, увидела призрачную ведьму,

парящую у меня над головой... Сердце сжалось. Да, я была злом — служительницей ада. Моей вечной задачей было соблазнять и развращать мужчин. Но больнее, чем любое обвинение — в самых мерзких и нечестивых поступках, — ударило меня слово «плохая», услышанное от маленькой девочки. И, не сказав ничего больше, я отвернулась и пошла вниз.

В машине я рассказала Сету, как провела день, не найдя ангелов.

— За тобой бродит какое-то страшное существо, и ты решила забыться за работой? — спросил он шутливо и сердито одновременно. — С тем же успехом могла бы сходить со мной в кино.

— Ох. — Мне сделалось неловко. — Я хотела, чтобы вы с братом пообщались...

— И, — добавил он, — попросту забыла.

— Я о тебе никогда не забываю, — твердо сказала я. — Просто отвлеклась немного.

— Забавно. Приняла бы ты такое извинение, будь на твоём месте я?..

Дома у меня по-прежнему никого не было. Я отнесла амулет Данте в спальню, потом под села на диван к Сету.

— Терпеть не могу ждать, — сказала я. — И почему со мной вечно так — случается вдруг что-то серьёзное, сверхъестественное, а я сижу без дела и чувствую себя ни на что не годной? Постоянно завишу от других.

— Неправда. — Он взял меня за руку, переплел пальцы с моими. — Ты чудесная и талантливая. Просто не все умеешь.

— Хотелось бы мне уметь ещё хоть что-нибудь, кроме превращений. Лазерными лучами из пальцев стрелять или... не знаю даже.

— Думаешь, остановила бы этим Никту?

— Нет. Но хоть охладила бы её пыл.

— А я вот всегда мечтал обладать замораживающей силой.

— Замораживающей?

— Да. — Сет по-актерски широким жестом указал на журнальный столик. — Если уж говорить о суперменских способностях. Махнул рукой — и все покрылось льдом.

— Не снегом?

— Можно и снегом.

— И как снег и лёд помогали бы тебе бороться с преступниками?

— Не знаю. Но хоть охладили бы их пыл.

Я засмеялась, прильнула к Сету. С ним и ждать было легче...

— Хочешь есть? — спросила я. — Ясмин и Винсент соревновались тут за звание лучшего шеф-повара.

И мы отправились в кухню и нашли там столько еды, сколько в ней не бывало со дня моего переезда. На столе стояла тарелка с кусками торта — домашней, судя по виду, выпечки. Сет указал на холодильник.

— Если там есть клубника — значит, Бог существует.

Я открыла дверцу.

— Готовься славить Его, — сказала я и вытащила миску с посыпанной сахаром клубникой.

Потом вторую, побольше, прикрытую пластиковой крышкой. Заглянула в неё.

— А это взбитые сливки.

— Аллилуйя, — провозгласил Сет.

Я поставила обе миски на стол, и все сновиденные духи показались вдруг чем-то мелким и смешным. Сняла крышку со сливок. Сет тут же макнул в них палец.

— Дикарь, — укорила я.

— Божественно, — пробормотал он, слизывая сливки.

Макнул в миску другой палец и протянул мне. Я наклонилась, лизнула тоже. Рот наполнился дивной сладостью.

— Ммм. — Я прикрыла глаза.

— Ммм, — откликнулся Сет.

Я открыла глаза.

— Ты о сливках?

— Не совсем.

— Об этом? — На пальце ещё оставались сливки, и я взяла его в рот и принялась сосать, лаская языком.

Сет затаил дыхание.

— Спасибо за помывку, — выдохнул он.

— Чистоплотность, говорят, соседствует с набожностью.

— Ой, а на мне еще осталось, — сказал он.

— Правда? Где?

Он снова зачерпнул пальцем сливки.

— Да вот же.

Я слизала и их тоже, посасывая и целуя не только виновный палец, но и все остальные заодно. Закончив, перевернула его руку, поцеловала.

— Все. Ослепительная чистота.

Сет покачал головой.

— Ай-ай-ай.

— Что такое?

— Ты сама испачкалась.

— Где?

Он зачерпнул еще сливок и вымазал мне губы, подбородок и шею.

— Везде.

И не успела я ответить, как он уже прильнул к моей шее, облизывая и целуя ее столь же чувственно, как я ласкала его пальцы. Я даже поразилась — а ведь была не из тех, кого можно удивить подобными вещами. Инстинктивно подалась к нему, запрокинув голову, чтобы не мешать продвижению его губ. Горячий, на редкость умелый язык подчистил все до капельки сливки на шее, затем принялся за подбородок и наконец коснулся губ.

Забыв о сливках, мы принялись целоваться. Я стояла спиной к буфету, Сет прижал меня к нему своим телом. И, когда оторвался наконец от моих губ, я с трудом перевела дух.

— Ого, — сказала я, распахнув глаза. — Вот почему я не готовлю. От этого одно беспокойство.

Сет глянул налево, направо, продолжая прижимать меня к буфету. Я вздрогнула — таким возбужденным, даже диковатым стал у него взгляд.

— Ничего страшного как будто не происходит.

— Пока нет, — согласилась я. — Но помни о норме.

Он пожал плечами.

— Помню. Пока ведь ничего страшного.

— Но будет, если... ммм...

Сет поцеловал меня снова. Обняв за талию на этот раз, прижав еще крепче. Я обвила руками его шею, наслаждаясь поцелуем. Пылким, опасным, изумительным... прерывать его не хотелось никогда. Но следовало. И я уже начинала беспокоиться, когда Сет наконец остановился сам.

— А, — поддразнила я, — пришел в себя...

Он улыбнулся, и сердце у меня заколотилось при виде необузданного желания у него в глазах в сочетании со сдержанным, как обычно, выражением лица.

— Нет, — сказал он. — Давай проверим, как далеко мы можем позволить себе зайти.

— Мы знаем, — ответила я. — Проверяли уже.

Это было не совсем так. Секундомером мы, разумеется, не пользовались. Просто чувствовали, когда следует прервать поцелуй, пока тот не сделался опасным.

Он покачал головой.

— Не с поцелуями. С этим.

На мне был красный кардиган, под ним — черный топ. Сет расстегнул пуговицы жакета, снял его с меня. Уронил на пол и накрыл мои обнаженные руки своими.

Посмотрел выжидающе.

— Мы высчитываем, с какой скоростью ты можешь снять с меня жакет? — спросила я.

— Не угадала. Ты не всегда в нем.

Он поднял руки, стянул с себя тенниску. Отбросил и, не успела та упасть на пол, прижал меня к груди. С золотистой кожей, благоухающей, теплой... Подавив отчаянное желание начать целовать ее, я вскинула голову. И попыталась отшутиться:

— Это что-то вроде покера на раздевание? Только без карт?

— Это, Фетида, — ответил он, берясь за бретельки моего топа, — проверка. Как далеко мы можем зайти вообще.

Следовало остановить его, но прикосновения были такими пьянящими... Топ скользнул вверх и присоединился к лежавшей на полу одежде.

Я засмеялась.

— С поцелуями мы все выяснили. Теперь выясняем, насколько можем раздеться?

— Да, — сказал он.

И попытался принять важный вид.

— Это научный эксперимент.

— А я думала, ты стаскиваешь с меня одежду.

— Это часть эксперимента. Мы знаем, как долго может длиться поцелуй, когда мы одеты. А когда обнажены? Столько же или меньше?

— Я не...

Он снова прервал меня поцелуем, и я вся затрепетала, когда моя нагая грудь прижалась к его груди. Тела наши ничто не разделяло, и это было неописуемо. Даже голова закружилась.

После этого Сет продолжил эксперимент — снимал с нас поочередно по одному предмету одежды и целовал меня, проверяя результаты. Когда мы остались безо всего, он отодвинулся, довольный, полюбовался мной.

— По-моему, ничего не происходит, — сказал он.

— Происходит, да еще как, поверь. — Я вдруг занервничала.

Только сейчас я сообразила, насколько опасным стало то, что началось как забавная игра. Каждая клеточка моего тела жаждала прикосновения и ласки. Я вся горела. Инстинкт, вынуждавший меня питаться человеческой энергией, очнулся и свирепствовал, понимая лишь одно — перед ним пища.

— И дело не в наготы, а в поцелуях. — Я потянулась за одеждой. — Помнишь тот раз, когда мы целовались в постели? Мне передалось немного твоей энергии, хотя мы были одеты. Так что хватит... еще немного — и игра закончится. Науку, впрочем, ты сегодня продвинул, признаю.

Сет поймал меня за руку. Снова прижал к себе.

— Еще чуть-чуть. Только чтобы проверить.

Он был возбужден как никогда раньше. Я, во всяком случае, его таким не видела.

— Что еще?

— Всего один поцелуй, — сказал он с простодушным видом. — Последний.

— Ну-ну.

— Один, Фетида. И все.

Я немного поколебалась. Потом кивнула.

— Ладно. Хорошо. Но учти, я начеку, так что не надейся...

— Заметано.

Это ли слово он сказал или другое, я не расслышала, потому что договаривал он, уже целуя. Снова прижал меня к буфету, обхватил рукой ягодицы. Так близки мы еще не были. Никогда. Обнаженными — уж точно. Да еще и целующимися при этом. Никогда. И желала я его сейчас как никогда, со всем пылом суккуба и любящей женщины. Плотина рухнула, страсть, которую мы так долго сдерживали, вырвалась на свободу. Он желал меня не меньше — я чувствовала, каким он был твердым. Прижималась к нему все теснее, извиваясь всем телом. Он скользнул рукой по моей ноге, потянул ее вверх. Почти закинул уже к себе на бедро, когда я вдруг ощутила...

То самое.

Чего боялась.

Жизнь Сета. Слаще поцелуев. Слаще взбитых сливок. Она хлынула в меня, чистая, яркая, не похожая ни на что, испробованное прежде... если не считать того раза, когда я украла ее немного. Не будь рот мой занят поцелуем, я застонала бы.

Я тут же опомнилась и изо всех сил принялась вырываться. Сил не хватило, удалось только прервать поцелуй. Сет немедленно двинулся ниже, начал целовать меня в шею. Поток энергии не прекратился.

— Сет... Сет! Цель достигнута. Мы узнали, как далеко можем зайти.

Он бросил на меня пылкий взгляд.

— Джорджина, пожалуйста... мы так близко... еще...

Мы и впрямь были близко. Чересчур.

— Нет. — Я уперлась руками ему в грудь. — Сет, отпусти...

Толкнула что было сил.

— Отпусти!

Вывалась наконец, отошла, пошатываясь, в сторону, схватила за буфет, чтобы не упасть. Поток энергии резко оборвался.

Сет потянулся поддержать меня, но я уклонилась.

— Ты... в порядке? — спросил он.

— Я-то да, — ответила я, тяжело дыша. — А вот ты — нет. Я забрала у тебя немного... энергии.

— Немного — это ерунда.

— Не для меня, — сказала я, по-прежнему держась на расстоянии.

— Это не твоя энергия, — возразил он, глядя на меня все такими же горящими, жадными глазами. — Моя. И на мой взгляд, дело того стоило.

Он шагнул ко мне.

— Даже если бы я отдал больше.

Я вытянула руку перед собой.

— Перестань. Не подходи. Я тебе не доверяю.

В глазах его появилось ошеломление.

— Не доверяешь? Мне? Вот уж не думал услышать от тебя такое.

— Я не то имела в виду. Вернее... не знаю. Я не думаю, конечно, что ты способен меня изнасиловать, но... ты умеешь убедить. И в последнее время сам на себя не похож. С тех пор, как тебя ранили. Готов... на риск. Словно у тебя кризис среднего возраста.

— У меня жизненный кризис, Фетида. Не хочу, подобно некоторым, понять на смертном одре, что так ничего путного и не сделал. Неужели не понимаешь? Мэдди ты подбиваешь на авантюрные шаги, а меня пытаешься от всего оградить.

— Это... совсем другое.

— То есть? — спросил он. — Почему ей рисковать можно, а мне нельзя?

— Потому что между скалолазанием и сексом, из-за которого теряешь несколько лет жизни, — большая разница. Что с тобой происходит? Ты же сам говорил, что секс между нами — не главное.

— Так и есть, — сказал он твердо. — Именно так. Я люблю тебя... за многое другое. Люблю сильней, чем могу описать. Но не хочу умереть, так с тобой и не побыв. Не побыв по-настоящему.

Я изумилась. Сет не шутил. Но разве мог он всерьез желать того, что только приблизит его смерть?

— Ты просто давно не занимался сексом, вот и все, — сказала я. — перевозбуждился, поэтому плохо сейчас соображаешь.

— перевозбуждился, — кивнул он. — Из-за тебя. Женщины, которую люблю.

И подошел ко мне еще ближе, но прикоснуться не стал.

— Я хочу тебя, Джорджина. Так сильно, что это меня убивает. И знаю, что ты хочешь меня тоже. Чего же мы боимся? Да, я пострадаю, но если мы оставим все как есть... и так и не узнаем...

Он покачал головой, вздохнул.

— Пожалуйста, Джорджина. Всего один раз. Давай побудем вместе — по-настоящему вместе.

Я сглотнула комок в горле. Он был такой милый. Притягательный. Слова его звучали так убедительно, так разумно... Я готова была поверить, что все это пустяки, ничего страшного не произойдет, если я позволю случиться тому, о чем он просит. Смотрела ему в глаза, саму себя убеждая в его правоте, вспоминая слова Картера и других своих друзей. Выбор — за Сетом, мне не о чем беспокоиться...

Но на самом деле было о чем.

— Нет, — сказала я. — Не могу. Пожалуйста, Сет... не надо этого делать. Не смотри на меня так. Я тоже тебя люблю... очень, очень люблю. Но это невозможно. Поверь, тебе просто нужен секс. Найди кого-нибудь. Кого угодно. Все равно. Я не расстроюсь. Главное — чтобы ты пришел в себя.

— Расстроись, — ответил он с жутким спокойствием. — Что бы ты ни говорила... расстроись.

— Нет, если это тебя защитит.

— Меня защищать не надо.

— Надо, будь оно проклято! — закричала я.

Подалась к нему, стукнула кулаками по груди, не в силах больше сдерживать чувства.

— Ты не понимаешь? Я должна тебя защищать. Если с тобой случится что-то... случится по моей

вине — это меня убьет. Это. Меня. Убьет. Я не переживу. Не переживу, если с тобой что-нибудь случится. Это меня убьет!

Я умолкла. Мы встретились глазами.

Сет ничего не ответил. Он просто смотрел на меня. И я поняла, о чем он думает. Поскольку сама думала о том же. Только что я подтвердила сказанное Хью. Признала справедливым беспокойство Сета. Страдать предстояло не ему. Мне.

Он осторожно взял меня за руки, отвел их от своей груди. Попятился, поднял вещи с пола, начал одеваться. Я, оцепенев, осталась на месте.

— Сет, — выдавила я. — Я не то хотела сказать.

— Все в порядке, Фетида. — Не глядя на меня, он застегнул брюки. — Я понимаю. Прости. Прости мою настойчивость.

— Нет-нет, я...

— Все в порядке, — повторил он.

Голосом безучастным. Ровным. Неестественно спокойным.

— Правда. Просто... мне нужно уйти. Думаю, так будет лучше для нас обоих. Видит Бог, у тебя хватает забот и без меня.

К глазам моим подступили слезы.

— Я не хотела...

— Знаю, — сказал он.

Одернул на себе тенниску, взглянул на меня наконец.

— Но мне и вправду... надо уйти. Поговорим как-нибудь... позже.

Он поднял руку, словно собираясь коснуться моей щеки, но тут же опустил ее. Вдохнул, попрощался и ушел.

Я какое-то время еще стояла, не в силах пошевелиться. Сердце будто облили кислотой, так оно ныло и горело. Потом оцепенение отпустило. Колени подогнулись, я осела на пол. По-прежнему нагая, не чувствуя холода, подтянула колени, уткнулась в них лицом. Что я наделала?.. Часть меня требовала бежать за ним, умолять вернуться, сказать, что мы займемся любовью и все будет, как он захочет. Другая — гордость и благоразумие — удерживала на месте.

Та самая часть, что не позволила мне пойти за Эндрю в тот день, когда мы поссорились из-за черной чумы. Я отпустила его и старательно избегала встречи после этого. Когда чума добралась-таки до городка, епископ мой уехал одним из первых. А с ним — и я, и все остальные домочадцы. Спрятаться от болезни на самом деле было негде — точно как в «Маске красной смерти». И все же некоторые места были безопасней других. Епископ, выбирая лучшие, выжил.

Прошло несколько месяцев, я окончательно устала от Джеффри и решила, что пора двигаться дальше. Получила разрешение от архидемона переехать во Флоренцию, выбралась тайком однажды ночью из дому и отправилась в долгое путешествие. Городок, в котором мы жили прежде, лежал по дороге. Я оказалась там через неделю.

Зачумленную местность современные люди представляют себе не совсем верно. Груды мертвых тел на улицах... Так было далеко не всегда. Европа пережила в конечном итоге черную чуму, цивилизация не погибла. Земля возделывалась, строились дома, рождались дети.

Городок казался просто тише и унылее, чем в былые времена. Заглянув в церковь, Эндрю я там не увидела, и старик, копавшийся в церковном саду, сказал, что он отправился в квартал бедняков, навестить кого-то из прихожан. Там я его и нашла, в доме пивовара. Маленьком, тесном и грязном. Где ютилось большое семейство — сам пивовар с женой и восемью детьми и двое его братьев. Больны были все, кроме жены, которой Эндрю и помогал за ними ухаживать.

— Сесили? — спросил он изумленно, стоя на коленях у кровати мальчика-подростка.

Сердце мое затрепетало от радости и облегчения. Жив. Остался, боролся с болезнью и победил.

Я опустилась на колени рядом с ним. Жена пивовара, поившая маленькую дочку, смущенно на меня покосилась. Пусть не в шелках и бархате, к их сословию я все же не принадлежала, и как обходиться со мной, ей было непонятно.

— Вы живы, — сказала я. — Я так беспокоилась. Боялась, что не увижу вас больше.

Он одарил меня прежней мягкой улыбкой, и я увидела, что морщинок вокруг глаз у него прибавилось. Ответил:

— Богу пока не угодно было нас разлучить.

Я посмотрела на мальчика. Думала, Эндрю кормит его, но тут поняла, что он вершит последнее таинство. Рубахи на ребенке не было, на шее и под мышками виднелись предательские бубоны, которые и дали чуме имя. Обычно она уносила людей за неделю, но мальчик был так изможден, словно умирал годы. Глаза блестели от жара, и нашего присутствия он, похоже, уже не сознавал.

Горечь подступила к горлу, я отвела взгляд. Встала, сказала Эндрю:

— Заканчивайте... я подожду вас снаружи.

И вышла из дома — туда, где царили свет и тепло, а не смерть.

Через некоторое время Эндрю вышел тоже. Спрашивать у него, умер ли мальчик, я не стала. Задала другой вопрос:

— Сколько человек выжило? Из тех, ради кого вы остались и рисковали жизнью... сколько?

Он пожал плечами.

— Три четверти. В семьях, где были совсем маленькие дети и дряхлые старики, — половина.

— Половина, — ровным голосом повторила я. — Не так уж и хорошо.

— Если хоть один выжил благодаря мне, это очень хорошо.

Я заглянула в его безмятежное, исполненное уверенности лицо, вздохнула.

— Спорить с вами бесполезно.

Он улыбнулся. Я вздохнула еще раз.

— Могу ли я помочь?

Улыбка пропала.

— Не шути с этим, Сесили.

— Я и не шучу. Скажите, что нужно делать.

Так я и стала вдруг сиделкой в маленьком провинциальном английском городке. Честно говоря, никаких особых способов борьбы с чумой в те времена не имелось. Содержать больных в чистоте, кормить и поить их — вот и вся помощь. Остальное было в руках иммунной системы и — если верить Эндрю — Бога. Когда мои подопечные переступали черту, из-за которой не возвращаются, я, не в силах смотреть, как они уходят, предоставляла их Эндрю и его молитвам. И все же случалось иногда, что они возвращались — те, кого я оставила. Поневоле поверишь во вмешательство свыше. Я и верила... пока не заболел Эндрю.

Началась болезнь исподволь — с жара, с болей, но оба мы прекрасно знали, что это означает. Тем не менее он работал, пока хватало сил. Когда же слег, я забросила всех остальных пациентов и занималась только им.

— Нужно и другим помогать, — сказал он мне как-то. — Не беспокойся обо мне.

Лицо его исхудало, покрылось пятнами, лимфатические узлы набухли, но в моих глазах он все равно был прекрасен.

— Кто же еще о вас побеспокоится? Больше никому.

То была правда. Эндрю многим помог, но к нему никто не пришел. Хотя переболевшим заразиться заново не грозило.

— Это неважно, — ответил он слабым голосом. — Я рад, что они живы.

— Вы тоже будете жить, — сказала я упрямо, хотя по всем признакам следовало уже ждать обратного, — должны, чтобы делать эти ваши окаянные добрые дела.

Он улыбнулся через силу.

— Надеюсь... но чувствую, что время мое в этом мире близится к концу. А вот ты, Сесили...

Он взглянул на меня, и я поразились любви, которую увидела в его глазах. Я знала, конечно, что его ко мне влекло, но такого... никак не ожидала.

— Ты не заболеешь. Будешь жить — сильная, здоровая, прекрасная. Я знаю это. Бог тебя любит.

— Нет, — сказала я хмуро. — Ненавидит. Потому и не дает умереть.

— Бог посылает нам лишь те испытания, с которыми мы можем справиться. Вот... возьми... — Он тронул золотой крест, висевший у него на шее. — Возьми его, когда меня не станет.

— Нет, Эндрю, вы не...

— Возьми, — повторил он тверже. — И всякий раз, глядя на него, вспоминай, что Бог тебя любит. И что, какое бы горе Он тебе ни послал, оно не окажется для тебя слишком тяжким. Ты сильная. Выдержишь.

По щекам моим потекли горячие слезы.

— Не надо было вам этого делать, — сказала я. — Помогать им... Остались бы живы.

Он покачал головой.

— Тогда я не смог бы жить в ладу с самим собой.

Эндрю протянул еще несколько дней. Но каждый миг был приближением к смерти, и все это время я не отходила от него. И окончательно разуверилась, глядя на его страдания, в том, что за людьми присматривает некая милосердная сила. Он умер как жил — мирно и спокойно. Другой священник совершил над ним последний обряд, и взгляд Эндрю, пока он был в сознании, выражал только надежду и абсолютное доверие к тому, что грядет. Я задержалась проследить, чтобы похоронен он был достойно, хотя никаких особых приготовлений не требовалось. Пышных похорон в те дни не устраивали — во всяком случае, для людей его ранга.

Потом я перебралась из Англии на континент. И боль утраты через некоторое время стала приобретать иные формы. Нет, я горевала по нему по-прежнему — все так же плакала и болело сердце, и казалось, что я лишилась части самой себя. Но к этому добавилось еще и чувство вины. Все думалось, что надо было мне лучше о нем заботиться. Настоять, чтобы он уехал со мной, когда пришла чума. Или брать на себя хотя бы самую грязную часть работы по уходу за больными. Может, тогда он не заразился бы...

Флоренция во времена Ренессанса была дивным городом. Но, несмотря на все ее великолепие и расцвет искусств, смерть Эндрю мучила меня много лет. Тоска и боль, поселившиеся в сердце, не проходили, хотя и ослабевали постепенно со временем... очень долгим временем.

Хью был прав — бессмертие означает лишь, что тебе дольше приходится страдать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Через пять минут после ухода Сета я поняла, что совершила ошибку. Не отказав ему — это как раз было правильным. Но позволив ему уйти. Нельзя было завершать ссору таким образом.

По Эндрю я горевала до сих пор. И до сих пор злилась, поскольку умер он из-за того, что помогал людям. Я по-прежнему считала, что в нашей ссоре была права, но горько жалела о том, что после нее мы отделились. Гнев и гордость заставляли нас сторониться друг друга, пока не стало слишком поздно. Не следовало, даже оставаясь при своем мнении, этого допускать. Нужно было поговорить и попытаться найти компромисс.

Теперь я решила, что не позволю непониманию разделить нас с Сетом. Отнять время, которое мы могли бы провести вместе. Готовая немедленно все уладить, я решительно оделась, схватила сумочку и вышла из дома. Почти бегом добралась до книжного магазина, где Сет оставил машину, но той на месте не оказалось. Я опоздала.

Поглазев на пустую парковку, я отперла магазин и прошла к себе в кабинет. Наткнулась на купленный накануне для Картера дурацкий подарок от Тайного Санты. Сунула его в сумочку и поняла, что у меня нет сил выйти. Упала на стул, закрыла лицо руками. Почему у нас все стало так сложно? Ранение ли заставило Сета взглянуть на жизнь другими глазами? Или мы рассорились бы в любом случае?

Внезапно я почувствовала излучение Ясмин. Вскинула голову, и в ту же секунду она материализовалась передо мной вместе с Винсентом. Мысли о Сете сразу улетучились.

— Привет, Джорджина, — сказал Винсент, — получил твое сооб...

— Я знаю о Никте, — перебила я.

Последовало изумленное молчание. Не могу сказать, трудно ли удивить нефилимов, но ангелов — очень нелегко. С Ясмин мне это удалось.

И, будучи ангелом, отрицать она ничего не стала. Спросила только:

— Откуда?

— Она пользуется мной, чтобы делать свои грязные дела. — Оба изумились еще больше. — Но каким образом... я не понимаю.

Они переглянулись, потом снова уставились на меня.

— Давай с начала, — сказала Ясмин. — И по порядку.

И я поведала сперва о снах и потере энергии. Потом — о трагических случаях, своем странном знании о них и непонятных ощущениях. И наконец — о выводах Эрика и Данте, увязавших то, что со мной происходило, с сообщениями о печальных событиях.

Ясмин села на складной стул, запрокинула голову и задумалась. Поза была почти как у Винсента

в коридоре больницы. Видно, они, подобно многим любящим людям, бессознательно перенимали друг у друга некоторые жесты.

— Хм... ловко. Вот, значит, как она действует, чтобы мы ее не обнаружили.

— Мне бы такое и в голову не пришло, — кивнул Винсент, расхаживая по кабинету, — в том-то и суть.

— Так вы можете сказать, что именно она со мной делает? — нетерпеливо спросила я, измученная незнанием.

— Да, — ответила Ясмин. — Но давай сначала вызовем остальных.

— Осталь... — Я не договорила, потому что в тот же миг в кабинете материализовались еще трое.

Картер, Джоэль и Уитни. Вокруг заискрилась ангельская аура. Я даже позавидовала слегка — высших бессмертных сама могла бы искать хоть месяц, Ясмин же нашла их мыслью. Картер, увидев меня, улыбнулся. Джоэль огляделся с негодованием. Уитни как будто растерялась.

— Что происходит? — спросил Джоэль.

С виду злой не меньше, чем в последний раз, когда мы встречались. Хорошо, что бессмертный, не то его давным-давно хватил бы удар...

— Зачем ты притащила нас в это... место? Можно подумать, то был публичный дом вкупе с наркоманским притоном, а не крошечный кабинетик с плохо выкрашенными стенами.

Ясмин, не вставая со стула, подалась вперед. Темные глаза ее возбужденно засверкали.

— Есть! Мы нашли ее... верней, Джорджина нашла.

Джоэль и Уитни изумились. Картер — нисколько. Словно именно этого и ждал.

— Что ж так долго искала-то? — спросил он шутливо.

Уитни потребовала:

— Объясни!

Ясмин объяснила и ввергла их в такое же потрясение, какое испытала сама вместе с Винсентом. Даже Джоэль малость поостыл.

— Изобретательница, — пробормотал он. — Всякий раз, как сбегает, находит новый способ от нас прятаться.

Я обвела всех взглядом. У меня разрывалось сердце из-за Сета, и терпение было на исходе.

— Кто-нибудь объяснит мне наконец, каким боком я в это вписываюсь?

Картер, в потрепанной голубой куртке и бейсболке, выглядевшей так, словно побывала в камнедробилке, шагнул ко мне. Снова улыбнулся.

— Ты наверняка уже знаешь, что Винсент — медиум. Он воспринимает наш мир. И чувствует всяких сверхъестественных существ даже лучше, чем некоторые из нас. У людей порой такое бывает.

Он говорил правду. Ангелы не всемогущи и наделены не всеми дарами. Я кивнула, не подавая виду, что знаю о Винсенте несколько больше. Он — медиум-нефилим...

— Раньше он находил ее без труда. Когда она в безумии своем принимается сеять хаос среди смертных, там, где она побывала, остается... э-э-э... что-то вроде магического осадка. Ворованной энергии не хватает, чтобы спрятать ее от наших глаз, только чтобы поддержать силы. И Винсент может...

— ...учуять ее, — помог сам Винсент. — Я — паранормальная ищейка.

Ясмин хихикнула.

— Но он до сих пор ничего не чуял, — снова заговорил Картер, — почему нам и пришлось искать обычным путем — высматривая в новостях события, которые могли быть делом ее рук.

— Понятно. — Я пожала плечами. — Она свой след скрывала. Но при чем тут я?

— Чтобы скрывать его, она тебя и использовала. Двумя разными способами. Почти беспроблемными на самом деле. Отнимая энергию еще и у тебя, помимо людей, она удваивала свои запасы. И становилась для нас невидимой. Когда же запасы иссякали, она... скорее всего... пряталась в тебе.

— Фу... — Я вдруг почувствовала себя изнасилованной. — Как это может быть? Она что... и сейчас?..

Я окинула взглядом свое тело, словно и впрямь надеялась что-то увидеть.

Картер тоже присмотрелся ко мне.

— Нет. Пока у нее, видимо, хватает сил, чтобы гулять на свободе. А как это может быть... ну... энергия и жизнь постоянно движутся то внутрь тебя, то наружу, а она в некотором роде является и тем и другим. Ты же — что-то вроде трубопровода для этих сил.

— Не говори так. А то я чувствую себя каким-то механизмом.

— Зря. Потому что благодаря этому ее слиянию с тобой ты и способна узнавать иногда о ее действиях. Хотя она очень старается их скрыть... и саму себя тоже.

— Каким образом?

— Снами, — сказал Винсент. — Отвлекает тебя ими — счастливыми, завораживающими снами, которые настолько завладевают твоим подсознанием, что ты не чувствуешь, как она выкачивает энергию.

Я откинулась в ошеломлении на спинку кресла. Много всяческого дерьма происходило в моей жизни — особенно в последние месяцы, но уж это было венцом всему. По спине мурашки побежали, и на миг я испытала сюрреалистическое ощущение, будто мое тело мне больше не принадлежит. Тошно было еще и потому, что сны оказались всего лишь отвлекающим маневром. Такие милые, волнующие... я лелеяла их в памяти, как истинное сокровище. Все было ложью, иллюзией, созданной монстром, чтобы скрыть свое паразитическое присутствие. Понимание этого обесценивало их прелесть. А ведь я любила малышку. Хотела верить, что где-то она существует. В реальности...

— Что ж, — сказал Джоэль, сверля меня взглядом, — значит, теперь у нас есть суккуб, которым можно приманить Никту.

И указал в сторону двери.

— Ступай. Найди и соблазни какого-нибудь несчастного. Чтобы Никта вернулась.

Меня передернуло.

Ясмин посмотрела на него сердито.

— Ты не видишь, что она расстроена? Прояви чуточку сострадания.

— Предавшиеся злу его не заслуживают, — буркнул он.

Тут Уитни сказала:

— Сострадания заслуживает всякое существо, — и я удивленно вскинула на нее взгляд.

Обычно она помалкивала.

Глаза у нее были черные, бездонные, исполненные силы и чувства. Мне показалось, что я падаю в их глубину, как случалось иногда, когда я заглядывала в глаза Картеру. И я решила, что с меня хватит, пожалуй, общения с ангелами. Пусть прощупывают чьи-нибудь души... не меня.

Воцарилось неловкое молчание.

— Ладно, — сказала я. — Нечего тянуть время. Что от меня требуется?

— Ты будешь приманкой, Джорджина, — ответил Картер.

— Как всегда, — проворчала я. — И почему, спрашивается? За что мне это?

Недавно пришлось служить приманкой для бога-наильника. Что радовало ничуть не больше, чем нынешнее предложение.

Я думала, Картер ответит шуткой, но он был серьезен.

— Потому что ты из тех уникальных личностей, что способны накапливать силу.

Ну вот, то трубопровод, то это... Ни тем ни другим мне быть не хотелось. Как и приманкой. Хотелось по-прежнему спокойно работать в книжном магазине, радоваться встречам с любимым. Правда, не было у меня никогда особой радости, но хоть во сне увидеть...

Во сне.

Зря я выбрала это слово.

— Увы, — деликатно начала Ясмин, — Джоэль, в общем-то, прав. Нужно, чтобы ты... э-э-э... пополнила запас энергии. Иначе Никту не приманишь.

Джоэль скривился. Я вздохнула.

— Понятно. Я не хочу, конечно, чтобы она успела еще кому-нибудь навредить, но... это обязательно нужно сделать сегодня? Нельзя ли завтра? Просто я... сейчас не готова.

После ссоры с Сетом... после всего услышанного. Я была разбита. Мысль о сексе вызывала тошноту, и никакой энергии не хотелось.

Джоэль сжал кулаки.

— Не готова? Нашла время капризничать! На кону жизнь...

— Джоэль.

Картер произнес всего одно слово. Но твердо и властно. Ни разу не слышала, чтобы этот неряшливый, ироничный ангел разговаривал таким тоном. Они с Джоэлем сцепились взглядами. Силу выших бессмертных я определять не умела, но знала, что Картер был невероятно силен. Сильнее даже Джерома.

— Оставь ее в покое. Никта нападет лишь тогда, когда наворует достаточно энергии. Этой ночью нам всяко не о чем волноваться.

Разбирайся я хуже в таких вещах, решила бы, что Джоэль испугался. Судя по виду, ему много чего хотелось сказать, но он отступил.

— Чудесно, — только и процедил сквозь сжатые зубы.

Я с благодарностью посмотрела на Картера. Надежды соблазнить кого-то в таком состоянии у меня было почти столько же, сколько у Тауни. Вспомнив о ней, я задумалась, не рассказать ли о своих подозрениях, что Никта высасывает и ее тоже. Но решила не делать этого. Ситуация с Тауни все-таки казалась темной.

Ясмин встала, положила руку мне на плечо.

— Отдохни. Выглядишь ужасно. А завтра тебе нужно быть готовой.

— Ха. Я выгляжу так, как мне захочется. Если и впрямь ужасно... значит, дело плохо.

Она улыбнулась.

— Я не о физическом виде.

Ясмин исчезла. Через секунду за ней последовали Уитни и Джоэль. Остались лишь Винсент и Картер.

— Все будет хорошо, — заверил меня ангел.

— Не знаю, — сказала я. — Безумное чудовище, порождение хаоса, рыскает то в меня, то обратно. Вы собираетесь его обскакать. Сильно смахивает на то, что закончиться все может не слишком хорошо.

— Маловерка.

Картер тоже исчез.

Мы с Винсентом немного постояли молча. Потом я вздохнула.

— Ангелы... чтоб их.

Он тронул меня за плечо.

— Пошли домой.

И мы выбрались из магазина и молча зашагали по холодной улице. Вид у Винсента был усталый и задумчивый. Наверняка из-за Никты.

Однако, когда мы приблизились к дому, выражение его лица начало меняться. Сделалось сперва озадаченным. Потом удивленным и испуганным. Испуг превратился в ужас и омерзение, и у дверей мы остановились.

— В чем дело? — спросила я.

Он указал вверх.

— Там... какое-то зло.

— Моя квартира, быть может? Я ведь зло, как тебе известно, по определению...

Винсент покачал головой.

— Нет-нет. Оно другое. Ты — зло природное... не обижайся. А там... что-то рукотворное. Черное и неправильное. Неестественное. Кто-нибудь из ваших еще живет в доме?

— Нет. Только я.

Он поморщился.

— Что ж, давай зайдем, посмотрим, где оно кроется. Фу. Похоже, по моим ощущениям, на... гниющие отбросы.

Мы вошли в подъезд, и он почти сразу понял где. В моей квартире.

— Сказано же было, я тут единственное зло, — пошутила я.

Хотя его реакция меня слегка встревожила.

Винсент не ответил, двинулся вперед с таким видом, что мне сразу вспомнилась его собственная шутка — насчет ищейки. Зашел в спальню и вернулся с хитроумной поделкой Данте.

— Вот, — сказал он, держа ее на вытянутой руке.

— Это? — спросила я удивленно. — Не может быть.

— Где ты взяла эту штуку?

— Ее сделал один мой знакомый. Тот, что мне помогал. Он вроде как... медиум. А может, и вправду медиум. Толкует сны и выдает себя за мага. — Я посмотрела на сплетенный из веточек шарик. — По-твоему, он и маг настоящий?

— О, не сомневайся. У этой вещи такое омерзительное и сильное излучение... не верится даже, что ты его не чувствуешь. То есть верится, конечно, просто ты знаешь совсем другие виды магии. Но,

боже... у меня лично ощущение, будто я нахожусь в канализации.

— Ну... возможно, он и сам плохой человек. Так мне, во всяком случае, о нем говорили. Не знаю. Я думала, наркоманию имеют в виду.

— Он плох в любом случае, — сказал Винсент. — И эта вещь — плохая. Это репеллент, да? Чтобы не подпускать Никту?

— Да... только он не был уверен, что сработает.

— Сработает, еще как. Почти никого не подпустит. Чтобы смастерить такое... черт... Джорджина, сила, которая для этого требуется, — редчайший дар. С ним рождаются единицы. Твой знакомый точно не родился. Он эту силу украл.

— Силу все крадут, — заметила я сухо. — Я, Никта...

Взгляд Винсента сделался жестким.

— И ты, и она из людей ее высасываете. А эту из кого-то... вырвали. Как сердце из груди.

— Что?.. — Я вытаращила глаза. — Хочешь сказать, Данте, чтобы сделать амулет, кого-то убил?

— Именно этот амулет? Возможно. Но для того, чтобы хотя бы попытаться его сделать, он уже должен был обладать великой силой. А чтобы ее получить, он должен был однажды совершить что-то очень плохое.

— Такое, как убийство?

— Хуже. Особое убийство — жертвенное. Ты знаешь, какая в них заключена сила.

Да, я знала. В собственном ремесле — воровать души — выбора я не имела, но всегда старалась сохранить руки чистыми от прочих зверств. Тем не менее, служа аду, невозможно не знать всего ассортимента зла и способов, какими оно творится.

— И знаешь также, что, чем больше импульс — больше значимость — жертвенного убийства...

— ...тем больше сила, да. — По телу побежали мурашки, когда я начала понимать, куда клонит Винсент.

— Кого бы он ни убил ради этой силы, выбор был отнюдь не случайным. Очень значимым для него. И очень страшным. Ему пришлось переступить через себя, через собственную человечность... чтобы ее получить.

Я снова посмотрела на плетеный шарик. Того, что чуял Винсент, я воспринять не могла, но теперь и мне было неприятно и тревожно рядом с этим амулетом. Я поняла вдруг, почему так странно повела себя Кейла. Амулет, когда мы виделись с ней, лежал у меня в сумочке. Видимо, его сила укрывала меня, поэтому малышка и сказала, что я «плохая». Что же такое совершил Данте... насмешливый, немногословный Данте... чтобы получить силу, которая, по словам Винсента и Хью, нужна была для изготовления подобного амулета? Должно быть, из-за этого Эрик его и ненавидел.

Я содрогнулась.

— Ты можешь эту штуку уничтожить?

Винсент кивнул.

— Если хочешь.

Я помнила, конечно, что амулет — возможность отогнать Никту. Но не навеки... а нам, наоборот, надо было приманить ее, чтобы поймать. Сглотнув комок в горле, я кивнула тоже.

— Давай.

Дело заняло всего несколько секунд. Вокруг плетеного шарика вспыхнул зеленый свет, и ладонь Винсента опустела. Я лично никаких перемен не почувствовала, но на лице нефилима выразилось облегчение.

— Ну вот, — вздохнула я. — Теперь ее ничем не остановишь.

— Да, — подтвердил он, отряхивая руки. — Готовься.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

На следующий день Сет в магазине не появился, и я восприняла это как плохой знак. На наши ссоры он всегда реагировал таким пассивно-агрессивным образом.

Я думала о нем и о последнем разговоре почти весь день. Ссорились мы частенько, но до такого — смахивающего на разрыв — у нас еще не доходило. Что-то беспокоило меня, помимо самой размолвки, но что именно, я никак не могла понять. Казалось только, будто произошло нечто очень серьезное. Это пугало, и помириться мне хотелось все сильнее.

Еще я, конечно, тревожилась из-за Никты. После работы мне следовало найти жертву. Ангелы собирались явиться, когда я усну и Никта сделает свой ход.

— У тебя все в порядке?

Я оторвала взгляд от пачки документов, которые подписывала. И увидела посреди кабинета Мэдди — в черной юбке и белой блузке. И то и другое было в обтяжку, и выглядела она потрясающе. Еще и волосы распустила.

— Ого, — восхитилась я. — Это по какому же поводу?

— Ни по какому. — Она пожала плечами. — Просто обновляю гардероб.

И, подняв ногу, продемонстрировала черные туфли на трехдюймовом каблуке.

— Ну ты даешь, — сказала я. — Ничего не делаешь наполовину.

Мэдди просияла, и я заметила еще кое-что, кроме новой одежды. Счастливый блеск в глазах, уверенность... ничего общего не осталось с той грубоватой девицей, какой она предстала на аукционе.

— Что случилось? — спросила я, в первый раз за день забыв о своих печалях.

Мэдди улыбнулась еще шире, на щеках мелькнули ямочки. Но тут же снова посерьезнела.

— Потом расскажу. У меня хорошие новости. Но... с тобой-то что? Выглядишь ужасно.

Это я уже слышала накануне от Ясмин. Воистину печальный день для суккуба, когда он не может удержаться на высоте.

Я покачала головой:

— Так сразу не объяснить, — и выдавила улыбку. — Ничего, разберусь. Не волнуйся, лучше о себе расскажи. Приятно видеть, что хоть кому-то хорошо.

— Нет, сейчас не могу. Меня ждут... заскочила только передать тебе это. — И она положила на стол еще пачку бумаг, которая растворилась среди прочих.

В кабинете у меня царил такой хаос, что он вполне сгодился бы Никте в качестве убежища.

— Хочешь, чтобы я сошла с ума от любопытства? — поддразнила я.

— Ну... послушай, ты не сможешь подкинуть меня завтра в аэропорт? Лечу домой на Рождество.

— С Дагом?

— Нет. Дарю его тебе на каникулы. Если подвезешь, все расскажу по дороге. Выехать надо около пяти.

— Пять часов вечера в пятницу перед Рождеством. У нас будет куча времени на разговоры.

На мгновение она стала прежней Мэдди. Прямаялила:

— Если это сложно...

— Нет. Закроемся мы в любом случае рано. Подвезу.

Она вышла, и еще какое-то время я думала не о своих проблемах, а о ней. Что бы ни случилось в ее жизни, это было что-то хорошее. Помогло ей измениться. Такая Мэдди — счастливая и уверенная — нравилась мне куда больше.

Мысли эти прервал телефонный звонок. Я сняла трубку и услышала голос Сета.

— Привет.

— Привет, — откликнулась я, стараясь говорить спокойно и с достоинством, чтобы не выдать тоски и облегчения.

Последовала долгая пауза.

— Я... только хотел спросить... мы идем на Рождество?

Сердце у меня упало. Ни тебе — «я соскучился». Ни тебе — «прости».

— Конечно. Все в силе.

Рождество... У меня возникло вдруг ощущение дежавю. На День благодарения мы тоже ездили к его брату. И тоже были в ссоре. Снова вспомнилась мысль о замкнутом круге, по которому движется моя жизнь. «Ты не учишься. Не меняешься». Тогда мы с Сетом помирились. Видимо, предстояло помириться и теперь. В конце концов, чего и ждать от Рождества, как не чудес?

— Хорошо, — сказал Сет. — Я за тобой заеду.

— Ладно.

Опять зависла долгая пауза.

— Я бы пришел к тебе сегодня, но... книга-книга.

Всегда — книга. Впрочем, сегодня я и сама была занята. Разборками с божеством хаоса.

— Да, понимаю.

— Поговорим на Рождество.

— Ладно.

Мы распрощались. И во мне опять проснулось непонятное беспокойство. Даром предчувствия я не обладала, но внутренний голос — который ничего общего не имел с видениями, насылаемыми Никтой, — велел готовиться к чему-то серьезному.

После работы я поехала в Беллвью — самый роскошный и претенциозный пригород Сиятла, полную противоположность Ситака. Количество отелей, ресторанов, магазинов росло здесь неуклонно, и вместо старых, простеньких домишек благодаря вливанию средств компаниями «Боинг» и «Майкрософт» появлялись с тем же постоянством новые красивые здания современной архитектуры.

А еще в Беллвью жил парень по имени Кевин, с которым я познакомилась в баре несколько лет назад. Никакими крайностями Кевин не отличался. Не был ни грешником, ни святым, занимал удачное местечко где-то посередине и давал мне достаточно энергии всякий раз, как я с ним спала. Единственная примечательная черта — он всегда оказывался на месте. Работал дома — торговал чем-то через Интернет — и, похоже, никогда никуда не выходил.

Хотя был и общительным, и симпатичным. Я в подробности его жизни не вдавалась, поскольку это было мне только на руку, когда срочно требовалось переспать с каким-нибудь не слишком противным партнером.

— Сандра, — радостно сказал Кевин, открыв дверь. — Давно не виделись...

Он был темноволос, темноглаз, успел отрастить бородку, которая ему очень шла.

Я в обличье «Сандры» сохранила лишь обычное миниатюрное телосложение. Все остальное изменилось — волосы стали темными и кудрявыми, глаза фиалково-голубыми. Под длинным черным пальто появилось облегающее синее платье без рукавов, легковатое для такой погоды.

— Давно, — согласилась я. — И что, теперь ты меня непустишь?

Он улыбнулся, отступил от двери, сделал приглашающий жест.

— Я, по-твоему, сумасшедший? Завернуть тебя с порога может только полный идиот.

Вслед за Кевином я прошла в гостиную. Та оказалась обставленной заново и выглядела замечательно. Все — от мебели до штор — было серо-голубых тонов, напоминавших о зимних сумерках. Потрескивал растопленный камин. Из окна-фонаря открывался вид на соседний жилой комплекс.

Повесив пальто на спинку стула, я разгладила несуществующие морщинки на платье.

— Хочешь выпить чего-нибудь? — спросил Кевин, сунув руки в карманы.

Я покачала головой.

— У меня мало времени.

Он невесело улыбнулся.

— Как всегда. Знаешь, порой мне кажется, что меня используют.

— Тебе это не нравится?

— Не нравится? — фыркнул он. — Красивая женщина, которая спит со мной, и никаких обязательств? Кому такое может не нравиться?

Он шагнул ко мне.

— Используй, как тебе угодно.

Еще шаг — и мы слились в поцелуе. Без промедления и преамбул. Я обвила руками его шею, разомкнула губы, горя желанием поскорее ощутить его вкус. Мгновение он обнимал меня за бедра, затем скользнул руками вверх, добрался до бретелек платья. Не прерывая поцелуя, приспустил его. Прижал меня к стене возле камина и начал ласкать обнаженные груди, сжимая соски — то жестче, то нежнее.

Я все же оторвалась от его губ, кивнула в сторону незанавешенного окна у него за спиной.

— Окно...

Он снова припал к моему рту. После короткого танца языков выдохнул всего одно слово:

— Знаю.

По тону я поняла, что не просто знает. А хочет, чтобы все произошло именно так. Перед окном. Похоже, открылся сезон эксгибиционизма...

Наконец он оторвался от моих губ, проложил дорожку поцелуев вниз, покусывая и облизывая соски. Я, запрокинув голову, выгнулась навстречу ему всем телом. Одной рукой он продолжал сжимать грудь, второй — задрал подол платья, жадно нашаривая трусики и то, что под ними.

Меня захлестнула жажда его прикосновений, его энергии. Губы Кевина двинулись еще ниже по моему телу, я застонала. Он опустил на колени, стянул с меня трусики до самых щиколоток. Слегка

раздвинул бедра и зарылся в них лицом, щекоча бородкой кожу. Я была уже горячая и влажная и, когда он коснулся языком моего жаждущего клитора, застонала еще громче. Колени у меня задрожали.

Я попыталась было сказать, что не стоит этого делать, можно сразу перейти к главному. Но, чувствуя мягкие движения его языка, от которых огонь во мне разгорался все жарче, договорить не смогла. Последние трое мужчин, с которыми я имела дело, до экстаза меня так и не довели. И сейчас, хотя встреча была по сути деловой, всего лишь частью плана по поимке Никты, мне внезапно и эгоистично захотелось получить от нее больше, чем одну только энергию.

Он ласкал меня языком то быстрее, то медленнее, то усиливая нажим, то ослабляя. Когда в меня хлынул поток его мыслей, я поняла, что ему нравится это делать... нравится видеть мою реакцию на каждое движение, а не просто процесс сам по себе. Он был из тех мужчин, которые получают удовольствие, доставляя его женщине. Огонь, зажженный им между моими ногами, рос и ширился от каждого прикосновения языка, постепенно распространяясь по всему телу, до кончиков пальцев. И вскоре вся я стала огнем в человеческом — верней, суккубовском — обличье. Жгучее наслаждение достигло критической точки, колени подогнулись, и Кевин обхватил меня за ноги, чтобы не упала.

Достигнув пика, огонь обратился в чистый свет, чистое блаженство. Я закричала. А Кевин даже во время оргазма все продолжал дразнить меня языком. Удержать, правда, уже не смог. Ноги мои превратились в желе, я сползла по стене, села на пол перед Кевином. Довольный, он улыбнулся и поцеловал меня. На губах его я ощутила собственный вкус.

— Вставай, — сказал Кевин.

Взял за руки, помог подняться.

Подвел меня к окну, снял платье совсем. Бережно посадил на высокий подоконник. Потом разделся сам и пробормотал:

— Презерватив найти надо. Я кое-как перевела дыхание.

— Нет, я хочу чувствовать тебя... тебя самого. — Взяла его руку, положила между ног. — И чтобы ты меня чувствовал.

После удовольствия, которое он мне только что доставил, я стала очень влажной. Пальцы его легко скользнули внутрь, глаза распахнулись. Мгновение он колебался, потом кивнул.

Любому из своих друзей-людей я, конечно, посоветовала бы безопасный секс. Для меня это значения не имело — я не могла ни забеременеть, ни подхватить болезнь. И партнеров своих часто уговаривала обходиться без защиты, чтобы усилить в них чувство вины. Но сейчас, с Кевином, всего лишь не желала тратить время на поиски презерватива. Слишком велики были нетерпение и жажда. Я хотела его немедленно.

Он хотел меня не меньше. Потрогав его, я в этом убедилась. Обхватила пальцами, сжала, начала поглаживать. Затем, прижавшись спиной к холодному оконному стеклу, подняла и развела колени. Подоконник был такой высоты, что бедра наши оказались на одном уровне.

Я ввела его в себя, и мы оба задохнулись от восторга. Он вошел глубоко, наполнив меня до отказа. Изменив обличье, я сделала себя предельно тесной, и наслаждение, которое он доставлял мне, испытывая эти пределы, было утонченно изысканным. Мгновение Кевин не шевелился, смакуя само соприкосновение, потом медленно начал двигаться, с каждым толчком прижимая меня к стеклу.

И в этот миг в меня заструилась его жизнь. Я чуть не вскрикнула от облегчения. Блаженство, которое доставлял поток энергии, соперничало с физическим наслаждением. Я так истосковалась по ней, так жаждала этой неопишуемой радости — чудесной, чистой силы человеческой души. Никта украла часть меня самой... и сладко было чувствовать, что я цела снова — пусть даже не надолго.

Мысли Кевина, обладавшего мной, тоже были счастливыми. Некая тайная, странноватая часть его существа тешила себя надеждой, что жильцы соседнего дома наблюдают сейчас за нами. Ему хотелось, чтобы наблюдали. И завидовали.

Движения его становились все резче и быстрее, он твердил не переставая, какая я потрясающая, какая красивая. Не остыв от удовольствия, которое он доставил мне изначально, я достигла пика еще дважды. Потом почувствовала, как он напрягся, и поняла по выражению лица, что он уже не владеет собой. Схватила его за руки, и последним толчком он придавил меня к стеклу с такой силой, что оно едва не треснуло. В момент кульминации поток энергии тоже достиг своего пика, и, когда все затихло, оба мы счастливо выдохнули.

Ушла я от него не так быстро, как от Брайса, но и понежиться хоть немного в приятной истоме себе не позволила. Помогла Кевину одеться, расположиться на диване со всеми удобствами. Он мне нравился, и мы вполне могли еще когда-нибудь увидиться, случись такая нужда.

Вид у него, когда мы прощались, был довольный и сонный.

— Ты самая изматывающая женщина из всех, кого я встречал, — пробормотал Кевин с закрывающимися от усталости глазами.

Я невольно улыбнулась. Да уж. Другие душу у него не воровали... во всяком случае, не в буквальном смысле.

— Это значит, что мне лучше держаться от тебя подальше?

Он тоже улыбнулся, зевнул.

— Нет. Никогда...

Уходила я от него в приподнятом настроении. Но когда, полная энергии до краев, подъехала к дому и вспомнила, для чего в действительности нужна была эта встреча и что должно произойти ночью, радости поубавилось. Огонь, пылавший во мне час назад, обратился в холодные угли.

Дома меня ждали Винсент, Картер и Ясмин. По поводу моего свечения никто и слова не сказал. Тут же с жаром пустились обсуждать план действий.

— Никта наверняка сегодня явится, — рассудил Картер. — Увидит, что ты взяла энергию, и примется за дело.

Ясмин подхватила:

— Нам тут находиться нельзя. Останется только Винсент, в гостиную. Его она ни в чем не заподозрит, примет за обычного человека. Но он почувствует, когда она начнет тебя выедать, и сразу сообщит нам. Мы явимся и повяжем ее.

От слов «выедать» и «повяжем» мне сделалось не по себе.

— И как это произойдет?

— Мы выдернем ее и загоним в ловушку, — сказал Картер.

«Выдернем», похоже, означало, что выдергивать будут из меня. Ох.

— А потом вернем обратно в заточение, — добавила Ясмин.

Их уверенность меня слегка подбодрила. Подпала, видно, все-таки под влияние ангельской харизмы... Но отступать в любом случае было некуда, если я хотела избавиться от ночной гостыи.

— Хорошо, — сказала я. — Так и сделаем.

Ангелы ушли.

Час был еще ранний, и остаток вечера я скоротала с Винсентом. Мы поиграли в карты, посмотрели телевизор. За этими обыденными занятиями как-то и не вспоминалось, что он нефилим. Ближе к полуночи я встала, потянулась.

— Боюсь, не усну, — сказала я. — Нервы так напряжены, что не расслабиться. Почти как в канун Рождества... только вот жду совсем не Санту.

Он улыбнулся.

— Уж постарайся. Не получится — примешь снотворное. Но лучше бы без него обойтись.

В постели я пролежала почти два часа. Расслабиться и впрямь нелегко, когда, считай, сама пригласила порождение хаоса тобой попировать. И все же, когда начала засыпать, я невольно ощутила сладкий трепет. Опять увижу сон...

И увидела.

Он начался так же, как всегда, и шел своим чередом до того момента, когда я сновиденная стала укачивать малышку. Издалека донесся стук захлопнувшейся автомобильной дверцы, и слезы ребенка тут же высохли. Я улыбнулась дочери — моей дочери! — с тем преувеличенным оживлением, с каким взрослые обычно общаются с детьми.

— Слышишь? Папа приехал.

Малышка тоже разулыбалась. Держа ее на руках, я поднялась с корточек — что оказалось не слишком просто, с моей миниатюрностью. Подошла к входной двери, открыла ее и выглянула.

Тишина, темнота. Одинокая лампа над крыльцом освещала лишь газон и подъездную дорожку, покрытые нетронутыми сугробами. С небес густо сеялся снег. Что это за место, было не понять, но уж точно не Сиэтл. Здесь такое обилие снега вызвало бы панику, и горожане дружно начали бы готовиться к Армагеддону. Но я сновиденная была совершенно спокойна. Как будто успела привыкнуть к подобному зрелищу.

Вдали на подъездной дорожке стояла только что подъехавшая машина. Над багажником склонился мужчина — темный силуэт в снежной круговерти. Сердце мое затрепетало от счастья. Вынув небольшой чемодан на колесиках, он выпрямился, закрыл багажник. Девочка радостно хлопала ладошки, а я помахала ему рукой. Он махнул в ответ и двинулся к дому.

Я настоящая отчаянно пыталась разглядеть в темноте его лицо. Но он был слишком далеко. Ближе, ближе... еще чуть-чуть... еще...

Ближе он так и не подошел, потому что в этот момент из меня вырвали душу.

Боль была такая, что я вскинулась в постели с криком. И увидела всех четверых ангелов и Винсента, стоявших вокруг кольцом. От силы, которая исходила от них, воздух в комнате, казалось, загустел. Дышать было трудно.

А возле самой кровати стояла Никта.

Я узнала ее сразу — по описанию Эрика. Сияющее облако энергии. Нематериальное, просвечивающее тело в каких-то прозрачных лохмотьях. Изможденная старуха с виду. Бледное лицо, белые волосы. Запавшие черные глаза... не человеческие.

Видеть потоки энергии я не могла, но чувствовала их очень живо. Ангелы успели окружить Никту энергетическими стенами, но еще не связали. Куда там — эти стены она расталкивала с такой мощностью, что я изумилась. Каждый ангел был неизмеримо сильнее меня, но против нее они даже вчетвером казались слабее. На миг я задумалась, зачем ей нужна была моя энергия — при таком-то количестве собственной. Хотя и моя наверняка пошла в ход... Никта успела впитать почти половину, прежде чем ангелы выдержали ее из меня.

Никта яростно завизжала. И тут я поняла, что происходит. Чем больше она билась в эти стены, тем меньше оставалось у нее силы. Ангельская же никуда не девалась. Они просто ждали, когда Никта ослабеет. Она тоже сообразила это. Лицо ее исказилось бешенством. И, обведя круг ангелов безумным взглядом, она остановила его на Ясмин.

Какая-то связь между мной и Никтой еще сохранилась, поэтому я догадалась, что она хочет сделать. Выбрав самого уязвимого с виду противника, ударить его всей оставшейся силой, в надежде разом пробить брешь и отвлечь внимание — если удастся нанести Ясмин достаточный вред...

За миг до того, как она ринулась в атаку, я увидела лицо Винсента. Он понял ее намерения тоже. Шагнул вперед и сбросил маску. Меня накрыло излучением нефилима. И его силой — немалой, которую до времени он успешно скрывал.

Невидимая энергия ударила в Ясмин. Но Винсент ее блокировал. Удар вернулся к Никте, та снова отчаянно завизжала. Оборона ее рухнула, и ангелы мгновенно этим воспользовались. Вокруг Никты засверкали световые лучи, обвинили ее. Свет сразу же и погас, но пути остались. Никта принялась бешено извиваться. Бесполезно — из ловушки уже не вырваться.

Ангелы сделали свое дело. Поймали Никту.

И как будто тут же о ней забыли.

Все смотрели на Винсента.

— Ты... — выдохнул Джоэль.

Он не мешкал ни секунды. Шагнул к нефилиму. Засветился с ног до головы. У меня на глазах началась трансформация ангела в истинное обличье — ужасающей красоты и силы.

Но Ясмин оказалась проворней.

Эта стройная темноволосая женщина в единый миг обратилась в чистый свет. Всех цветов радуги — и ни одного из них. В руке ее появился пламенный меч. Она заслонила собой Винсента, который тщетно просил ее остановиться, метнулась к Джоэлю. Нанесла удар, и ангел закричал.

Меня обдало нестерпимым жаром. Тут только я опомнилась, поспешно закрыла глаза и отвернулась. Чтобы видеть истинное обличье ангелов, требуются особые органы чувств, какими не обладают ни люди, ни суккубы. Мне нельзя было смотреть на Ясмин... опасно было даже находиться с ней в одной комнате.

Однако главное я все же увидела до того, как отвернуться. Удар мечом. Ясмин напала на Джоэля. Никта сочла ее самой слабой из четверых, но на самом деле эти двое были равны. И помогло Ясмин лишь то, что она успела первой.

Воздух в комнате забурлил с ураганной силой. Взорвался светом, подобно сверхновой звезде. Все стало огнем и ветром. И криком. Кричали двое — Ясмин и Джоэль. Я накрыла голову руками, съежилась, не сомневаясь, что тут-то мне и конец. Напряжение силы в комнате достигло такого уровня, что, казалось, дом должен рухнуть, мир — перевернуться. И продолжало расти.

Затем все резко изменилось. Сила двинулась в обратном направлении, возвращаясь к ангелам. Ощущение было такое, словно в комнате образовалась засасывающая черная дыра. Втягивалась в нее, конечно, только энергия, а не физические предметы, но мне казалось, что меня тащит тоже, и я вцепилась что есть силы в изголовье кровати. Время перестало существовать. Это могло длиться и

десять секунд, и десять часов.

И наконец все затихло. Стало как обычно. Никаких безумных силовых уровней. Просто комната... в которой находятся трое ангелов, нефилим, суккуб и порождение хаоса...

О котором все словно бы забыли напрочь.

Ясмин вернулась в человеческое обличье. Безопасное для меня. Я взглянула на Картера и Уитни, ожидая, что теперь они набросятся на нее. Но оба застыли в оцепенении.

От Джоэля не осталось и следа. Убит, развеян. Тайфун силы, отбушевавший в комнате, был знаком его гибели.

Ясмин стояла на коленях, закрыв лицо руками. И рыдала, твердя без умолку что-то, похожее на неистовую молитву. Винсент держался от нее на расстоянии — как и ангелы. Она только что убила Джоэля. Непонятно, почему все бездействовали. Стояли... словно дожидаясь чего-то.

И тут я услышала голос, зазвучавший как будто у меня в голове, а не рядом в комнате.

— Суккуб...

Я обернулась, взглянула в запавшие глаза Никты, о которой тоже забыла. Она протянула ко мне руку, я вздрогнула от страха. Но невидимые пути, к счастью, удержали ее на месте.

— Суккуб, — повторила она. — Дотронься до стен. У тебя еще есть сила... освободи меня.

— Что? Нет уж!

Я бросила быстрый взгляд на ангелов. Те по-прежнему стояли неподвижно.

— Освободи, и я помогу тебе отомстить.

— Отомстить? Кому?

— Тому, кто направил меня к тебе, когда я сбежала, — прошептала она. — Кто обещал мне тебя.

Полный бред.

— Ты о том... кто тебя освободил?

Она тревожно оглянулась. Время передышки уходило.

— Нет, тебя обещал! Но я могу тебе помочь. Покарать его...

— Нет! — решительно сказала я.

Она была слишком опасна. И какую бы месть ни имела в виду, та не стоила бед, которые Никта могла причинить смертным, оставаясь на свободе.

Лицо ее исказилось отчаянием. Ангелы неизбежно должны были о ней вспомнить, мы обе это понимали.

— Я покажу тебе конец сна! — вскрикнула она. — Того мужчину, который тебе снился!

Сердце у меня остановилось.

— Его не существует, — выдавила я. — Твои сны — ложь. Ты обманывала меня.

— Нет! Все, что я показываю, — правда. Только правда.

— Невозможно...

Я сглотнула вставший в горле комок. Глаза наполнились слезами. О, если бы это была правда...

— Со мной ничего подобного не может случиться никогда.

Никта ударила кулаками в невидимые стены своей тюрьмы.

— Это реальность! Будущее! Я видела его. И ты увидишь, только дотронься до стен. Я покажу тебе мужчину из сна!

Мне нестерпимо этого хотелось. Увидеть его. Мужчину из сна. Того, кто, возможно, и вправду мог сделать это будущее реальностью... Рука моя сама потянулась вперед, словно ею руководила какая-то посторонняя сила. Глаза Никты вспыхнули радостным нетерпением.

И тут внезапно раздался крик.

Нет... что-то другое. Когда Ясмин убивала Джоэля, тогда звучал крик. А это... ужаснее звука я еще не слышала. Нечто запредельное. Воспринять его полностью уши были не в состоянии, как глаза — истинное обличье ангелов.

Я отдернула руку. Резко обернулась.

Ясмин по-прежнему стояла на коленях, но теперь ее пожирало пламя. Необычное. Напоминавшее сияние ее истинного обличья — всех цветов и ни одного.

Картер и Уитни смотрели на нее с непроницаемыми лицами.

Винсент тоже смотрел. С отчаянием и ужасом. Попятился от этого пламени, оказался рядом со мной.

Что происходит с Ясмин, я пока не понимала, но хорошо знала, что произойдет с ним.

— Беги, — сказала я, понизив голос.

Лицо у него было таким же белым, как у Никты. И выглядел он столетним стариком.

— Не могу... не могу ее оставить.

— Должен. Они убьют тебя. А не они, так кто-нибудь еще. Просто уйти не дадут. Сам знаешь.

Он все не отводил взгляда от Ясмин. Но я отвернулась, не в силах на нее смотреть. Она уже целиком обратилась в пламя, которое стало черным...

— Беги! — повторила я. — Она сказала бы тебе то же самое. Она пошла на это ради тебя!

Винсент вздрогнул. Посмотрел наконец на меня. И при виде его горя слезы, которые я до сих пор сдерживала, хлынули из глаз.

— Беги, пожалуйста, — взмолилась я; — Джоэль умер. Ясмин как будто умирала тоже.

Видеть еще одну смерть я была не в состоянии.

Винсент ничего больше не сказал. Помешкал пару секунд и стал невидимым. Я почувствовала, что аура его тоже пропала.

Пламя, пылавшее в комнате, начало гаснуть. Из него вновь показалась Ясмин — невредимая. Точно такая же с виду, только в излучении ее что-то изменилось. Остался прежний золотой свет, привкус шафрана и ладана. Но исчезла кристаллическая острота, свойственная ангельской ауре. Сменилась чем-то темным и дымным... дымным, но никакого отношения к огню не имеющим.

Пламя угасло окончательно. Ясмин осталась на коленях. Через несколько мгновений я ощутила еще одно излучение, знакомое. И в комнате появился Джером, вернувшийся наконец из своей загадочной отлучки по неведомым делам.

Он обвел всех взглядом, остановил его на мне.

— Ничего себе. Чем ты тут занималась?

Я не ответила, глядя на Ясмин. Вроде бы такая же. Точно такая. И все же больше не...

Ясмин тоже заметила перемену. Вытянула перед собой руки, уставилась на них так, словно никогда не видела прежде. Лицо ее искажил ужас.

— Нет, — простонала она. — Нет...

И снова зарыдала.

Картер наконец оторвал от нее взгляд, встретился глазами с Джеромом.

— Она твоя, Шарон.

Джером кивнул, шагнул к ней.

— Пора идти.

Она подняла к нему залитое слезами лицо. Ничего не сказала, да этого и не требовалось. Все было написано на лице. Мольба о том, чтобы случившееся оказалось неправдой... чтобы Джером сотворил чудо и развеял кошмар...

Он покачал головой, коснулся ее плеча. Оба исчезли.

В комнате стало тихо. Неестественно тихо. Я поежилась. И, когда заговорила, собственный голос показался мне чужим и странным.

— Что... это было? — спросила я у Картера, только теперь заметив, что Уитни тоже плачет.

— Ясмин пала, — ответил он тихо. — Теперь она — демон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Остаться в спальне, где на моих глазах умерли два ангела — один физически, другой духовно, — я не могла. Да и в самой квартире тоже. Как я сбежала, никто вроде бы не заметил. А может, им было не до меня. Плененная Никта на руках — забота поважнее, чем какой-то суккуб в расстройстве чувств.

Куда еду, я и сама не знала. Только минут через десять сообразила — к Данте. То, что сказал Винсент об амулете, казалось сейчас неважным. А мне необходимо было немедленно поговорить с кем-нибудь о происшедшем. Сет понял бы не все, да мы с ним еще и не помирились. С вампирами обсуждать серьезные темы порой было тяжеловато. На Хью я до сих пор сердилась. Эрика беспокоить не стоило, пока не поправится. Так что больше ехать было не к кому.

В дверь пришлось ломиться минут пять, прежде чем Данте открыл. Снова я его разбудила, судя по мятой одежде и всклокоченным волосам. И встретил он меня, как всегда, не слишком приветливо.

— Амулет не сработал? Я же говорил... — Тут он всмотрелся в мое лицо повнимательней. — Что стряслось?

Я добрела до стула, рухнула на него, обхватила голову руками. Открыла рот, собираясь ответить

на вопрос, но слова не шли с языка.

Данте опустился рядом на колени.

— Суккуб. Не пугай меня. Что стряслось?

Несколько секунд я смотрела на него, не видя, потом кое-как сфокусировала взгляд на его встревоженном лице.

— Она пала.

— Кто? Никта?

— Нет... Ясмин.

— А это кто?

Перед глазами у меня снова все поплыло, когда вспомнился черный огонь. Жуткий крик. Я крепко зажмурилась.

— Ангел. То есть была ангелом. А может, и сейчас... не знаю. Черт, не знаю. Не знаю, кто она теперь.

Он взял меня за руки, потряс их легонько, пытаясь привлечь к себе внимание.

— Слушай, я ничего не понимаю. Как падение ангела связано с Никтой? И связано ли вообще? Успокойся и давай с начала. Вдохни поглубже.

Я вдохнула.

— Еще раз.

Я вдохнула еще раз.

— Теперь говори.

И я заговорила.

Сообразить, где начало, было трудно, я то и дело сбивалась. Но все же постепенно, медленно, рассказала всю историю, закончив пленением Никты, убийством Джоэля и падением Ясмин. Я вся дрожала, и Данте снова взял меня за руки, успокаивая. Несколько минут мы сидели молча. Потом он вздохнул и покачал головой.

— Да, суккуб. Многовато для одной ночи, понимаю. — Приподнял мою голову, заглянул в лицо. — Но знаешь, ангелы падают. Постоянно. До сих пор.

— Но я никогда этого не видела, — прошептала я. — За всю жизнь... Все мои знакомые демоны... были демонами всегда. Ангелами я их не видела.

— Все когда-нибудь случается в первый раз.

Я посмотрела ему в глаза.

— Она мне нравилась. Очень.

Думала, он ответит цитатой вроде:

«Плохие вещи случаются с хорошими людьми».

Но Данте только снова покачал головой.

— Мне жаль.

Проглотив слезы — достаточно их было пролито этой ночью, — я наклонилась, положила голову ему на грудь. Он погладил меня по волосам.

— На что же надеяться? — спросила я, — если даже ангелы падают, на что надеяться нам?

— Не на что, — сказал он. — Мы сами себе хозяева. И сами делаем выбор, который, по нашему мнению, поможет выжить. Если бы твоя подружка ангел тоже так думала, она не пала бы.

— Но ведь... ангелы никогда не думают о себе? Они самоотверженные.

— Возможно, — сказал он с сомнением. — Что-то не вижу я самоотверженности в том, как далеко она зашла с этим нефилимом. Оба теперь в заднице, и у нас в клубе стало еще одним членом больше.

— В каком клубе?

— В таком. Людей, которые совершили одну ошибку и расплачиваются за нее всю жизнь. — Он сделал паузу. — Народу в этом клубе — чертова уйма.

Я мягко высвободилась из его рук.

— Что сделал ты?

— В смысле?

— В чем была твоя ошибка? Винсент нашел амулет... и сказал, что это ужасная штука. Черная магия. И тебе для его изготовления нужно было сделать что-то очень плохое.

Глаза у Данте стали печальными.

— Ты действительно хочешь это знать?

Я кивнула.

— Вряд ли... Сейчас ты впервые разговариваешь со мной как с человеком, а не последним болваном на земле. Скажи я тебе правду... и ты потеряешь ко мне всякое уважение.

— Нет. Буду уважать еще больше.

Он закатил глаза.

— В гипотетических ситуациях люди всегда готовы проявить благородство. «Я бы никогда не изменил своей жене». «Я бы вернул найденный на улице миллион долларов». Дерьмо все это.

— Нет, — возразила я. — Правду я уважаю.

— Но она тебе не понравится. Почему, думаешь, я не поцеловал тебя тогда, возле Эрикова магазина? Я вроде как хочу с тобой переспать... нет, хочу на самом деле... но... переспи мы — и ты поймешь, как мало у меня энергии.

— Верю. Но все равно хочу знать твою историю.

Он досадливо поморщился.

— Слушай, суккуб... я не смог бы ее рассказать, даже если бы захотел. Это слишком тяжело.

Упоминание о несостоявшемся поцелуе вдруг навело меня на мысль.

— Можешь показать.

— Что?

Я подалась к нему.

— Давай поцелуемся. Вряд ли я получу от тебя какую-то энергию, зато, если откроешь память, я что-нибудь да уловлю.

Во всяком случае, я на это надеялась. Во время секса мне всегда передавались мысли и чувства любовников, однако управлять ими я не могла. Не могла узнать что-то конкретное. Воспринимала обычно лишь то, о чем думал партнер в этот момент. Его восторг или затаенное чувство вины перед возлюбленной, которой он изменял. Но возможно, если бы Данте специально думал о том, что сделал... Попытался стоило. Я придвинулась к нему. Он не шелохнулся. Тогда я придвинулась еще ближе и поцеловала его сама.

Сначала это был обычный поцелуй — соприкосновение губ. Потом я почувствовала его жизненную силу... точь-в-точь такую, как он и говорил. Душа его была слишком темной. Энергия текла даже не струйкой. Просочилось всего несколько капель. А потом... едва успев ее оценить, я ощутила еще кое-что. Саму его душу. Черную, напроць лишенную сияния жизни, каким наделены души большинства людей. Чернота потекла в меня — мерзкое, тягучее зло... а дальше... открылись отчаяние, гнев, безнадежность, разочарование. Тьма и кровь, вызывающие тошноту. Захотелось прервать поцелуй. Но я должна была увидеть то, что скрывал Данте.

Его воспоминания приходили отдельными, разрозненными картинками. Тем не менее я сумела выстроить из них связное целое. У него была сестра. Старше лет на десять. Все его детство она заботилась о нем — как мать и как учительница. Тоже медиум, она обучала его управлять силой, пользоваться магией мира, недоступной для большинства людей. Была сильна сама, но он был еще сильнее. Чем, однако, не удовлетворялся. Хотел не просто управлять силой, а иметь ее больше.

Поэтому он отобрал ее.

Вырвал.

У сестры.

Я видела его лицо в тот момент, когда он ее убивал, чувствовала его боль, когда кинжал вонзился в ее горло. Она была для него и сестрой, и матерью, и все же он отнял у нее жизнь. И сила его возросла неимоверно — благодаря ее силе, передавшейся ему, и чарам, пущенным в ход. Кровь невинного всегда дает силу, убийство как ритуал черной магии дает ее во стократ больше.

Он почувствовал себя равным богу.

И хотел с тех пор одного — умереть.

Он сам себя проклял. Сила по-прежнему была ему желанна, он радовался ей... но после убийства сестры возненавидел себя. Отдалился от мира, пытался заглушить память наркотиками и алкоголем и силу свою использовал лишь изредка, для грошовых жульнических трюков.

На этом я прервала поцелуй. Иначе мне наверняка предстояло узнать еще и то, что он сделал для изготовления амулета. Ничего хуже содеянного с сестрой я представить себе не могла, тем не менее сыта была по горло. И отодвинулась от него, широко раскрыв глаза.

— Она была возлюбленной Эрика, — сказала я тихо.

Среди прочего мне мельком предстало и видение Тани — так ее звали — рядом с Эриком.

— Та женщина с фотографии. Вот почему он тебя ненавидит.

Данте кивнул.

— Мы втроем... собирались вершить великие дела. Талантливы были адски. — В глазах у него стояло горе. — Конечно, после этого Эрик положил конец нашей дружбе. Хотел меня убить... жаль, не убил. Следовало на самом деле. Но... не такой он человек.

— Да, — холодно сказала я. — Не такой.

Потом встала и отошла от Данте, который так и сидел на полу.

Он все понял. Несчастное выражение лица сменилось злым.

— Уже уходишь?

— Да.

— Что ж. Спасибо, что заглянула. И что подтвердила мою правоту.

— Насчет чего?

— Того самого. Я же сказал, что ты меня возненавидишь.

— Я не... — начала я и умолкла.

Да, он был прав. Невозможно не возненавидеть после такого... убийства любимой сестры. Горя, причиненного Эрику.

— Данте... то, что ты сделал...

— Было ошибкой, которую я никогда не совершил бы снова, если бы мог. Из-за которой я стал проклят навеки. Как твоя подружка ангел. Как ты сама.

— Нет, — сказала я, — Ямин пала из-за любви, и это другое.

— Она пала из-за эгоизма, — возразил Данте. — Но не буду спорить. О себе лучше расскажи. Ты пала из-за любви?

Я промолчала. Поскольку пала из-за похоти. Изменила мужу, потому что была обижена, скучала в одиночестве и... подвернулся удобный случай.

Данте смерил меня пронизательным взглядом.

— Вот видишь? Я-то понимаю. Ты в дерьме. Много ли ты найдешь людей, которые поймут это? Спорю, дружок твой не способен.

— Он принимает меня такой, как есть.

— Но понимает ли? Ты когда-нибудь рассказывала ему со всеми подробностями, что именно совершила?

— Нет, но это неважно.

Данте встал, подошел ко мне.

— Важно! Ваш роман — это же смешно. Долго он не протянется. Я не говорю, что тебя со мной ждет какое-то прекрасное будущее, но в любом случае лучше иметь дело с людьми, которые знают, почему ты стала такой.

— Уж конечно. С тобой только и останется, что пить и проклинать свою жизнь.

— А сейчас ты живешь иначе?

— Сет дает мне надежду на лучшее. С ним я и сама делаюсь лучше.

— А толку то? — воскликнул Данте. — Как ты не понимаешь? В твоей жизни ничто не может измениться. Об этом даже линии на руках говорят.

— Нет... Никта сказала... что сны могут стать правдой. Тот мужчина из сна...

— ...ее приманка для тебя, клюнув на которую ты пала бы, если бы тебя не опередил ангел.

Я стиснула зубы.

— Ее сны — правда. Мы с Сетом...

— Что, собираетесь пожениться? Завести альбомчик с семейными фотографиями? Детишек нарожать?... Суккуб, очнись! — Данте, вплотную приблизив ко мне лицо, почти кричал. — Ничего подобного произойти не может. С тобой. С ним — да, все может быть, только не с тобой! Ты всего лишь делаешь его жизнь такой же пустой и бессмысленной, как твоя.

— Неправда! — закричала и я. — Мы счастливы. И будем счастливы, и мне плевать, веришь ты в это или нет. С тобой-то я точно больше не встречусь. Знаю теперь, почему Эрик тебя ненавидит, и тоже ненавижу.

Я распахнула входную дверь.

— Гореть тебе в аду!

От него я уехала, но заставить себя вернуться домой по-прежнему была не в силах. Найдя круглосуточную забегаловку, выпила кофе, демонстративно не обращая внимания на всех, кто пытался

со мной заговорить. Потом поглазела, как солнце встает над Олимпийскими горами, и отправилась на работу. Дел в магазине хватало — закрывались мы в тот день рано, народ спешил сделать последние закупки перед Рождеством. Среди этой лихорадочной суеты я работала бездумно и механически, как зомби, радуясь, что мне есть чем себя занять.

После закрытия я собралась отвезти Мэдди в аэропорт. Но время до рейса еще оставалось, и она попросила проехаться с ней по магазинам. Закупка рождественских подарков после смерти ангела у меня на глазах казалась самым пустым занятием в мире. Однако... делать мне было нечего, и я согласилась. Я на все, наверное, согласилась бы.

Центр Сиэтла блистал пышным рождественским убранством, магазины на Четвертой авеню были изукрашены венками и гирляндами. На улице уже стемнело, лил дождь стеной, который, по мнению многих, идет у нас круглый год. На самом же деле — только зимой, и то не льет обычно, а моросит. Подобное извержение небес было редкостью... словно они оплакивали гибель Джозеля.

В «Банановой республике», пока Мэдди искала подарок для сестры, я разглядывала дождливую улицу за окном и прохожих, сражавшихся с зонтиками. Попыталась было присмотреть что-нибудь для Сета, но быстро остыла. Все равно не удалось бы переплунуть его подарок — кольцо, которое висело у меня на шее и казалось в тот день особенно тяжелым.

Я горевала о Ясмин. Но думала еще и о Никте. Вспоминала ее последние слова. Мужчина из сна... кто же он такой? Неотвязный, мучительный вопрос. Следом за Данте я твердила себе, что сны — обман, мистификация, не имеют никакого значения. Однако темный силуэт так и стоял перед моим мысленным взором. И верилось отчего-то, что, если бы я узнала этого человека, все могло бы стать реальностью.

— Джорджина...

Я отвернулась от окна. И увидела Винсента. За спиной у него, ничего вокруг не замечая, перебирала жакеты Мэдди. Ночью у меня дома он выглядел убитым горем. Но это было ничто по сравнению с тем, что я увидела сейчас. Лицо бледное, безжизненное. Глаза тусклые и красные. Словно он плакал или не выспался. Наверняка и то и другое.

Винсент передал мне ключ от квартиры.

— Только хотел вернуть.

— Не стоило искать меня ради этого, — сказала я. — Мог бы просто оставить.

— Да. — Он сунул руки в карманы, уставился в пол. — Но... мне, наверное, хотелось с кем-нибудь поговорить.

— Ты ее видел... Ясмин?

Он покачал головой.

— Нет. Не знаю, где она. То есть знаю... где-то в аду. Проходит, возможно, что-то вроде обучения. Не знаю. Но мучается наверняка ужасно. И это моя вина.

— Нет, — машинально возразила я. — То был ее выбор.

— Но сделала она это из-за меня.

— Неважно. Суть в том, что сделала по своей воле. И не тебе оспаривать решения, которые она принимает.

Едва успев договорить, я пережила легкое потрясение. Дерьмо... именно это мне все твердили о Сете. Именно это твердил мне сам Сет.

— Может быть. — Винсент вздохнул, — не знаю. Чувствую себя полным идиотом. Мы столько лет были осторожны, держались на расстоянии, чтобы не случилось падения. Были такими хорошими... не давали воли своим желаниям. И все-таки оно случилось — из-за какой-то глупости, замешательства, горячности. Так быстро, что подумать времени не было, понимаешь? Я защищал ее, она — меня...

Голос у него дрогнул, и вид сделался такой, словно он вот-вот заплачет.

Мне самой хотелось плакать. Народу в этом клубе — чертова уйма... по словам Данте.

— Но раз уже все случилось... она пала... наверное, теперь вы сможете быть вместе?

Винсент покачал головой и слабо улыбнулся, отчего выглядеть стал еще печальней.

— Не знаю. Не знаю даже, согласится ли она встретиться. Боюсь, не захочет, чтобы я видел ее такой.

— А ты что чувствуешь?

— Я люблю ее всей душой... или... верней сказать, любил Ясмин-ангела всей душой. Я имею в виду... ей, конечно, плохо сейчас, она страдает. Но со временем успокоится. Как все успокаиваются. И тогда она станет одной из них. Это будет уже не та Ясмин, и я не знаю, смогу ли я ее любить. Сможет

ли она любить меня. Ведь я любил ее еще и за то, что она противостояла этому искушению... и, думаю, она меня — тоже.

На миг я забыла о Винсенте, задумавшись о нас с Сетом. Поняла вдруг, что мы находимся в сходной ситуации. Воздерживаясь от секса, страдаем, но в то же время само это воздержание нас и привлекает. Сколько бы Сет ни говорил, что его все устраивает, но любил он меня отчасти еще и за то, что я ему неизменно отказывала. Как и я любила его за стойкость — в отношении не только меня, но и других женщин. Потому-то последняя ссора и произвела такое гнетущее впечатление. Слабости я от него не ожидала. Но... стоила ли наша принципиальность такого уж восхищения? И была ли это на самом деле слабость с его стороны? Ясмин и Винсент таким же образом мучили самих себя гораздо дольше, чем мы с Сетом. И ничем хорошим для них это не кончилось. Что должно было случиться, то и случилось.

— В обреченной любви куда меньше прелести, чем кажется, — сказал Винсент, словно угадав мои мысли.

— Согласна.

— Порой я думаю, что... лучше было бы нам вовсе не сходиться. Да, годы, которые мы провели вместе, были прекрасными... но я ведь все равно ее любил бы, даже и без взаимности.

Что ответить на это, я не знала. Вправду ли короткие мгновения счастья стоят тех мучений, которые могут за ними последовать? Не потому ли я остаюсь с Сетом, хотя и знаю, что он однажды умрет? Может, Сет и прав, желая рискнуть. Жизнь коротка. И надо, возможно, брать все хорошее, что она предлагает. С ходу не разберешься... и мне вдруг отчаянно захотелось поговорить с Сетом. Обо всем — о яркой, полной риска жизни, о том, что заставляет нас любить друг друга и делает наши отношения стоящими борьбы. Повторять ошибку Ясмин и Винсента не следовало. Откровенный разговор мог помочь нам наладить отношения.

— Что ты собираешься делать? — спросила я у Винсента.

Вовлекать его в обсуждение подобных тем сейчас было не время.

Он неопределенно махнул рукой.

— Уеду. Меня ищут, и никакая маскировка не поможет. Надо спрятаться.

Я кивнула. Жаль было расставаться, но я хорошо знала, что сделают с ним и ангелы, и демоны, если найдут. Поэтому пожелала ему удачи и коротко обняла на прощание. И, глядя вслед, вновь задумалась над предупреждением, которым служила его история. Позвонить Сету хотелось все сильнее. Но сперва надо было отвезти Мэдди в аэропорт.

Я нашла ее с покупками возле кассы.

— Кто это был? — спросила она, передавая кассиру кредитную карту, — симпатичный парень. Унылый... но симпатичный.

— День у него был тяжелый, — сказала я. И такая же вечность впереди...

— Так, приятель.

— Одинокий?

Я немного подумала.

— Вроде того.

Дожидаюсь, пока она расплатится, я подошла к ближайшему зеркалу. Мэдди взялась за себя решительно. Успела еще и постричься. Новая прическа ей шла — лицо казалось более утонченным и миловидным. Слаксы и свитер, которые она сегодня надела, были простенькими, но сидели хорошо и смотрелись элегантно.

Я рядом с ней выглядела сводной сестрой-уродиной. Нет, черты лица и фигура были хороши, разумеется, как всегда. Только вот оделась я в джинсы и старое пальто — не до высокой моды было. И волосы в порядок не привела, просто собрала в хвост. Да еще выражение лица... не лучше, чем у Винсента. Пустота в глазах удивила меня саму. Она сводила на нет всю мою привлекательность. Снова бросив взгляд на Мэдди, я поняла, что сегодня из нас двоих на высоте она.

Дорога в аэропорт оказалась кошмаром, как я и ожидала. Пробка во все шоссе. Учитывая мое везение в последнее время, к часу пик и предрождественской толкучке добавилась наверняка еще и авария где-то впереди. Вздохнув, я расположилась на сиденье поудобней.

— Ну, — обратилась я к Мэдди, отчаянно желая отвлечься, — докладывай. Какие еще авантюрные шаги предприняла? Сдается, норму ты перевыполнила.

— Да, — сказала она. — Во-первых, гардероб обновила. Кое-что что ты уже видела. Белья у меня теперь... никогда столько не было. Раньше почему-то стеснялась, а тут вдруг вошла во вкус,

представляешь?

— Уж я-то представляю.

— Во-вторых, обзавелась шпильками. Конечно, ходить на них мне еще учиться и учиться, но справлюсь, думаю, — Мэдди застонала и превратилась на мгновение в прежнюю язвительную феминистку, — чувствую себя... подумать только... девушкой.

Я улыбнулась, посмотрела на машины впереди. Бдительность терять не следовало. При таком черепашьем движении и постоянных остановках легко расслабиться, впасть в сонливость. И наподдать или получить под зад. К тому же шел дождь — дополнительная трудность для водителей Сиэтла.

— Мне кажется, ты уже неплохо ходишь на шпильках. Что еще, кроме обновок?

— Записалась на курсы дзюдо.

— Не может быть.

— Может. — Она засмеялась. — Из всего, что в голову пришло, выбрала самое невероятное. Наконец-то отплачу Дагу за то, что дергал меня за косички.

— Поделом ему. — Я выбралась на крайнюю полосу в тщетной надежде, что движение там окажется чуточку быстрее. — Это все?

— Ммм... нет. Начала подыскивать себе квартиру.

— Хорошее дело.

— Ознакомилась с рекламными проспектами мест, где хочу побывать.

— Тоже неплохо.

— И переспала с Сетом.

Я чуть не выехала на встречную полосу.

— Что? — спросила я, резко выворачивая руль в обратную сторону.

Мэдди вскинула руки перед собой в защитном жесте.

— С Сетом?

— Да...

— С Мортенсенем?

Она взглянула на меня удивленно.

— С кем же еще?

Это было таким абсурдом, что я не знала даже, как реагировать. С тем же успехом она могла бы сказать:

«Земля только что взорвалась».

Бессмыслица, поскольку Земля на месте. Сам мозг отказался обрабатывать услышанную информацию. Тратить клетки понапрасну.

— Почему... то есть как... — Я потрясла головой. — Рассказывай.

По лицу ее было видно, что только этого она и хочет. Поделиться с кем-нибудь наконец.

— Ну... позавчера я забыла кое-что в магазине и забежала туда после закрытия. На стоянке столкнулась с Сетом. Он вернулся откуда-то за своей машиной.

«Откуда-то»... От меня. После ссоры.

— Был грустный почему-то, — продолжала Мэдди. — И тут я вспомнила про авантурные шаги. И про свидание, которое он мне должен. И спросила, не хочет ли он сходить куда-нибудь выпить. Он согласился.

Я чуть не выехала на встречную еще раз.

— И выпил?

— Нет, взял себе что-то безалкогольное. Но сидели мы допоздна, и это было здорово. Ты даже не представляешь, как с ним интересно. С виду такой зажатый, но стоит его разговорить... — Мэдди счастливо вздохнула. — Он думает совсем как я... тоже хочет заняться всякими разными делами, поездить по свету... А потом, когда бар закрылся, он спросил, не хочу ли я зайти к нему и посидеть еще немного.

Я не могла на нее сейчас даже взглянуть.

— Сет... пригласил тебя к себе?

— Ну да. У меня же дома Даг, а нам хотелось спокойно поговорить. Ну и поговорили... немного... а потом переспали. Как-то все само вышло...

Она снова вздохнула. Как будто до сих пор не могла в это поверить.

— Никогда я такого не делала. Чтобы так быстро... но уж очень он милый, понимаешь. И настроилась я на авантурный лад...

Нет. Нет. Нет. Ничего этого не было. Мне снится сон. Навеванный Никтой, которая мстит за то, что я ей не помогла. Кошмар. Но сейчас я проснусь, и все кончится.

Молчала я, видимо, долго, потому что Мэдди окликнула меня нерешительно:

— Джорджина... что-то не так? Думаешь... я была чересчур доступной, да?

В голосе ее слышался страх. Моего разочарования и неодобрения.

— Что? Нет... нет, конечно. — Я сделала глубокий вдох. — Так... значит, все было хорошо?

— О, да! — Она нервно хихикнула. — Самой не верится, что я это говорю. Но... да, Сет — чудесный любовник. Ласковый, внимательный.

— Представляю...

— Господи, не верю до сих пор, что это случилось.

Не она одна.

— И что теперь? Вы просто так... развлеклись?

Разумеется, как же иначе. Ведь Сет мой. И переживать мне не следовало. Я разрешила ему иметь дело с другими женщинами. Говорила об этом... как раз в тот самый вечер. И если он переспал с ней, это замечательно. Но ровным счетом ничего не значит. Они просто развлеклись. Вот и все.

— Не знаю, — призналась Мэдди. — Надеюсь, что нет. Он мне очень нравится... и с ним хорошо. Как будто между нами и вправду есть что-то... и свидание он купил не из жалости. Он обещал позвонить. Сказал, еще куда-нибудь ходим.

Она вдруг растеряла всю уверенность.

— Как ты думаешь... он это просто так сказал? А сам звонить и не собирается?

Передо мной снова была прежняя Мэдди — та, что смотрела на меня снизу вверх. Просила у меня совета. Не доверяла мужчинам. Я посмотрела на дорогу. Подумала, что небеса, возможно, плачут сегодня обо мне. И, помолчав немного, ответила:

— Нет, Мэдди. Если он сказал, то позвонит. Он такой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Зная, что жить мне предстоит вечно, я не слишком понимала на самом деле, как это долго. Но во время поездки в аэропорт начала наконец представлять, на что похожа вечность.

Всю дорогу Мэдди говорила только о Сете. Перерыв сделала всего раз — когда взглянула на часы и засомневалась, успеем ли мы к рейсу. Я в этом не сомневалась. Поскольку знала, что брошу машину и потащу Мэдди на спине, лишь бы она не опоздала и мне не пришлось везти ее обратно в город. Едва она успокоилась на этот счет, решив, что успеем, как тут же снова вернулась к Сету.

Сет, Сет, Сет.

Во всем мире существовало только три человека, которых, расскажи они подобную историю, я не заподозрила бы в том, что меня дурят. Увы, одним из них была Мэдди. Она говорила правду. Это я и по лицу видела, и чувствовала — той частью своего существа, должно быть, которая сознавала, насколько серьезна последняя размолвка между мной и Сетом.

Через какое-то время я словно отупела и думать перестала вовсе. Доставив Мэдди в аэропорт, поехала обратно, почти не замечая уже, что творится на шоссе. Дома пообедала, посмотрела по телевизору мультфильм «Рождественская история». Приняла горячую ванну, потом — пять глотков водки и смогла наконец уснуть. На диване в гостиной. Войти в спальню, где пал ангел, заставить себя так и не сумела.

Замечательный канун Рождества.

На следующий день нас ждали к обеду Терри и Андреа и за мной заехал Сет.

Держался он натянуто, но все же, увидев меня, улыбнулся.

— Выглядишь потрясающе.

— Спасибо.

Это я и сама знала. Два часа потратила на сборы и последние тридцать минут провела, просто стоя перед зеркалом. Проверяя мельчайшие детали. Длинные стройные ноги. Облегающее красное платье. Черное блестящее ожерелье на изящной шее. Ниспадающие на спину волной золотисто-каштановые волосы. Глаза, подведенные черным карандашом и золотистыми тенями. Бледно-персиковая помада на губах. Высокие скулы, безупречная кожа. Красивое лицо.

С ног до головы — красива.

Хоть тщеславием назовите, хоть себялюбием, но это было так. Очень красива. Красивей Мэдди. Красивей любой смертной женщины. Глядя на свое ошеломляющее отражение, я молила его сказать, что Сет меня захочет. Должен захотеть. Как же иначе?

Но понимала, что никакая красота не скроет душевной муки. И Сет действительно это заметил. Перестал улыбаться.

— Как ты узнала? — спросил он.

Я уже взяла в руки пальто, но тут бросила его.

— А ты как думаешь? Она сказала. Насилу дождалась подходящего момента.

Он вздохнул, присел на диванный подлокотник. Уставился в пространство.

— И что? Будешь молчать? — спросила я.

— Мне жаль. Господи... очень жаль. Я не хотел, чтобы ты узнала об этом так.

— Собирался сам рассказать?

— Да... конечно.

Голос его был таким родным, звучал так трогательно, что гнев мой, готовый обрушиться на его голову, слегка поостыл. Я заглянула в любимые янтарно-карие глаза.

— Она... сказала, что ты не пил. Но ты ведь выпил, правда? Поэтому все и случилось? — пролепетала я с интонациями десятилетней девочки.

И испугалась, что смотрю на него с такой же мольбой, как Ясмин — на Джерома. Лицо его ничего не выражало.

— Нет, Фетида. Я не пил. Совсем.

Я села в кресло напротив.

— Тогда... как же это вышло?

Некоторое время он боролся с собой. Хотелось открыться. Но страшно было причинить мне боль.

— Я чувствовал себя ужасно в тот вечер. Думал уже на самом деле позвонить этому... как его... Нифону. Решился... ради нас с тобой. Но только собрался, как встретил Мэдди. Я был... не в себе, наверное. Плохо соображал. Потерял разум. Она попросила пойти с ней в бар, и я согласился, прежде чем понял, что делаю.

Он взлохматил волосы. В глазах появились растерянность и печаль.

— И с ней... оказалось так спокойно. Легко. Приятно. После того что произошло у нас с тобой, я был... э-э-э...

— Распален? На взводе? Женщину хотел?

Он поморщился.

— Вроде того. Но... нет, не знаю. Хотел чего-то большего.

Разговор наш вдруг прокрутился у меня в голове в обратную сторону.

— Ты собирался позвонить Нифону?

— Да. До этого он сам мне звонил. Сказал, что готов в любой момент заключить сделку. Тогда это казалось безумием... но после нашей ссоры... Я подумал, что, может быть, и стоит это сделать — ради того, чтобы жить той жизнью, какой хочется... и чтобы ты не беспокоилась больше обо мне.

— В таком случае появление Мэдди было благословением, — пробормотала я.

Господи Иисусе. Он всерьез задумался о продаже души. Нифон, когда я велела ему оставить Сета в покое, пропустил мои слова мимо ушей. Глотку мало перегрызть черту... но с мстостью придется подождать.

Я сделала глубокий вдох.

— Ладно, — сказала я. — Что было, то прошло. Я не в восторге, конечно, но... забудем.

Сет посмотрел непонимающе.

— Ты о чем?

— О том. О приключении с Мэдди. Ты немного развлекся. Ничего страшного. Несправедливо же в самом деле, что только я себе это позволяю. Вот и забудем.

Некоторое время он молчал. В кресло ко мне прыгнула Обри, потерлась головой о руку. Я стала гладить ее, дожидаясь, пока Сет ответит.

— Джорджина, — сказал он наконец. — Ты знаешь... я тебе говорил. Я не развлекаюсь подобным образом.

Рука моя замерла на кошачьей спине.

— Что?

— Я не развлекаюсь подобным образом.

— Ты хочешь сказать, что... собираешься встретиться с ней еще раз?

Вид у него сделался совсем несчастным.

— Не знаю.

Я не верила своим ушам.

— А что будет с нами?

— Не знаю.

Снова разозлившись, я, к досаде Обри, вскочила.

— А что ты знаешь? — спросила я. — Знаешь хоть, почему ты это сделал?

— Ну, там была не одна причина, — ответил он. — Множество. Просто все так сошлось...

Я уперла руки в бока, шагнула к нему.

— Правда? Что-то не верится.

Сет посмотрел на меня настороженно.

— Что ты имеешь в виду?

— Что ты на самом деле оплатил мне за отказ. Я разозлила тебя. Обидела. И ты решил проучить меня. Заставить страдать.

— Я решил... Ты с ума сошла? По-твоему, я на это способен? Проучить тебя? Заставить страдать? Лишь за то, что ты отказалась заняться сексом?

— Почему бы и нет? — спросила я. — Секса от меня хотят все мужчины. Разве ты исключение?

— Джорджина... ты так не думаешь, — сказал он недоверчиво. — Ты же знаешь, что дело не только в сексе. Я говорил это много раз. И никогда не причинил бы тебе страданий умышленно. А еще...

— Что — еще?

Он отвел взгляд, уставился на ковер под ногами.

— Я не знаю, можем ли мы выстроить наши отношения так, чтобы я не заставлял тебя страдать.

— Ну, если ты не будешь спать с моими подругами...

— Что подруги... поводов найдется множество. Я могу, например, попасть под машину или заболеть. Если ты сдашься и переспшишь со мной, ты возненавидишь себя после этого навсегда. И будешь казниться, если я сдамся и продам душу. Страдать тебе придется в любом случае. Рано или поздно. Я понял это в тот вечер... по твоему лицу, когда ты кричала на меня. Понял, что так и будет.

— Я... я расстроилась, — сказала я. — И потом... мы ведь и не ждали легкой жизни. Секс тебя не волновал поначалу...

— Все меняется, — сказал он жестко.

Встретилась со мной глазами, и я вновь увидела в них внутреннюю борьбу.

— К тому же тогда я думал, что страдать придется мне, а не тебе. Сам бы я справился.

— Хочешь сказать, я не справлюсь?

— Хочу сказать, что проверять это не намерен. И, честно говоря, дело даже не в сексе. У нас возникли трудности с общением, временем... смертью, в конце концов, черт меня побери. Я и впрямь не знаю, стоит ли нам оставаться вместе.

Мне показалось, как в миг смерти Джоэля, что меня засасывает черная дыра.

— И после всех твоих призывов к откровенности, — сказала я, — ты вываливаешь это на меня сейчас? Уж если приходят в голову такие мысли, надо говорить сразу... а не пугать разрывом, когда и без того все плохо.

— Последнее не совсем понял... но я тебя не пугаю. И пытался на самом деле поговорить сразу. Когда ты меня массировала. Ты не стала слушать. — Сет глубоко вздохнул, — Джорджина... я говорю прямо. Думаю, нам лучше расстаться.

Я открыла рот.

Что-то не то происходило. Совершенно не то. Я думала, мы выясним отношения, бурно, как это порой бывало, но выясним. Он попросит прощения. Я выдвину новые условия. У меня позиции тверже, и мне решать, останемся мы вместе или разойдемся.

Того, что мне придется просить, я не ожидала.

— Нет. Нет. Мы придумаем, как с этим справиться. Послушай, Сет, Мэдди я переживу, правда. Хочешь спать с другими женщинами — пожалуйста, я всегда это говорила. Просто в первый раз... ну, шок случился, только и всего.

Он смотрел на меня молча, а я никак не могла остановиться.

— Мы придумаем. Раньше же придумывали?.. Найдем способ. Ты не вправе принимать такие решения один. Нас двое, помни.

— Да, — сказал он. — Помню. Я один из двоих. И я хочу уйти.

— Нет, — сказала я пылко, — не хочешь. Дичь какая-то... ты не можешь этого хотеть.

Сет опять промолчал, что было хуже всего. Лучше бы нагрубил в ответ. Но он просто смотрел на меня и слушал. С видом грустным и в то же время решительным.

— Ты сам говорил, что мы со всем сумеем справиться. — Я повысила голос. — Почему же с этим не можем?

— Потому что слишком поздно.

— Нет, не поздно. И если ты уйдешь... из-за такой ерунды... ты заставишь меня в конце концов страдать. И меня, и Мэдди.

— Это невеликие страдания, — сказал он. — Бывают хуже. Что же касается Мэдди... ее я страдать не заставлю. Она... мне нравится.

— А меня ты любишь.

— Да, люблю. И, думаю, буду любить всегда. Но наверное, этого недостаточно. Мне нужно двигаться дальше. С тобой — не получается. А с Мэдди... не знаю, возможно, что-то хорошее и выйдет. В каком-то смысле она — твоё подобие, только...

Сет говорил сбивчиво, что случалось с ним в минуты сильного волнения. Тут и вовсе умолк, закусил губу, словно не прочь был забрать свои слова обратно. И отвел взгляд.

— Что — только? — спросила я, не слыша собственного голоса.

Он снова посмотрел на меня.

— Только... более человечное.

И это был конец.

Боль и гнев разом исчезли. Во мне ничего не осталось. Совсем ничего. Я была пуста.

— Проваливай, — сказала я.

Сет побледнел. Видно, в голосе моем и выражении лица было что-то по-настоящему пугающее. Он неуверенно протянул ко мне руку.

— Я не хотел тебя обидеть, Фетида. Изви...

— Никогда больше не называй меня так.

Я отступила. Сама не знаю, как слова эти сходили с языка. Будто говорил за меня кто-то другой.

— Уходи. Сейчас же.

Сет открыл рот, и на миг мне показалось, что решительность его вот-вот рухнет. Но этого не случилось.

Он ушел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Я думала, что в спальню войти уже никогда не смогу. Но в тот момент мне нужнее всего на свете была моя кровать. Свернувшись, я пролежала остаток дня в позе эмбриона. По-прежнему не чувствуя ничего. Как мертвая. Ничего не осталось во мне, ничего не осталось в жизни. Остатки разума твердили, что надо бы заплакать. Внутри таилась боль, которая в конце концов должна была потребовать выхода. Но пока я не давала ей воли. Не желая понимать, что все это случилось на самом деле, я не могла взглянуть в лицо реальности. Теперь я знала, почему так кричала Ясмин. Оторванная от всего, что любила бесконечно. От всего, что придавало существованию смысл.

Время шло, по стенам скользили тени, показывая, что солнце клонится к закату. Стемнело наконец, но свет я включать не стала. Не было ни сил, ни желания.

Не знаю, сколько я еще пролежала, прежде чем услышала стук. Сперва даже не поняла, что это такое. Потом он повторился, и я сообразила, что стучат в дверь. Но, не желая никого видеть, осталась в постели. Мелькнула было мысль — вдруг это Сет? Вдруг он передумал и вернулся? Но я ее прогнала. Я видела выражение его глаз. Он принял решение. И вернуться не может. Это не он... а других мне не надо.

Постучали в третий раз, громче. Обри, лежавшая рядом, посмотрела в сторону гостиной, потом на меня — с упреком. Почему, мол, не встанешь и не прекратишь этот шум? Вздохнув, я выбралась из постели и двинулась к двери. На полпути остановилась. За нею точно был не Сет.

— Джорджина! — возопило визгливое сопрано. — Я знаю, что ты дома. Чувствую тебя.

Я тоже чувствовала Тауни. Потому и остановилась. Вздохнула еще раз, понимая, что, если не впущу, она будет колотиться в дверь весь вечер, раз уж знает, что я дома. Лучше открыть. Я приготовилась к очередному потоку слез и жалоб. Однако Тауни вместо того, чтобы броситься мне на шею, скромно осталась за порогом. Глаза у нее были мокрые, правда, но сдерживалась она изо всех сил. Из последних, судя по дрожащим губам.

И вокруг нее мерцал суккубовский ореол.

— М-можно войти? — пролепетала она.

Я отступила в сторону.

— Заходи. Хочешь отпраздновать со мной свою победу?

Тут-то и началось. На вопрос она не ответила. Зарыдала, закрыв лицо руками, и рухнула в кресло. Сил разбираться с ней у меня, оглушенной собственной бедой, не было. Я не могла ни сочувствовать, ни злиться. Впала в полное безразличие.

— Тауни, я...

— Прости! — перебила она. — Пожалуйста, прости. Я не хотела... не хотела этого делать! Но он сказал, что мне это тоже будет выгодно, он похлопочет о повышении для меня, и я...

— Тихо... притормози, — сказала я. — Кто — он? Нифон?

Она кивнула, вытащила из сумки пачку платков и громко высморкалась. Ну, хоть подготовилась на этот раз...

— Он велел мне притворяться, что я совсем плоха. Ну... я и вправду не больно-то хороша... может, даже и плоха. Завлекать мужчин, как ты, не умею. И танцевать тоже. — Она умолкла на миг горестно, словно последнее ее особенно угнетало. — Но ты была права, когда говорила, что такого не бывает... хоть кого-то я должна суметь подцепить. Я и цепляла. Только врала, что ничего не получается.

Именно это я и подозревала. Однако радости сейчас, услышав подтверждение, не почувствовала. Лишнее напоминание о несчастьях, что преследовали меня в последнее время... Сердиться на нее я тоже не могла. Сил по-прежнему не было, да и не заслуживала она этого. Нифон использовал ее, чтобы играть со мной. Но он и с ней играл.

— Врать ты умеешь, — сказала я. — Верила я тебе с трудом. Тем не менее ты казалась искренней. А в людях я вообще-то разбираюсь.

Тауни слабо улыбнулась. Чуть ли не с гордостью.

— Я кучу народа обдурила, пока была смертной. Махинациями всякими занималась. — Улыбка пропала. — Пока этот гад не кинул меня ради какой-то белобрысой дешевки. Она знать не знала, во что он ее втравил. А ему было по фигу. Дрянь. Жалеет теперь. Оба они жалеют.

Я захлопала глазами. Неожиданное откровение, о котором я вовсе не просила. Желание Тауни заставить страдать всех мужчин до единого сделалось вдруг понятным. Как и причина, по которой она могла продать душу. Я понадеялась про себя, что ее теперешний внешний вид — не попытка утереть нос «белобрысой дешевке». А то как-то даже жутковато стало...

— Э-э-э... наверняка жалеют. И знаешь что... искусство соблазнять ничем по большому счету не отличается от умения дурить и мошенничать.

Возможно, от того, что я начала двигаться и говорить, голова у меня тоже заработала. Разум очнулся и приступил к анализу.

— Тауни, а зачем ты рассказала мне про Нифона? Если ты на него работаешь, по головке он тебя не погладит.

— Да. Он не знает, что я пошла к тебе. Я... я испугалась. Все выплывет, когда ты расскажешь, а я с ним под раздачу не хочу! Вот и подумала, что приду, поговорю с тобой, объясню, как это вышло, и, может быть... ты меня простишь. Мне здесь нравится, хотелось бы остаться. А если его накажут, так ведь и меня...

— Стой, стой. Помедленнее. За что его накажут? За то, что заставлял тебя врать? — Я нахмурилась. — И... что именно я расскажу?

Тауни так удивилась, что перестала шмыгать носом.

— Про нее.

— Про нее?..

— Про эту... ведьму, которая лазила в мои сны.

— Никта? Ох... теперь понятно, как ты скрывала свечение.

Хью был прав.

— Я ее терпеть не могла, — с чувством сказала Тауни. — Каждый раз он посылал меня к ней, чтобы она высосала энергию. А потом мне снились такие странные сны...

«Думай, Джорджина, думай! — велела я себе. — Похоже, все сейчас сложится, если сумеешь отодвинуть на время любовные страдания».

— Ты... ходила к Никте добровольно? Чтобы она высасывала энергию и я не могла догадаться, что ты врешь?

Тауни кивнула. У меня заломило виски от напряжения.

— Тебя посылал к ней Нифон... — Я сделала паузу. — Он знал, что Никта здесь. И как ее найти.

— Да он ее сюда и заманил, когда она сбежала. Пообещал двух суккубов.

Тауни шмыгнула носом. Посмотрела на меня озадаченно.

— Я думала, ты все это знаешь... Ее же при тебе поймали?

И слегка занервничала. Подумав, видно, что поторопилась сдать Нифона. А я вдруг очутилась снова у себя в спальне, где шло сражение, и услышала, как Никта говорит, что поможет мне кому-то отомстить... тому, кто послал ее ко мне.

Нифону?

— Это он? — воскликнула я. — Нифон натравил на меня безумное божество хаоса? Но почему? За что он меня так ненавидит?

Тауни, удивленная моей внезапной вспышкой, выпучила глаза.

— Не знаю. Он сказал только, что хочет малость подпортить тебе жизнь. Чтоб медом не казалась.

Ну, может, хотел еще, чтобы тебя отослали.

И тут мне вспомнились слова Хью.

«Если появление черта на горизонте связано со столь великими хлопотами не пойми о чем, то это «не пойми что» должно быть очень серьезным».

Сердце у меня заколотилось. Я схватила Тауни за руку.

— Послушай... он упоминал когда-нибудь о моем договоре? Или о каких-то договорах вообще?

Она энергично потрясла головой, отчего кудри ее растрепались окончательно.

— Нет... при мне, во всяком случае, ни разу.

— Точно? Подумай. Вспомни все, что он говорил, когда объяснял, для чего это затевает.

— Да ничего он не объяснял! — Она вырвала руку. — Я не вру сейчас. Преподнес это так, как будто... просто тебя не любит. Хочет помучить. Нервы потрепать. Да и все.

Нифон. Что же он успел натворить?

По словам Тауни, пытался с ее помощью выставить меня никудышной наставницей — каковой я, собственно, и была — и добиться, возможно, моей высылки. Уговаривал Сета продать душу, невзирая на мои предупреждения. Расстаться со мной Сет, правда, решил сам. Но без Нифона все равно не обошлось — черт заставил его задуматься о наших отношениях. Он же натравил на меня Никту, и я тратила время, пытаюсь понять, что происходит, вместо того чтобы проводить его с Сетом. Поняв, как близок он был к продаже души, Сет испугался. Представил последствия этого поступка для нас обоих и испугался так, что предпочел от меня уйти.

— Джорджина!

Я приняла решение.

Помочь мне помириться с Сетом уже ничто не могло. Но дать хоть какое-то облегчение...

— Джорджина, — повторила Тауни. — Что с тобой? Ты все-таки хочешь, чтобы меня выслали? Джорджина!

Я решительно встала. Превратила свой изысканный наряд в джинсы и длинный, до колен, свитер. Черный. Как мое настроение. Посмотрела на Тауни.

— Поедешь со мной на вечеринку?

И мы поехали — к Питеру и Коди, где праздновало приближение каникул все зло Сиэтла. По лестнице я поднималась, как человек, идущий на собственные похороны. Угрюмо и неотвратимо. С такой скоростью, что Тауни на шпильках едва поспевала. И когда я почувствовала излучения бессмертных, находившихся в квартире, меня охватило мрачное облегчение. Нифон здесь.

Питер открыл, не успела я постучать. На нем был свитер с вышитым на груди Сантой. В цветах елки, разумеется.

— Гляньте-ка, — сказал вампир ядовито. — Снизойшла-таки до нас, недостойных...

Не ответив ни слова, я прошагала мимо него в комнату, отмечая на ходу знакомые лица, Джером. Коди. Хью. Не то.

Нифон, стоявший с бокалом вина в руках, увидев меня, насмешливо вскинул брови. Обычно я его избегала, поэтому он, конечно, удивился, когда я вдруг направилась к нему.

И удивился еще сильнее, когда я его ударила.

Я даже не стала делать кулак больше и тяжелее. И так хватило. Бокал выпал у него из рук, вино выплеснулось на ковер кровавой лужей. Черт отлетел, с грохотом ударился спиной в китайскую горку Питера. Сполз на пол и выпучил в изумлении глаза. Я опустилась на колени, сгребла его за модельную рубашку и подтащила к себе.

— Оставь меня в покое, дрянь, иначе убью, — прошипела я.

Лицо его исказилось страхом.

— Охренела? Что ты де...

И вдруг страх исчез. Нифон расхохотался.

— Значит, он все-таки решился, да? Бросил тебя? Долго я его уговаривал... думал, никогда не поверит, что так будет лучше для вас обоих. Ну-ну. Прелестно. Никакие твои чары не помогли... ай!

Я рванула за рубашку, подтаскивая его ближе. Наконец-то во мне ожило какое-то чувство. Ярость. Роль Нифона была значительней, чем я думала.

Его лицо оказалось лишь в нескольких дюймах от моего.

— Помнишь, ты сказал, что я всего-навсего потаскуха из дерьмового рыбацкого городишки? Ты прав. И я в таких дерьмовых ситуациях выживала, которые тебе и не снились. А еще... знаешь что? В детстве я только и делала, что рыбу потрошила.

Я провела пальцем по его горлу.

— И тебя могу. Запросто. Распорю брюхо, выдеру кишки, и ты запросишь смерти. Пожалеешь, что бессмертен. Я буду делать это снова и снова...

Ухмылочка его стерлась. Тут ожили остальные.

— Что стоите? — рявкнул Джером. — Оттащите ее!

Коди и Хью ухватили меня за руки, оторвали от съездившегося Нифона. Я отбивалась изо всех сил, пытаюсь снова в него вцепиться. Но они были сильнее. И у меня не хватало энергии, чтобы добавить себе мускулатуры.

— Вышвырни его, Джером! — закричала я. — Вышвырни, иначе, клянусь Богом, я и впрямь порву его на части. Он устроил мне засаду с Тауни. Приволок сюда Никту, тварь поганая! Пусть убирается!

Тут я увидела лицо своего начальника. Злое и жесткое. Кричать на Джерома не следовало — особенно в присутствии остальных подчиненных. Я уж думала, сейчас он велит мне заткнуться. Но демон вдруг перевел взгляд на Нифона. И сказал:

— Пошел вон.

Нифон разинул рот. Точь-в-точь как рыба.

— Джером! Ты не...

— Пошел вон. Я знаю, что ты задумал. Но не стоило делать это у меня за спиной. Проваливай, и чтобы завтра тебя в городе не было.

Нифон снова открыл рот. Но посмотрел на Джерома, потом на меня, потом снова на Джерома. Сглотнув, с трудом поднялся на ноги, схватил свой кейс, валявшийся на диване. Еще раз зыркнул на меня и выскочил за дверь.

Джером перевел взгляд на Тауни. Та прижалась к стене в тщетном усилии в нее вдавиться.

— Она не виновата, — быстро сказала я. — Не наказывай.

Он посверлил ее взглядом еще несколько секунд, потом нетерпеливо вздохнул.

— Ладно. Позже разберусь.

К добру это или к худу, я не поняла, но что на месте не прибил — уже хорошо. Судя по облегчению на лице Тауни, она тоже так решила.

Коди и Хью поддержали меня еще немного, потом наконец отпустили. Тут только я заметила, что все еще тяжело дышу.

Воцарилось напряженное молчание. Нарушил его Коди:

— Где ты научилась такому грамотному хуку?

— В Средние века без этого было не выжить, — ответил за меня Питер.

Посмотрел на красное пятно на ковре, вздохнул.

— М-да, газировкой не ототрешь.

— Джорджи, — прорычал Джером. — Не смей так разговаривать со мной, никогда.

Я выровняла дыхание, смирила все еще снедавшую меня жажду крови. И с вызовом посмотрела Джерому в глаза.

— Заметано.

А потом, не в силах больше выносить удивленные и встревоженные взгляды друзей, развернулась и выбежала на лестницу. Спустилась на один пролет, села на ступеньки. И, закрыв лицо руками, разрыдалась. Горе взяло наконец свое.

Через несколько минут за спиной слышались шаги. Рядом со мной уселся Хью, обнял за плечи. Я уткнулась лицом ему в грудь.

— Переживешь и это, — сказал он тихо.

— Нет, — прорыдала я. — Не переживу. Я так одинока. Мне хочется умереть.

— Глупости. Ты потрясающая женщина, тебя многие любят.

Я подняла голову, заглянула ему в глаза. Они были полны сочувствия. Таким серьезным я видела Хью всего раз в жизни — когда он кричал на Сета за покером. Я шмыгнула носом, вытерла глаза.

— Мы с Сетом расстались. Как ты и хотел.

Хью покачал головой.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива. Сет нравится мне на самом деле. И если бы вы могли быть вместе без всяких страданий, я благословил бы вас первым. Но, думаю, это невозможно. Поэтому лучше так...

— Ты сказал ему тогда, что я не брошу его, даже будь он распоследним болваном. Может, он поэтому так поступил? Переспал с Мэдди? Ударил посильнее, чтобы я его отпустила?

Хью, услышав имя Мэдди, как будто удивился.

— Не знаю. Понятия не имею, о чем он думал.

Я вздохнула, снова прижалась к нему.

— Я этого не переживу.

— Переживешь.

— Много времени понадобится.

— Что ж, время у тебя есть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Наступил канун Нового года.

Уоррен, владелец «Изумрудного города», закатил у себя дома роскошную вечеринку, на которую пригласил всех сотрудников и еще человек пятьдесят. Дом у него был большой, и на расходы Уоррен не поскупился. Гостей обслуживали официанты. Напитки с шиком смешивал бармен. Музыка занимался диджей. Лучшая вечеринка из всех, на каких я побывала за год. Все повеселились на славу.

Кроме меня, конечно.

Там присутствовали и Сет с Мэдди. Как парочка, не таясь, и странно было видеть это — я привыкла скрывать наши с ним отношения. Мэдди же, вернувшись от родных в Сиэтл, никаких секретов устраивать не стала. Через двадцать четыре часа знали все в магазине. Пообсуждали, посплетничали и пришли к общему выводу, что они друг другу подходят.

Я бы согласилась, наверное, не касайся это меня лично. А так, когда я увидела их в другом конце комнаты, в кругу сотрудников, мне захотелось пойти и вытошнить только что съеденную икру. Они держались за руки. Мэдди светила как суккуб и оживленно что-то рассказывала. Сет, приодевшийся для разнообразия, выглядел прекрасно. Слушал ее и улыбался. Хотя чувствовал себя неуютно — глаза были печальные. Наверняка пришел только по настоянию Мэдди. Никогда он не стал бы тыкать мне в глаза их отношениями, в этом я была уверена. Но с другой стороны, я была уверена и в том, что он никогда меня не бросит...

Он поднял голову, окинул комнату взглядом и остановил его на мне. Случайно увидел или искал, сказать трудно. Мы встретились глазами. Лицо у него стало хмурым и задумчивым. Каким было мое — не знаю. Через мгновение Сет отвернулся. И больше не улыбался.

— Так и хочется рот прополоскать, правда?

Ко мне подошел Даг с пятым уже, кажется, по счету коктейлем из рома и кока-колы. Я кивнула на бокал у него в руке.

— Что, слишком сладко?

Он усмехнулся.

— Я про свою сестру и Мортенсена.

Бросив на них еще один взгляд, я сказала:

— Все считают их славной парочкой.

— Знаю. Но не решил еще, как мне к этому относиться. — Даг залпом допил свой коктейль. — Он спит с моей сестрой. Я вроде бы должен возмутиться и встать на защиту ее чести. А сам думаю — вдруг у них все сложится так хорошо, что она к нему переедет? И... как-то даже радуюсь этой мысли.

Ох. Плохо было уже и то, что они вообще встречались. Но жить вместе?... Так далеко вперед я не заглядывала. Всего-то неделя прошла...

Я досчитала про себя до пяти, чтобы не сказать ничего такого, о чем потом пожалею. И пробормотала неопределенно:

— Кто знает?

Даг, глядя на меня, склонил голову набок.

— Я-то думал, с ним скорее ты сойдешься. Поклонница все-таки, да еще эти его эротические повествования о тебе...

Он имел в виду недавно напечатанный рассказ Сета, героиня которого была фантастически — и совершенно случайно — похожа на меня. Даг, конечно, шутил, не подозревая даже, насколько близок к истине.

— Ну, — сказала я, — сдается, героиней следующих повествований станет твоя сестра.

Он побледнел.

— О боже. Об этом я и не подумал.

Заглянул в пустой бокал.

— Пойду-ка еще возьму.

Глядя ему вслед, я чуть не улыбнулась, вопреки своему намерению оставаться несчастной. До сих пор мне это удавалось. Я ни к кому не подходила, отделялась парой слов от всех, кто пытался вовлечь меня в разговор. Отказала уже нескольким мужчинам, желавшим пригласить меня на танец или угостить коктейлем. Мне хотелось быть одной. Не следовало сюда приходить.

— Вот уж не думал, что увижу тебя в одиночестве на праздничном вечере.

Присутствие его я почувствовала раньше, чем услышала голос.

— Картер... ты здесь откуда? Приглашения не получал, я точно знаю.

— Прослышал, что это местечко нельзя не посетить.

— Разве являться без приглашения не один из семи смертных... ох, ни фиги себе.

Ангел вышел у меня из-за спины. Светлые волосы вымыты и причесаны, одет в джинсы и голубую рубашку поло. Наряд совсем не для вечеринки и в то же время — самый благопристойный из всех, что я на нем видела.

Поняв, что меня удивило, он рассмеялся.

— Не мог же я прийти в своем обычном виде. И по сравнению с тобой все равно одет плохо.

На мне было облегающее атласное платье с высоким глухим воротником. Черное. Под стать настроению.

— Да, — сказала я, — но все же, если сравнивать с нашим обычным видом, ты одет здесь лучше всех.

— Прекрасная вечеринка.

Он окинул взглядом комнату, держа в руке бокал, которого мгновение назад, я смело поклялась бы, не было.

— Хотя тебя, похоже, она не радует.

Говорить об этом я была еще не готова. Особенно с ним. Поэтому отвела глаза, рассеянно посмотрела на Дага, клеившегося к какой-то женщине старше его лет на двадцать.

Закончилась одна песня, диджей поставил другую. При первых же звуках гитары меня передернуло. «*Sweet Home Alabama*».

— Вот дерьмо, — сказала я.

— Что? — спросил Картер.

— Ненавижу эту песню.

— Правда? А мне нравится.

Я вздохнула.

— Что случилось с Ясмин?

Веселости его как не бывало.

— Ты знаешь, что с ней случилось. Теперь она принадлежит аду. Там ей найдут применение, уверен.

— А она захочет этого? — спросила я. — Неужели и вправду отвернется от небес и вступит с ними в борьбу?

— Так бывает всегда. — Он почти повторил слова Винсента. — Через какое-то время, лишенная общества других ангелов и божественного присутствия, она... захочет сражаться против небес.

— Глупость какая-то. Получается... что ее как будто вынуждают творить зло.

— Она сама выбрала падение.

— Из-за любви! Ты же всегда говорил, что любовь — величайшее чудо во вселенной.

— Так и есть. Но любовь ангела принадлежит в первую очередь вышней силе. А во вторую — всему человечеству. Ее нельзя отдать какому-то одному существу, будь то человек или нефилим.

— Глупо. По-моему, нефилим прав — в мире все наперекосяк.

Я отдала пустой бокал проходившей мимо официантке. И, поколебавшись немного, заговорила о том, что эта песня поневоле заставила меня вспомнить.

— Картер... скажи, видения Никты всегда правдивы?

— Насколько я знаю, да. Хотя не всегда сбываются так, как ожидаешь. А что?

— Да ничего. Просто... мне любопытно, что же она мне все-таки показала.

— А. Ну, это сложно. — Он нахмурился. — Поскольку она тобой манипулировала, так сразу и не скажешь. Я не все о ней знаю. А что именно она показала?

— Неваж...

Музыка вдруг умолкла. И кто-то принялся выкрикивать громко:

— Десять!.. Девять!..

Я взглянула на часы. Почти полночь.

— Восемь!.. Семь!..

Народ начал расхватывать напитки и хлопушки. У кого была пара, поспешили подойти друг к другу.

— Шесть!.. Пять!..

Мэдди придвинулась к Сету. Он наклонился к ней.

— Четыре!.. Три!..

Я схватила Картера за руку. Это было невозможно. Смотреть, как Сет и Мэдди целуются...

— Забери меня отсюда! — Мне вдруг стало трудно дышать.

— Два!..

— Картер, забери...

Мир неожиданно взорвался светом. Лицо обожгло холодным воздухом. Утратив ориентацию в пространстве, я пошатнулась, и Картер обхватил меня обеими руками, чтобы поддержать.

Мы стояли на крыше. Перед нами высилась «Космическая игла». Вокруг нее вспыхивали один за другим фейерверки, рассыпаясь снопами радужных искр. Грохотало так, что я содрогнулась.

— Лучший вид в городе, — насмешливо сказал Картер.

Я огляделась, пытаюсь сообразить, где же мы находимся.

— На крыше книжного магазина, — подсказал он.

Потом отпустил меня, и некоторое время мы стояли молча. «Космическая игла» была так близко, что вскоре ветром до нас донесло запах дыма. Руки замерзли, я стала растирать их, потом спохватилась, и на мне появилось пальто.

— Новый год означает новые возможности, Джорджина, — заговорил наконец Картер, любуясь фейерверками.

— Не для меня. Я потеряла все, что у меня было. Потеряла Сета. Ни на что не гожусь.

— В этом нет твоей вины. В делах сердечных всегда участвуют двое. И все решения они должны принимать вдвоем. Так что виноват Сет.

Я покачала головой.

— Нет... он ни при чем. Я виновата.

— Ты забываешь о картине в целом, дочь Лилит. О роли Нифона, например. Что он пытался сделать?

— Сломать мне жизнь, — сказала я горько. — Да, он приложил руку. Но всего лишь завершил то, что я сама начала.

— Почему он это сделал?

— Потому что ненавидит меня.

Картер вздохнул.

— Нет, ты не понимаешь.

Я повернулась к нему.

— О чем ты? Что тут еще понимать?

— Больше я ничего не могу сказать. Не вправе вмешиваться.

Небеса озарил изумительно прекрасный фонтан серебряных искр, и Картер умолк. Мне вспомнился разговор с Хью.

— Он... Нифон и впрямь напутал что-то в моем договоре? Допустил ошибку?

— Это — дела вашей стороны. — Он снова вздохнул. — Их обсуждать я тоже не вправе. Могу сказать только, что вечность — слишком долгий срок для искупления вины.

— Почему ты вообще вмешиваешься? — спросила я. — Какое дело тебе до нас с Сетом?

Он посмотрел на меня.

— Мне нравятся счастливые концы. Нравится им содействовать.

— Да ладно. Что ж ты с нашим-то лажанулся?

Я увидела знакомую циничную ухмылку.

— Домой не хочешь?

— Досмотреть хочу. — Я повернулась к «Космической игле».

— Ну, смотри.

— Ой... погоди-ка.

Я полезла в сумку, достала вязаную кашемировую шапочку. Вручила ему.

— Счастливого Рождества. Извини, не упаковала.

Картер повертел в руках подарок Тайного Санты, натянул на голову.

— В самый раз.

...Домой он меня отправил посредством ангельской телепортации, от которой меня всегда подташнивало. Пока я искала впотьмах выключатель, Обри радостно терлась о мои ноги. У нижних соседей, судя по доносившемуся шуму, веселье было в полном разгаре.

Посреди гостиной я скинула туфли, прошла в спальню, расстегивая на ходу платье. Бросив тесную одежду на пол, наконец-то вздохнула свободно. Открыла шкаф, встала на колени и, пошарив в нем, снова откопала старую обувную коробку.

На шее у меня так и висело на цепочке кольцо Сета. Теперь я сняла его, положила на ладонь и долго сидела, любясь мягким блеском платины и игрой сапфиров. Потом вынула из коробки старинное кольцо, положила на другую ладонь. И еще какое-то время разглядывала то одно, то другое. Разные... и все же такие похожие.

«Тебе предназначено было страдать. И по этому пути ты собираешься идти вечно. Не учишься. Не меняешься».

Вздохнув, я положила в коробку оба кольца, рядом с тяжелым золотым крестом. Накрыла крышкой и сунула в шкаф.

Кончено. Все кончено.

Как была, полунагая, я отправилась туда, где бросила сумку, достала мобильник. Набрала номер и стала ждать.

— Алло?

— Данте... это Джорджина.

— Кто?

Вздрогнув, я сообразила, что никогда не называла ему своего имени.

— Суккуб.

— А. — Мне показалось, что на самом деле он уже узнал меня по голосу. — С Новым годом.

Я глубоко вдохнула.

— Ты сегодня ночью свободен?

Последовало долгое, многозначительное молчание.

— А как же мужчина из сна? — спросил он, наконец.

— Не существует никакого мужчины из сна.